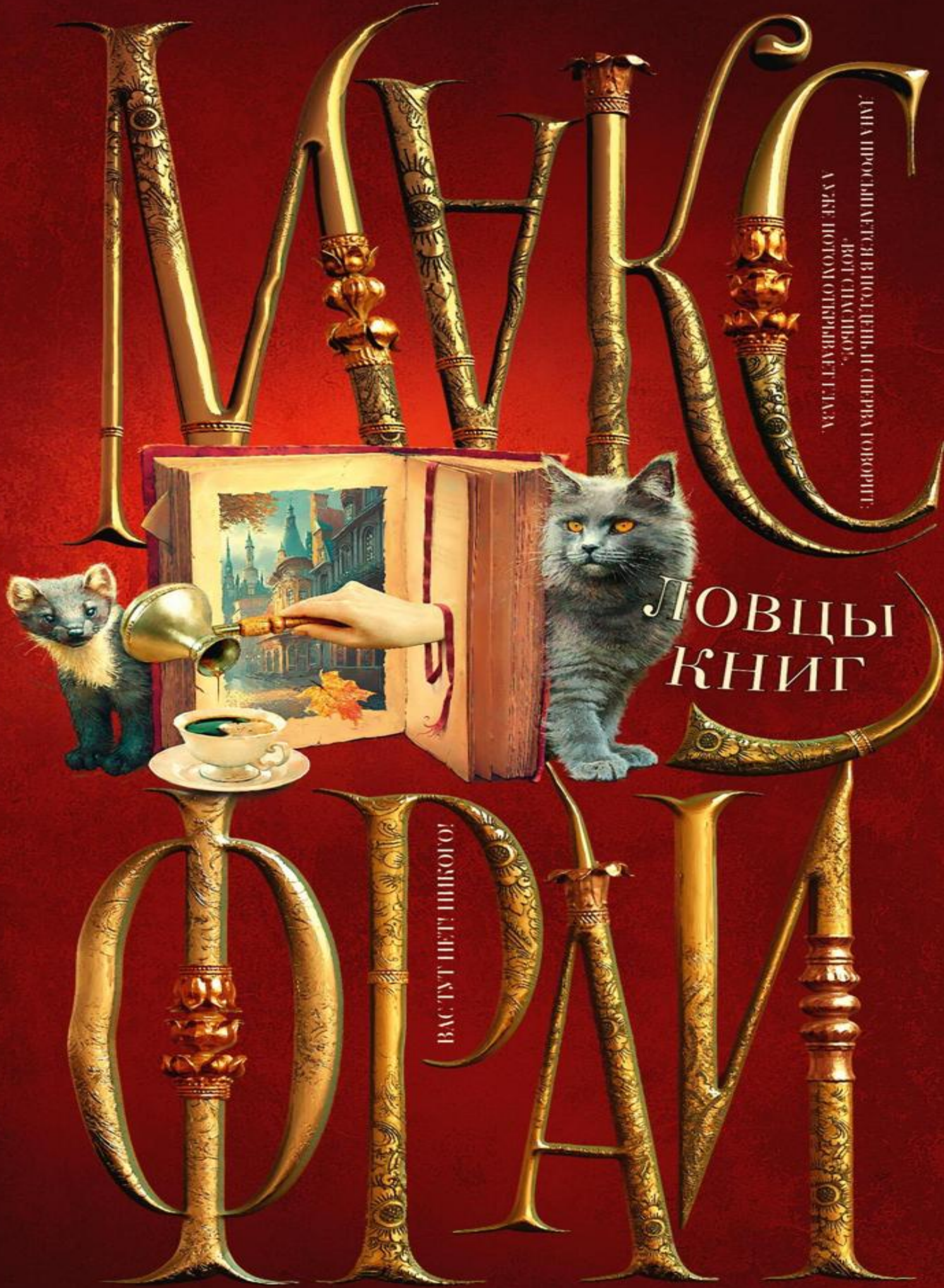
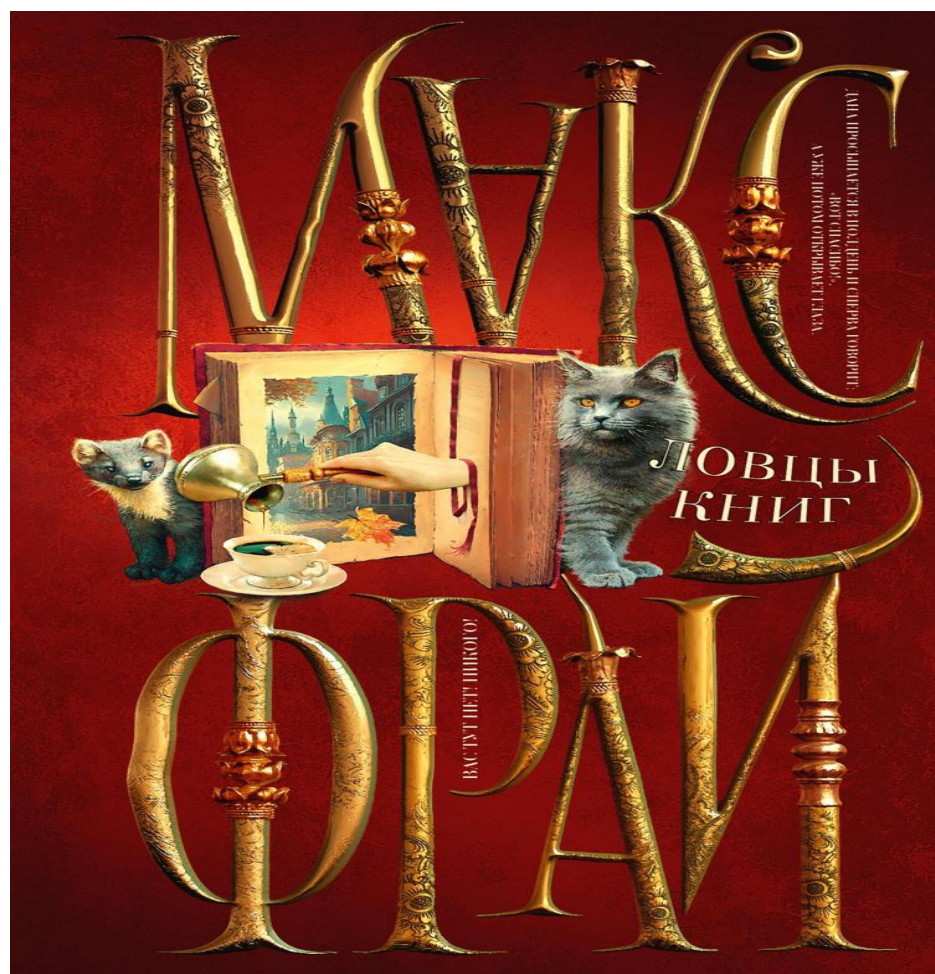

КАНА ПРОСЫПАЕТСЯ В ПОЛДЕНЬ, И СПЕРВА ГОВОРЯТ:
«ВОТ СПАСИБО!».
А ЗАТЕМ ПОТОМ ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА.

ЛОВЦЫ КНИГ

ВАС ТУТ НЕ ТУШКОГО!

«Андрей Арсенов в постели и сиреневом свете»
«Андрей Арсенов»
«Андрей Арсенов»

ЛОВЦЫ
КНИГ

ВАСИЛИЙ ПЕЧНИЧЕНКО

Annotation

Что мы знаем об этой книге? Что когда казалось, писать книги стало бессмысленно, потому что ни в каких человеческих делах смысла явственно больше нет, мне захотелось написать идеальный (с моей точки зрения) роман. И он станет первым из цикла книг, которые я написала просто так, в подарок себе.

О том, что мне интересно и нравится. Вот, к примеру, о Вильнюсе и Лейне, о Грае-Кане и бескрайних степях Улим-хайя, о Тёнси, в конце концов. О себе и своих друзьях, как мы с ними отлично проводим время, когда встречаемся или снимся, или заново придумываем друг друга, потому что забыли, но не можем перестать вспоминать. И о том, насколько мы вместе даже в разлуке, когда между нами не просто тысячи километров, а реки текущего в разные стороны времени, не случившиеся события и недостижимые миры. И о том, какие мы у нашего неизъяснимого Автора получились отличные. Как круто в любых обстоятельствах нами быть.

-
- [Макс Фрай](#)
 -
 - [Лейн,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Фано,](#)
 - [Фано,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Вильнюс,](#)
 - [Фано,](#)
 - [Грас-Кан,](#)
 - [Фано,](#)
 - [Лейн,](#)
 - [Лейн,](#)

- [Алай, Улимхайя,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Грас-Кан,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Лейн,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Лейн,](#)
- [Лейн,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [Вильнюс,](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
-

Макс Фрай

Ловцы книг

* * *

© Макс Фрай, текст, 2023
© Екатерина Ферез, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

- *Что мы знаем о Лейне?*

Что это город у моря, скорее даже город вдоль моря: в длину сорок семь километров (это если считать без пригородов), в ширину – максимум три. Жить далеко от моря в приморском городе нет дураков.

- *Что мы знаем о Лейне?*

Что там зеркальное небо; впрочем, только над центром и примыкающими к нему городскими пляжами; на окраинах Лейна, над крытым Прибрежным рынком, корабельными доками, районами Козни, Политехнический и Сады небо вполне обычное, днём бирюзовое, тёмно-лиловое, звёздное по ночам. А что созвездия нам незнакомы,

так это как раз нормально. Странно было бы ждать, что мы увидим над Лейном нашу Большую Медведицу, Орион или Большого Пса.

- Что мы знаем о Лейне?*

Что там хозяйничают два ветра. Тёплый приходит с моря, холодный приходит с гор; по счастливому совпадению морской – весельчак и гуляка, а горец ленив, поэтому зимы в Лейне редкие и короткие, две-три недели, да и то не каждый год. Горожане от них в восторге, потому что, во-первых, когда заснеженные крыши и тротуары отражаются в зеркале неба, это очень красиво, а во-вторых, после каждой зимы непременно наступает весна.

- Что мы знаем о Лейне?*

Что весной на его площадях и бульварах цветут черешни и сливы, их так много, что даже в море плавают белые и розовые лепестки. Что всякое лето в Лейне кажется вечным, а деревья меняют цвет листьев, не дожидаясь осени, не из насущных соображений и не вследствие каких-то внешних воздействий, а просто для красоты. Что в самые жаркие дни с гор прилетают прозрачные птицы, рыбу они не ловят, гнёзд не вьют, не выводят птенцов, только целыми днями кружат над городом, а в сумерках улетают; существует гипотеза, что прозрачные птицы вместо пищи поглощают солнечные лучи. Местные чайки прозрачных птиц опасаются, не задирают, хотя они в Лейне такие же наглые и бесстрашные, как во всех приморских городах.

- Что мы знаем о Лейне?*

Что Лейн – неофициальная (другой им не надо) столица Сообщества Девяноста Иллюзий; на самом деле неточный, плохой перевод. Значение слова «иллюзия» – «нечто кажущееся, следствие искажения восприятия», и происходит оно от латинского слова «illusio», то есть обман. А Лейн, как любой другой населённый пункт Сообщества Девяноста Иллюзий, проложенные между ними дороги, текущие реки, озёра, степи, горы, болота, пустыни, моря и леса, – не обман, а действительность, данная в (восхитительных) ощущениях всем своим жителям и гостям. Однако более точного перевода я подобрать не могу: в нашем языке нет специального слова,

обозначающего реальность, родившуюся из наваждения, материю, сгустившуюся из идеи, жизнь, возникшую из мечты.

(Впрочем, мой перевод вполне годится, если вспомнить предположение филологов-латинистов, что в основе слова «*illusio*» лежит «*lucis*» – свет.)

- Что мы знаем о Лейне?

Что Сообщество Девяноста Иллюзий занимает пространство, которое вряд ли можно назвать «планетой», скорее уж «облаком», если местные жители однажды запустят на орбиту какой-нибудь спутник, на сделанных из космоса фотографиях их мир будет выглядеть примерно как-нибудь так. Но когда живёшь там, особой разницы нет; я имею в виду, что земля под ногами жителей Лейна так же тверда, как под нашими, солнечный свет так же ярок, тени прохладны, и воздух, насыщенный кислородом или его аналогом, для дыхания совершенно необходим. А если хочешь попасть из Лейна, к примеру, в Адани, покупаешь билет на поезд и сутки трящёшься в купе, до Шамхума – арендуешь машину или ловишь попутку, другого сообщения с ним пока нет, а тот, кому надо в Мэй-Арован, садится на пароход и дней через восемь, если не десять, сходит на берег, путь неблизкий, это Второй Континент Алали (Первый Континент называется Нары, а есть ещё Третий – Шри). Самолётом можно добраться гораздо быстрее, но пассажирская авиация здесь пока не особо развита, не потому что техника не позволяет, просто на авиацию спрос невелик; в Сообщество Девяноста Иллюзий входят очень разные страны и города-государства, их жителям иногда бывает трудно понять друг друга, но в этом вопросе как сговорились: всем нравится неспешно путешествовать по земле. Поэтому развитием авиации занимаются немногочисленные любители, а деловые люди, когда уж очень торопятся, обращаются за помощью к ним.

(Штука, конечно, ещё и в том, что, когда живёшь в мире, порождённом иллюзией, вполне обычное дело заснуть в одном месте, а проснуться в другом. Это не то чтобы повседневная норма, но с каждым может произойти; с кем-то такое случается почти ежегодно, с кем-то всего пару раз за всю жизнь и считается счастливым событием, даже когда происходит некстати – накануне

защиты диплома, или перед важным свиданием, или гости приехали, или просто надо срочно закончить рабочий проект. Ничего, телефонная связь между всеми городами Сообщества давно налажена, отовсюду можно своим позвонить, окружающие относятся с пониманием, не сердятся, помогают с обратным билетом, переносят дэдлайны и даты мероприятий, спокойно ждут.)

- Что мы знаем о Лейне?

Что из всех городов, входящих в Сообщество Девяноста Иллюзий, он имеет самый высокий коэффициент достоверности: сто сорок три. Это значит, что сто сорок три живых существа из разных реальностей и миров в разное время видели Лейн в своих грёзах, или его сочиняли, или даже пытались его сотворить (неудачно пытались – в том смысле, что поодиночке ни у кого из них не получилось, но ничьи усилия не пропали напрасно, в итоге каждый сделал свой вклад в то, чтобы Лейн однажды осуществился, и длился, и как бы всегда так и был).

Сто сорок три это очень много. Скажем, Грас-Кан пока имеет коэффициент достоверности одиннадцать, и ничего, стоит, как скала; собственно, он и есть город-скала, прекрасный, как сон подгулявшего декоратора, возделенная цель всех любителей путешествий, для многих недостижимая, потому что прыгает с места на место, в смысле, хаотически перемещается по всему Третьему Континенту Шри, никакие карты не помогают, только страсть и удача, но если уж ты приехал в Грас-Кан, там всё будет нормально, я имею в виду, Грас-Кан не галлюцинация и не мираж, под ногами твёрдая почва, еда насыщает, вино опьяняет, вокруг примерно такие же люди, как дома, обычная повседневная жизнь. Всем понятно, что нестабильность положения Грас-Кана в пространстве – временное явление, всё-таки коэффициент достоверности одиннадцать для воплощения очень мал; ничего страшного, Грас-Кан ещё не раз кому-то приснится, привидится, может быть, о нём снимут мультфильм или напишут роман, короче, однажды коэффициент достоверности возрастет до тридцати-сорока и метания прекратятся, а пока хорошо и так.

Но речь сейчас не о Грас-Кане, а о Лейне, чей коэффициент достоверности так высок, что на нём здесь в каком-то смысле всё

держится, как карусель на столбе. Каждая из девяноста иллюзий Сообщества – самодостаточное явление, но цельность, связность этого мира всё-таки началась с него.

- *Что мы знаем о Лейне?*

Что воздух там солон и сладок, тьма веселит, солнечный свет исцеляет, а жизнь даже в горе легка.

- *Что мы знаем о Лейне?*

Что мы о Лейне ничего знать не можем, потому что с нашей точки зрения нет никакого Лейна. (Но в Лейне знают о нас.)

Лейн, Весна 1-го года Этера

Дилани Ана сперва заперла за собой дверь и только потом запела; то ли это означало высокую степень конфиденциальности предстоящей беседы, то ли просто было проявлением милосердия по отношению к дежурному секретарю, Тэко Машши не успел разобраться, потому что его зацепила – не сама незнакомая песня, а её интонация, настроение, может быть, какое-то необычное чередование гласных с согласными; ладно, будем считать, её метасмысл.

– This is the end, beautiful friend^[1], – пела Дилани Ана; строго говоря, это не называется «петь», это называется «выкрикивать, подвывая»; при всём уважении к Дилани Ане, вокал не самая сильная её сторона. – This is the end, my only friend!

На этом месте она пустила такого душераздирающего петуха, что даже Тэко Машши перекосило, хотя он никогда не слышал оригинала в нормальном исполнении, и в ненормальном тоже не слышал, прекрасно, между прочим, без него обходился, невозможно знать всё. У Тэко Машши другая специализация, он когда-то начал свою карьеру в издательском бизнесе как первый переводчик с каорги, это группа языков цивилизации Хойна, художественная литература там появилась недавно, и произведения, потенциально интересные хотя бы относительно широкому кругу читателей, по пальцам пересчитать. Из чего можно сделать два вывода: Тэко Машши лёгких путей не ищет, и он не знаток англоязычной поэзии, тем более не любитель рок-музыки цивилизации ТХ-19, хотя, безусловно, глубоко уважает это потустороннее культурное явление – по умолчанию, не вникая, просто потому что живые, возможно даже разумные существа его создавали, старались, значит, хоть кто-то должен теперь этот ужас глубоко уважать.

– Я не знаю языков ТХ-19, кроме французского, который взял на шестом, что ли, курсе специально для прохождения обязательной практики, – на всякий случай напомнил он. – Но чувствую, что в

тексте, который ты декламируешь, содержится сообщение о проблеме. Объясни человеческими словами, что не так?

– Ой, да! – горячо подтвердила Дилани Ана. – Ещё о какой проблеме! Знал бы ты, какой там дальше текст! Father, I want to kill you, mother, I want to fuck you...

– Что-что?

На самом деле Тэко Машши не особенно интересно, но, когда в твоём присутствии цитируют фрагменты потусторонней лирики, невежливо не спросить перевод.

– Тебе такой ужас не надо, – рассмеялась Дилани Ана. – Забей! Главное, что у нас с тобой нет таких проблем. И вообще никаких... почти. Только одна, совсем небольшая. Кадровая. Довольно легко решаемая. Прости, дорогой, я желаю закрыть контракт.

Тэко Машши, четвёртый (не по рангу, а просто по счёту, до него директоров было три) глава издательского дома СэньДэ («нь» здесь означает немой, то есть неразличаемый органами слуха звук, в момент произнесения которого у говорящего и слушателей всё внутри останавливается – биение сердца, ток крови, дыхание, мысли – только на долю секунды, так что сознание не успевает зафиксировать этот сбой, а треугольнику соответствует сильный и звучный выдох. Теоретически, можно было бы достаточно точно транслитерировать название издательства как «Сэ-ххэ», а не выпендриваться с диковинными закорюками, но я-то как раз люблю выпендриваться и закорюки, и чёрт его знает, когда ещё представится повод рассказать про странный беззвучный запинку-звук), – так вот, Тэко Машши совершенно не удивился. Он свои кадры знает и давно чего-то подобного ждал. Дилани Ана и так занимала должность руководителя отдела переводов ТХ-19 целых четырнадцать лет. То есть Тэко Машши с большим удовольствием оставил бы её ещё хоть на восемьдесят, но «хотеть» не означает «твёрдо рассчитывать», особенно если ты – не мечтатель, а реалист. Тэко Машши прекрасно помнит, как спрашивал Дилани Ану прежде, чем утвердить её назначение: «Ты уверена, что хотя бы пять лет у нас проработаешь?» – и как она долго думала прежде, чем ответить «да». А плюс ещё девять лет к твёрдо обещанным пяти – это подарок. Чудо на самом деле, что Дилани Ана только теперь собралась уходить. Ловцы книг, как музыканты,

бывшими не бывают. На одном месте долго сидеть не могут, каким мёдом это место им ни намажь.

– Ладно, Кай Лара, наверное, справится, – наконец сказал Тэко Машши. – Как думаешь?

– Да естественно справится. Я весь последний год на неё понемногу перекладывала дела.

– Я заметил.

– Ещё бы ты не заметил.

– Ну да, – кивнул Тэко Машши и отвернулся к окну, за которым вот прямо сейчас не происходило ничего особенно интересного. Только чайки носились с воплями и сливы на бульваре Приключений цвели.

Наконец он сказал:

– Знаешь, я наверное даже рад.

– Что, так достала? – расхохоталась Дилани Ана.

– Ай, да ну тебя. Чем ты меня, интересно, могла достать? Твой отдел сейчас приносит издательству примерно треть от всего дохода. До тебя была пятая часть, и мне казалось, что лучше работать уже невозможно, но ты показала класс. Просто я от многих слышал, что для опытного Ловца навсегда уйти в другую профессию – катастрофа. Поэтому рад за тебя.

– Да прям-таки катастрофа, – отмахнулась Дилани Ана. – Все люди разные. Для кого как. Мне было нормально. Мне надоела ТХ-19, меня не тянуло туда. Книг с головой хватало, прочитаешь очередную и вздрогнешь: мама дорогая, что за долбаный морок! А я там живьём, целиком столько раз была! Собственно, меня и сейчас туда не то чтобы тянет. Я их совсем разлюбила. Всё, кроме книг и музыки, но книги-то мне оттуда приносят пачками. А коллекция дисков дома лежит.

– Ничего не понимаю, – вздохнул Тэко Машши. – А почему ты тогда закрываешь контракт? Просто устала работать? Так это иначе решается. Отпуск возьми. Хоть на год!

– Не устала. Другое. Я тебе уже говорила, мне не нравятся книги, которые нам из ТХ-19 в последние годы несут.

– Так мне они тоже не нравятся, – с энтузиазмом подтвердил Тэко Машши. – И никогда не нравились! Потому что я странный, как ты сама говоришь. Но объективно, художественная литература реальности ТХ-19 – лучшее, что у нас есть. Интересна читателям, захватывает

внимание, даёт толчок для развития и полноценно питает сны. Плюс приносит огромный доход издательству, но это просто приятное дополнение, уж настолько ты меня знаешь, на чём попало зарабатывать я бы не стал.

– Да, – нетерпеливо согласилась Дилани Ана. – Но дело не в том, что у меня изменился вкус. Не изменился! Мне что-то другое в тамошних книгах не нравится. Неуловимое. Горечь пробелов между словами? Тяжесть точек? Смятение теней их авторов? То, о чём все они хором молчат? Не могу сформулировать. Не понимаю! И хочу разобраться. Кто-то должен, а больше некому. Ловцы ничего такого не чувствуют, но это как раз нормально, они проводят там слишком много времени. Некоторые, прикинь, говорят, прощаясь в конце вечеринки: «Всё, пока, я завтра домой». Переводчики тоже не чувствуют, но среди моих переводчиков нет ни одного мало-мальски опытного Ловца. В лучшем случае когда-то неудачно попробовали и бросили, а есть такие, кто даже не начинал. А я как раз опытная. Знаю контекст. И при этом достаточно долго не была в ТХ-19, чтобы стать там чужой. Смогу сохранять дистанцию, хотя бы первое время. У меня будет ясный и трезвый взгляд.

– Не сомневаюсь, таким он и будет, – сказал Тэко Машши. Чтобы силой своего слова дополнительно утвердить это предположение, а не просто поддержать разговор.

– Спасибо, дорогой. Надеюсь, на месте я пойму, чем мне их последние книжки не угодили. Может, я просто так реагирую на какие-нибудь новомодные тенденции? Консервативной отродясь не была, но мало ли. Всё бывает. Вдруг моя усталость проявляется так? Или Ловцы дружно потеряли нюх и тащат сюда что попало? Кстати, скорее всего, так и есть; но тогда тем более надо изучить ситуацию. Из чего они выбирают? Иными словами, что они нам не приносят, потому что не обратили внимания? Может, это самое крутое сейчас и есть? И, исходя из этого, иначе ставить задачу. В последний раз основные критерии отбора формулировались, страшно даже подумать, лет шестьдесят, если не больше назад. Короче, если так, всё нормально, проблема легко решается. Главное – убедиться, что по большому счёту литература ТХ-19 в порядке. Что она не превращается понемногу, незаметно для читателей в яд.

– Я, конечно, не в теме, – вздохнул Тэко Машши. – Твоя ТХ-19 для меня примерно как математика: я рад, что она существует, согласен, что это прекрасно, и бесконечно счастлив, что не обязан её изучать. Но даже мне ясно, что ты права. Когда есть такие сомнения, надо идти разбираться на месте. Хотел бы тебе в этом деле помочь, да чем тут поможешь. Разве что оформить твой уход как длительную командировку. Строго говоря, ты же собираешься действовать в интересах издательства, просто по счастливому совпадению это нужно тебе самой. Не захочешь потом возвращаться на должность – вольному воля. Но своё расследование ты проведёшь для нас.

– Об этом я не подумала, – удивлённо согласилась Дилани Ана. – А ведь да! Ладно, спасибо. Так честно. И приятно. Обожаю командировочные. Можно не экономить, ура!

– И ещё, – вкрадчиво сказал Тэко Машши, – я мог бы на это время взять твоего кота.

– Да у меня уже очередь из желающих! – рассмеялась Дилани Ана. – Но если не шутишь, у тебя преимущество. Туча очень любит тебя.

– А я его. Хочешь открою ужасный секрет? Когда я прихожу к тебе в гости, всегда вспоминаю Карашский эпос. Конечно, ты не читала, его кроме меня вообще никто не читал. Это было моё исследование для диссертации, расшифровка первых стеклянных книг кубарачей, найденных в области Улимхайя; неважно. Там трагическая история пришествия в их степи Великой Снежной Зимы начинается с того, что младший брат крадёт у старшего брата говорящее облако. Карашский эпос – история духов, по сюжету они пастухи, пасут облака. И один дух-пастух так сильно полюбил одно из облаков своего старшего брата, что не выдержал и украл...

– Ты вспоминаешь этот эпос, потому что хочешь украсть моего кота? – восхитилась Дилани Ана.

– Ну да, – Тэко Машши закрыл половину лица рукой, как нашаливший ребёнок. – Кота по имени Туча! Бесстыдно лобовая цитата. Может только поэтому и не украл.

Вильнюс, Октябрь 2020

Дана просыпается в полдень и сперва говорит: «Вот спасибо», – а уже потом открывает глаза. «Спасибо» она говорит себе и своей судьбе, и её непостижимому автору, и ещё кому-то причастному (Дана точно не знает, но допускает разные варианты, может там целый небесный офис её судьбой занимается, стараются, косячат, запарывают дэдлайны, ночи не спят) – за то, что проснулась, жизнь продолжается, можно всю развлекаться, или наоборот, отдыхать. Дана уже давно (по-настоящему, объективно давно, а не в прошлую пятницу, о которой Дана, если ей вдруг напомнят, тоже скажет: «ой, так это было сто лет назад») – так вот, однажды Дана решила, что если уж умирать, то только во сне, иначе она не согласна, видела пару раз, как люди наяву умирают, не хотелось бы так. А если уж Дана что-то решила, так и будет, это проверено, разве что не всегда получается быстро. По-настоящему быстро – почти никогда. Дану это бесит ужасно, но что касается смерти, «не получается быстро» это даже и хорошо.

Куница Артемий, спавший в ногах у Даны, открывает один непроницаемо тёмный глаз. Дана улыбается: «Эй, ты в курсе, что ты ночное животное? Спи давай». Артемий закрывает глаз и сворачивается уютным калачиком, он сговорчивый. В смысле, знает, с кем связался. Пока Дана не выпьет кофе, курицу из холодильника всё равно не достанет, хоть тресни. Ну и толку тогда вместе с ней подскакивать – чтобы дольше завтрака ждать?

Кот Раусфомштрэнд (Дана когда-то назвала не в меру темпераментного котёнка Нахренспляжа, но потом устыдилась и деликатно перевела), спавший у Даны под боком, открывает оба зелёных глаза, вскакивает, мчится на кухню, но не крутится под ногами, а запрыгивает на шкаф и сидит там, демонстрируя всем своим видом: «да нормально всё, не спеши, пей кофе спокойно, я не голодный, просто хочу быть рядом с тобой».

Они оба ужас какие умные, экс-Нахренспляжа и куница Артемий, большинству людей, по мнению Даны, до них далеко. У бедняг просто выхода не было, у Даны особо не забалуешь, она однажды решила, что

у неё могут быть только очень умные звери, жизнь и так непростая штука, не хватало ещё в собственном доме развести дополнительных дураков.

После обеда Дана включает зверям телевизор, канал BBC Earth; для них это как для людей сериалы – к примеру, о викторианской эпохе, по сути условно понятная, но в деталях невообразимая, невозможная чужая дикая жизнь. Поэтому пока Даны нет дома, телевизор работает, пусть развлекаются с пользой. Если надоест, можно выйти на кухню или стукнуть по пульта лапой; короче, разберутся, не маленькие, Дана привыкла им доверять.

– Я сегодня без вас на работу, – говорит Дана коту и кунице. – Не серчайте, завтра точно вместе пойдём.

На обеих мордах написано: «даже не думали, ну а как ещё, положен же нам выходной». Звери любят ходить с Даной в бар, но оставаться дома им тоже нравится. И так хорошо, и так.

Дана выходит из дома без четверти шесть, примерно за час до заката, ей предстоит пройти три с небольшим километра через весь Старый Город – идеальный маршрут, никогда не надоедает, прогулка мечты; однажды Артур шёл к ней в гости, включив специальное приложение в телефоне, и оно подсчитало, что «Крепость» от Даниного подъезда отделяет четыре тысячи четыреста сорок четыре шага. Дана так нравится это число, что она взяла с Артура честное слово больше никогда шаги по дороге к ней не считать. Будет обидно, если в следующий раз приложение насчитает четыре тысячи четыреста сорок три шага. Или четыре тысячи четыреста сорок пять.

«Tvirtovė», «крепость» в переводе с литовского – это бар Даны. В жизни не думала, вообразить не могла, что однажды откроет бар – на какие шиши? И вообще, лицензия, бухгалтерия, выручка, кассовый аппарат – всё это так ужасно, что даже представлять не хотелось. И до сих пор не хочется. К счастью, оказалось, что можно обойтись без лицензий и бухгалтерии – кроме той, что ведёшь сама, для собственного удобства, чтобы понимать, в плюсе ты или в минусе, и прикинуть, что в этом месяце покупать. При условии, что ты Дана, которой достаточно твёрдо решить, что с проверками к тебе ни одна зараза не сунется. Просто никогда о тебе не узнают, не заметят, мимо

пройдут. Неприятных клиентов это тоже касается. Дана не нанималась кого попало обслуживать. Только тех, кто ей нравится. На таких условиях Дана согласна работать. И Артур тоже согласен. Это самое главное – что согласен Артур. Собственно, Пятрас; ай, да неважно, теперь он Артур.

Дана идёт не спеша; впрочем, в её исполнении «не спеша» отличается от спортивной ходьбы только тем, что задница не вихляет, а скорость примерно та же, немногочисленные прохожие заранее расступаются, чтобы не сбила их с ног. Спешила бы, пронеслась бы кометой, испепеляя всё на своём пути, а пепла нам здесь не надо, особенно в октябре, когда земля усыпана кленовыми листьями, а из-под них выглядывают маргаритки, сдуру решившие, что наступила весна; короче, большая удача, что Дана никогда никуда не спешит.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что он находится в городе Вильнюсе неподалёку от перекрёстка улиц Паменкальнё и 16-го Февраля. Что он существует там объективно, в смысле, занимает полуподвальное помещение общей площадью сорок шесть метров в доме под номером... стоп, Дана просила не указывать номер, вдруг кто-нибудь неприятный, ненужный случайно всё это прочитает, запомнит адрес, а потом, оказавшись рядом, зайдёт. Обычно в «Крепость» никогда не приходят люди, которые Дана там не нужны, начиная с представителей власти, больших охотников всех вокруг проверять, и заканчивая просто противными дураками, такие всегда идут мимо, не обращая внимания на вывеску, свет в окнах, музыку и голоса, доносящиеся из-за приоткрытой почти в любую погоду двери. Теоретически в «Крепость» может зайти каждый случайный прохожий, а на практике плохие гости туда не сунутся, им не захочется, даже в

голову не придёт. Но Дана слегка опасается, что знание номера дома может оказаться чем-то вроде специального пропуска, в том смысле, что реальность растеряется, скажет «пи-пип», и невидимые ворота откроются перед на хрен Дана не нужным чёрт знает кем. Вряд ли так действительно будет, но проверять неохота. Не только Дана, а даже мне.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что однажды, уже давно, примерно в две тысячи пятом Дана получила наследство, не от родни, а от старого друга, художника. В юности они были не разлей вода, потом, как говорят в таких случаях, судьба раскидала, через много лет снова свела, и это был отличный подарок; жалко, что ненадолго, но лучше так, чем никак. Пятрас тогда уже сильно болел, заранее утешал подружку: помру, оставляю тебе в наследство свою мастерскую, чтобы без меня не скучала, откроешь там бар. Дана только кривилась – что за глупые шутки? Не надо так. Но маленькую квартиру в полуподвале, где у него много лет была мастерская, Пятрас ей действительно завещал. Дана, как уже говорилось выше, ни за что на свете не хотела связываться с разрешениями, лицензиями, бухгалтерией и прочей фигнёй. Но и последнюю волю мёртвого друга совсем уж игнорировать не могла. Поэтому поначалу просто приходила туда пару раз в неделю по вечерам, приглашала их с Пятрасом общих знакомых выпить и поболтать, сперва обзванивала по списку, потом рассылала напоминания-смс, а потом все и сами привыкли, что по средам и субботам, если вечером окажешься в центре, можно зайти к Дана на кофе и рюмку чего-то покрепче. И заходили, очень уж хорошо там сиделось, и разговоры велись такие, как в юности, когда всё на свете больно и интересно, и сердце такое огромное, что в теле едва помещается, и сам ты – самый несчастный на белом свете, самый счастливый в мире дурак.

Кто первым, уходя, оставил десятку под чашкой, теперь уже не припомнишь, но остальные это увидели и сразу решили, что так будет честно, Дана не должна всё время напитки за свой счёт покупать. Примерно тогда же Дана заметила, что если кто-то ей вдруг разонравился, разочаровал её, поглупел, поскуучнел, надоел, можно не обижать человека, не показывать, что ему здесь не рады,

он и сам больше к ней никогда не придёт, будет занят, или, к примеру, переедет жить куда-нибудь в пригород, или напрочь забудет про её вечеринки, и никто ему не напомнит, с собой не приведет. Не потому что Дана просила, а просто – ну, не захочется, не сложится, не совпадёт.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что вывеску, потемневшую от времени доску с выжженной надписью «Крепость», «Tvirtové», Дана подарили друзья на новый – две тысячи то ли восьмой, то ли девятый, точно сейчас не припомнить – год. Приколотили над входом – в шутку, только на праздничный вечер, обмотали разноцветными огоньками на батарейках, обещали завтра же все украшения снять. Гирлянду и правда убрали примерно через неделю, после того, как окончательно сели аккумуляторы, а вывеска так и осталась. Дана была не против. Подумала: Пятрас был бы этому рад.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что примерно месяц спустя после того, как над входом смеху ради повесили вывеску, Дана стала замечать среди гостей незнакомцев; ну, это понятно: идёт человек по улице, видит вывеску, думает, тут настоящий бар, заходит, получает кофе или джин-тоник, оглядывается, знакомится, втягивается в разговор. Короче, пока разберёшься, что попал не в бар, а в чью-то квартиру, уже не хочется уходить, благо в шею никто не гонит, напротив, строгая с виду хозяйка приветливо улыбается, предлагает партию в нарды, горячий бутерброд из духовки или бокал вина. Денег за угощение никто не требует, здесь ничем не торгуют, ты просто в гостях, но когда замечаешь, что перед уходом каждый суёт купюру в жестянку на подоконнике, сам тоже делаешь так.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что со временем Дана стала приходить в бывшую мастерскую под вывеской «Крепость» всё чаще, потому что – так она себе объясняла – ей просто нравилось проводить там свои вечера. Ну, это правда, если бы Дана не нравилось, она бы быстро прикрыла этот уютный притон к чертям. Но Дана чем дальше, тем больше входила

во вкус, ей пришлось по душе мешать для гостей коктейли, печь сухарики с сыром, заваривать чай, обниматься с приятелями, очаровывать незнакомцев, заводить новых друзей. Дело кончилось тем, что когда закрылась сувенирная лавка, где Дана последние восемь лет проработала, она не стала искать себе новое место, зачем нужна дополнительная работа, когда у тебя уже есть свой бар.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что официально он до сих пор не является баром, поэтому его не касаются никакие запреты; к примеру, там можно курить, благо от Пятраса осталась мощная вытяжка, он в мастерской вечно какие-то вонючие лаки мешал. И на карантин «Крепость», конечно, не закрывалась – по документам это просто квартира, нечего закрывать. Кого-то другого давным-давно бы вывели на чистую воду и прикрыли, в лучшем случае выписав штраф, но к Дане, как было сказано выше, представители власти никогда не заходят. И за столько лет ни одного стукача. Что касается ближайших соседей, все они уже давно завсегдакаи «Крепости», включая старуху Мальвину, которая азартно скандалит со всеми жильцами и просто нево время понавишими ей на глаза прохожими, а к Дане ходит пить чай и печёт ей в подарок смешные чёрные кексы; на каждом взбитым сливочным кремом изображён условно ужасающий выпученный глаз.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что с тех пор, как там появился Артур, подменяющий Дану, «Крепость» работает каждый день от заката (то есть, скажем, в июне нет смысла приходить сюда раньше десяти вечера, зато в январе бар всегда открывается в пять) – и до последнего посетителя; на самом деле, часто – и после последнего посетителя, Дана с Артуром способны сидеть и болтать почти до утра, а потом ещё по дороге домой, провожая друг друга, они большие друзья.

Что мы знаем о баре «Крепость»?

Что вот прямо сейчас Дана уже в двух кварталах отсюда. Сегодня её очередь открывать.

Вильнюс, Октябрь 2020

Дана приходит за четверть часа до заката, сегодня её очередь открывать «Крепость», но дверь уже настежь, в духовке печётся (что именно, с порога не разглядишь), а на высоком столе, который отделяет плиту с холодильником от остального пространства и условно считается барной стойкой, сидит, скрестив ноги, и курит Артур. Артур всегда успевает раньше, даже в свои выходные, на то человеку и выходной, чтобы проводить его в баре – так он сам говорит. Дана уже давно перестала уговаривать напарника отдохнуть. Артуру виднее, что делать со своей жизнью. То есть виднее Пятрасу – что делать с жизнью Артура, которого здесь давным-давно нет.

Когда Артур в первый раз пришёл в «Крепость», просто завернул сюда с улицы, как обычный, привлечённый светом и шумом клиент, Дана удивилась, какой он юный, счастье, если не школьник, чуть не спросила: «Тебе восемнадцать-то есть?» – но вовремя спохватилась и прикусила язык. Надо доверять обстоятельствам и себе: если бы мальчишке было нельзя выпивать в баре «Крепость», его бы сейчас здесь и не было, прошёл бы мимо, как все.

Пока Дана думала, мальчишка попросил «Один хрен», вот тут-то она и села, потому что коктейль «Один хрен» это была их с Пятрасом старая шутка: водка с лимонадом «Байкал», можно смешать их в стакане, а можно просто выпить по очереди, одно за другим, всё равно, один хрен. Теперь, когда рядом нет Пятраса, непонятно, почему хохотали до слёз каждый раз, разбавляя водку дурацким «Байкалом», так часто случается с общими шутками на двоих: пока вы вместе, смешно, а в одиночестве как-то не очень; в общем, Дана тогда сперва ответила, что у неё нет «Байкала», а уже потом удивилась, но мальчишка сказал, не беда, лимонад у меня с собой, вынул бутылку из внутреннего кармана, и Дана смешала коктейли ему и себе. Ни о чём его тогда не спросила, а он ничего не рассказывал, просто сидел, глазел, улыбался, пил дурацкий коктейль «Один хрен» из их с Пятрасом юности, допив, положил в жестянку дурацкую датскую

крону с дыркой, ушёл, не прощаясь, но назавтра вернулся. И стал заходить каждый день, когда было открыто. Все к нему как-то быстро привыкли, признали своим, хотя Артур был как минимум вдвое моложе самого младшего из завсегдатаев, ему бы на скейте кататься и глупости постить в ТикТок. Но никого это не смущало, как и его манера встревать в разговоры, знать о людях то, чего они ему никогда не рассказывали, слишком громко смеяться и ко всем без разбору обращаться на «ты».

Монету с дыркой Дана повесила на цепочку, носила её с тех пор – не напоказ, под одеждой, как носят нательный крест. И смысл поначалу был примерно тот же: символ веры. Она тогда ещё не хотела думать, во что. Даже когда дурацкий мальчишка называл ювелира Каралиса «Борджиа» (старое институтское прозвище, если не знаешь, невозможно его угадать), даже когда просил у Даны сливовый пирог с кардамоном, как пекла её мама, даже когда смеялся: «эй, стоп, допьёмся сейчас до Пагегяй^[2]», – была у них такая история курсе на третьем, когда всей компанией спьяну на электричке уехали не туда. Совпадений, счастливых и страшных, как сон, было слишком много даже для Даны, которая давно привыкла считать забавными странностями то, что для нормальных людей чудеса. Она была рада мальчишке Артуру, каждый вечер его ждала, но старалась не думать, откуда он такой взялся. И больше года почти не думала, потому что могла. Только когда Артур предложил: возьми меня в напарники, всё равно постоянно тут околачиваюсь, ты же знаешь, я о собственном баре всю жизнь мечтал, – спросила: ты как здесь вообще оказался? И почему тебе восемнадцать лет? Артур сказал: во-первых, по документам уже двадцать два с половиной, а всё остальное – да чёрт его разберёт. Я и сны-то никогда не умел пересказывать, поди Расскажи про смерть. Помню только, что не хотел уходить, не нажился, не нагулялся, и с тобой как раз заново начал дружить, а тот мальчишка ещё больше не хотел оставаться, сейчас часто такие рождаются, не хотят тут жить, хоть стреляй. Он меня видел и слышал, и мог со мной разговаривать; собственно, только с такими как я и мог. Я для смеху предложил ему поменяться местами, ни минуты не верил, что это получится, но он каким-то образом смог. И умотал куда-то, хрен его знает, но я совершенно уверен, там ему хорошо. Его родители были счастливы: тяжкий крест перестал быть тяжким, мычащий овощ,

который был у них вместо сына, внезапно заговорил. Они славные люди, если бы ещё по врачам меня не таскали, цены бы им не было; ладно, проехали, понимаю: в хорошее трудно поверить, а таблетки я спускал в унитаз. Со временем все успокоились, я даже среднюю школу закончил экстерном, чтобы было поменьше проблем. Если теперь на работу устроюсь и поселюсь отдельно, буду совсем молодец.

С тех пор Артур работает в «Крепости», считается, что через день, а на самом деле здесь теперь всё на нём держится, включая Дану, которая отродясь ни на ком не держалась, отлично справлялась сама, но на то и волшебный помощник, чтобы жизнь превратилась в сказку, вернее, в её бесконечный финал, в последнюю строчку «жили долго и счастливо», а нарратив – к чертям.

В общем, Дана приходит в «Крепость» за четверть часа до заката, в духовке уже запекается первая партия бутербродов, Артур сидит на столе, курит и спрашивает:

– А где Нахренспляжа с Артемием? Ты почему без зверей?

– Потому что они выходные, – улыбается Дана. – Имеют право. У них профсоюз!

– Ладно, – кивает он, – тогда закрываем пораньше и ты зовёшь меня в гости. Я соскучился. За это могу... ну, например, не напиться. И не уснуть на полу.

В его устах предложение не особо щедрое. Артур никогда не бывает пьян. Хотя Пятрас при жизни напивался мгновенно, как школьник. Но, надо отдать ему должное, не буянил, не дрался, глупостей не орал, даже к девчонкам особо не клеился, просто не успевал, потому что где-нибудь засыпал, порой в такой неудобной позе, что смотреть было больно. Но, в общем, не самый плохой вариант.

– Нет уж, – говорит ему Дана, – за это чур ты гуляешь с Артемием. Пока я буду царственно возлежать.

– Гулять с Артемием? Можно? Я тебя обожаю! – радуется Артур.

– Обожай на здоровье, – соглашается Дана. – Хорошее дело. Затем и нужны друзья.

Вильнюс, Октябрь 2020

Дана слышит, как открывается дверь, поворачивается, подпрыгивает, как школьница, воздевает руки к расписанному причудливыми рыбами потолку и торжествующе восклицает:

– Ага-а-а!

На пороге стоит Юрате, как всегда беспредельно мрачная, но это вовсе не означает, будто она намерена пристрелить всех присутствующих, а потом долго с наслаждением пинать ногами их безжизненные тела. Просто лицо от природы такое, бич фейс^[3].

Юрате выглядит здоровенной плечистой валькирией, хотя она среднего роста и среднего же сложения, но это становится ясно только когда кто-нибудь для сравнения окажется рядом с ней. Юрате – красавица, пока смотришь в её бледно-синие, как февральское небо, глаза, но оказывается обычной скуластой тёткой с внушительным носом, когда переводит взгляд. В своём неизменно белоснежном спортивном костюме, словно бы созданном для кросса по пересечённой облачной местности вокруг райских врат, Юрате похожа одновременно на ангела и начальницу женской колонии; при этом ангел там – явно мщения, зато начальница – нормальная тётка, вполне можно с ней дело иметь. «Не вполне можно, а одно удовольствие», – требует вставить Дана; ладно, вставляю, хозяйка всегда права.

Значит точно получатся мои пирожки, – вот о чём первым делом думает Дана, увидев Юрате. – Вот это ты, дорогая, вовремя к нам зашла.

Юрате – не просто хорошая гостья, которой все в «Крепости» рады, а ещё и примета: если она пришла, значит, будет удачный день. Дана и так-то грех жаловаться, у неё всё легко, но когда в «Крепость» заходит Юрате, получается даже то, что, теоретически, получиться никак не могло. У присутствующих внезапно улаживаются проблемы, которые они как раз собирались здесь скорбно залить, или просто проходит насморк (включая хронический гайморит), в карманах обнаруживаются потерянные ключи, к порогу, виновато потрясая

купюрами, стекаются давние должники, а вышедшие из строя приборы исправляются сами, не дожидаясь вызова специалиста, который не факт, что починит, но три шкуры точно сдерёт. Причём Юрате для этого ничего специально делать не надо, может даже не заказывать выпивку и не класть потом в кружку деньги, достаточно на минутку зайти поздороваться и дальше бежать по своим делам.

Впрочем, деньги Юрате оставляет всегда, даже если пьёт только кофе из термоса, который с собой принесла; так довольно часто случается, потому что люди, – считает Юрате, – вообще ничего не умеют сделать нормально, и вы, мои дорогие, при всём уважении, тоже почти ни черта, ну кто так мешает коктейли, вы вообще слышали про колотый лёд? И какой адский демон подучил вас пихать в глинтвейн чуть ли не полкило имбиря? Но ладно, хрен с вами, мы любим вас не за это, мне надо, чтобы вы процветали, даже не вздумайте закрываться, я плачу вам за ваше усилие быть.

Артур выскакивает из кресла, где сидел, уткнувшись в какую-то книгу из ящика для обмена, он в последнее время только их и читает, говорит, эти уличные библиотеки – натурально клондайк. Но книга – на этот раз неизвестного автора, без обложки, начала и, кажется, даже конца – забыта, потому что такую прекрасную гостью надо срочно обнять. Юрате вообще-то терпеть не может телячьи нежности. И не телячьи, и даже не нежности; короче, дорогие, держите дистанцию, и будет вам счастье, – как бы говорит её ласковый взгляд. Но Артуру всё можно – это его суперсила. Ему можно всё, со всеми, всегда.

Вот и сейчас Юрате сама его обнимает, смеётся:

– Да что ж ты такой хороший? Был бы собакой, я бы тебя у Данки украла и домой увела.

– Намучилась бы, – серьёзно отвечает Артур. – Меня выгуливать надо, как лаек, часов по шесть, лучше восемь. И гонять в хвост и гриву, чтобы набегался. А не то весь дом разнесу.

– Вымоет там всю посуду и починит проводку, – ябедничает Арунас по прозвищу Три Шакала. – Пустил я его однажды в гости. Кошмарный тип.

Арунас два года назад овдовел, дети давно разъехались, сын в Ирландии, дочка в Америке, и в хорошие времена не наездишься, а сейчас границы закрыты и рейсов практически нет; ну, в общем,

понятно, что Дана с Артуром по мере сил старика опекают, затем и нужны отставным преподавателям философии любимые бывшие ученики.

– Ужас, да. – Юрате отпускает Артура и смотрит на Дану таким характерным тяжёлым взглядом, который у неё считается полным любви. – Я вам кофе купила. Но с ним проблема: слишком хорош, чтобы вам, балбесам, доверить. Испортите. Сама сварю.

Если Юрате сказала «сама», ничего не поделаешь. Придётся пустить к плите. То есть, пускать или нет – так вопрос вообще не стоит. Пройдёт и не спросит. Выбор такой: или очень обрадоваться её предложению, или обрадоваться, но не очень – когда, к примеру, плита срочно нужна самой.

Но сегодня Дана плита не нужна. Слишком тёплый день для глинтвейна, а больше она варить ничего не станет, хоть стреляй; как-то раз они устроили в «Крепости» супную вечеринку, думали, это будет легко – здоровенная кастрюля заранее сваренного бульона, куча заправок, четыре рецепта, вам чего? Гости были в восторге, но Дана с Артуром так упали, что ближе к полуночи почти всерьёз захотели прикрыть свою богадельню на хрен, поэтому больше не повторяли. У нас бар, если вы не заметили, – непреклонно отвечают они на просьбы любителей супа. – Здесь надо не жрать, а горькую пить.

– А что это будет? – спрашивает Юрате, глядя на доску, где лежит тесто для пиццы, покупное, из Лидла, Дана не станет месить тесто сама.

– Это будет моя попытка вернуться в прошлое, – отвечает Дана. – Номер один.

– В жизни не возвращалась в прошлое при помощи теста, – восхищённо вздыхает Юрате. – Обскакала ты меня. Молодец.

– Ты застала те времена, когда ресторан «У ангела» ещё был дешёвой кафешкой?

– Застала, – кивает Юрате. – Я очень древняя. Как первозданная тьма!

– Тогда ты может быть помнишь. Там были удивительные пирожки.

– Нет, не помню. Я в основном грушевый коньяк там заказывала. Обалденный. Больше нигде ничего подобного не пила. А что за

пирожки?

– Здоровенные, каждый размером с тарелку. Простые, как я не знаю что. Тонкий слой теста, внутри много очень крупно натёртых яблок, то ли совсем без сахара, то ли почти без него. Плюс корица. И всё! А результат потрясающий. Но есть надо быстро, пока не остыл. Я туда практически через день ради них ходила. Брала капучино и пирожок. Но потом у ангела сменились хозяева, взяли нового шефа, объективно, хорошего, но он, зараза, убрал из меню мои пирожки. Я по ним тосковала. Долгие годы! И вдруг буквально вчера до меня дошло, что это, по сути, были такие закрытые пиццы. Яблочные кальцоне! Только и всего. Значит можно попробовать их воспроизвести. Благо тесто для пиццы теперь есть в любом супермаркете. А яблоки – под ногами, через двор из-за них сейчас не пройти. Проще вообще не бывает. Удивительно, что до меня только сейчас дошло!

– Да ну, нормально, – пожимает плечами Юрате. – Сколько лет, говоришь, прошло? Десять? Пятнадцать? Считай, почти сразу! А могло бы и никогда. Мы же всё-таки люди. Медленные и тупые. Удивительно, что хотя бы изредка додумываемся до чего-то путного своими маленькими твёрдыми головами. Чудо господне как есть.

Пока Юрате варит кофе – сразу в двух здоровенных турках, потому что здесь Дана, Артур, Три Шакала и Труп, который забился в угол дивана, что-то сосредоточенно читает в своём телефоне, забыв обо всём, но когда кофе сварится, сразу же вспомнит, куда он денется, вернее, куда мы с кофе денемся от него; короче, вместе с самой Юрате уже пять алчных ртов, а поскольку дело происходит хоть в тайном, но всё-таки баре, в любой момент нелёгкая может принести кого-то ещё – Дана кромсает яблоки, а Артур, бросив книжку без конца и начала, ищет корицу, куда она подевалась, зараза, была же у нас, была!

– Проверь карманы, – не отрываясь от яблок, советует Дана. – Да не штанов! Когда мы позавчера крюшон с кальвадосом варили, ты пришёл замёрзший как цуцик, поэтому куртку не снял, прямо в ней и готовил. Наверняка корицу сунул в карман.

– Ты гений! – ликует Артур, потрясая пакетом. – А я уже собирался бежать в магазин.

– Представляете, мне деньги внезапно пришли, – вдруг сообщает Труп, оторвавшись от телефона. – Довольно... как правильно говорить,

когда много? А, дохера. Оказывается, мне в прошлом году гонорары за съёмки начисляли по неправильному тарифу. Обнаружили в ходе какой-то проверки и сразу возместили ущерб. Невозможно! Так не бывает. Сами! Без моих заявлений и жалоб. Я же был уверен, что всё в порядке, и никому ничего не писал.

– А. То есть поиски комнаты на окраине отменяются? – радуется Дана. – Сможешь дальше за квартиру платить?

– Бинго! – Труп встаёт, подходит к Юрате и очень серьёзно ей говорит: – Это из-за тебя, я знаю. Так часто бывает. Ты приходишь, и начинаются чудеса.

– Подлизываешься, – смеётся она. – Сама бы на твоём месте сейчас подлизывалась. Кофе-то мало, а мы с Данкой жадные. Но ладно, поделимся. Ты теперь – выгодное знакомство. Иностраный богач!

– Это счастье!

Труп нарочно так говорит, с его ужасным акцентом русское слово «счастье» звучит похоже на «шайзе», и это всех неизменно смешит.

Труп – немецкий фотограф. Дана считает, что гениальный, остальные с ней соглашаются, чем больше выпьют, тем искренней, потому что на трезвую голову нормальному человеку эту кромешную жуть нелегко оценить; впрочем, Юрате, которую пьяной в жизни никто не видел и даже не смог бы вообразить, говорит, что своими руками засранца в болоте утопит, если не дай бог перестанет снимать.

Карьера у Трупа, как обычно случается с гениями, не задалась. Поэтому на жизнь он зарабатывает чем придётся, в частности, как актёр. Иногда снимается в эпизодах каких-то сериалов, которых никто здесь не видел, и слава богу, это ему повезло. Но чаще в рекламе. Собственно, потому он и Труп, что снимался в антитабачной рекламе в роли покойника. Очень красиво лежал в гробу, то есть лежит до сих пор на множестве пачек. И пользуется всенародной любовью уже только за то, что он – не гангренозная конечность, не кровавые внутренности и не бельмо. Впрочем, на улицах Трупа не узнают, для этого он слишком подвижный и недостаточно фиолетовый. И не таскает за собой свой красивый рекламный гроб.

В Вильнюс Труп попал лет восемь назад. Приехал в гости к подруге, бегал по городу с вытаращенными глазами, непрерывно что-то снимал, перезнакомился с кучей народу, задержался на месяц,

потом ещё на один, расставшись с подружкой, тут же завёл другую, наконец снял квартиру и взял в приюте кота; в общем, сам толком не понял, как получилось, что он теперь живёт в Вильнюсе, говорит на причудливой смеси литовского с русским, понятной более-менее всем, а домой ездит только зарабатывать деньги, да и то не особенно часто, потому что здесь у него бесконечные арт-проекты, свои и друзей, кот не любит оставаться с чужими, а скромных заработков хватает надолго, благо жизнь в Литве дешева. То есть раньше была дешева, теперь-то стремительно дорожает, а карантин поставил крест на поездках, поэтому Труп уже начал понемногу искать жильё подешевле и узнавать, возьмут ли его на работу курьером без личного транспорта, или сначала придётся купить в рассрочку электрический самокат.

– Ты теперь, – строго говорит Юрате, протягивая ему чашку кофе, – давай работай, пока богатый. Делай дальше свою серию с мостами. Она хорошая. Самая сильная из всего, что ты мне показывал. И портреты ночных прохожих. И вокзал. Какой у тебя получился изумительный мёртвый пустынный вокзал!

– Мне бы выставку, – вздыхает Труп. – Самое время конечно! Пока было можно, я не очень-то и хотел. Лень искать, просить, показывать, договариваться. Ждал, пока сами начнут предлагать. Вроде столько знакомых, приятелей. Но не дождался! Все звали только им помогать. И теперь это кажется катастрофой. Трудно быть настолько ненужным. Много работать и никогда ничего никому не показывать. Я устал.

– Трудно, – кивает Юрате. – Я понимаю. Но для тебя ничего не делать, слава богу, не вариант.

– Как минимум, можно здесь повесить твои фотографии, – оживляется Дана. – А что? У нас тут народу бывает побольше, чем в иной галерее в хорошие времена. И кстати, я же знаю неплохого печатника. Он дома работает, поэтому не закрылся. Нечего закрывать.

– Тут свет плохой, – хмурится Труп. Но тут же, тряхнув головой, улыбается: – Это счастье. Спасибо! Чёрт с ним, со светом. Он и в галереях бывает ужасный. Давай так и сделаем. Я растерялся. Но очень рад. Прости пожалуйста, что сразу начал придирааться. Я какой-то... scheißkerl – как это по-литовски? А, вспомнил по-русски. Говнюк!

– Ты-то да-а-а! – хохочет Дана.

И все остальные тоже смеются. Хочешь сделать людей счастливыми, чаще называй себя говнюком.

Потом Дана звонит печатнику Дарюсу и весело с ним торгуется, для пущей убедительности размахивая ножом; Дарюс нож, конечно, не видит, но каким-то образом смутно чувствует и соглашается сделать Труп приличную скидку – живём!

Потом приходят Симон со Степаном, оба айтишники, где-то вместе работают и пополам снимают квартиру, один из Лилля, второй из Минска, а на вид – почти близнецы. Потом на минуту заглядывает соседка, старуха Мальвина, громко кричит с порога, потому что сама глуховата: «Я тебе кексы вчера обещала, так сегодня не успеваю, завтра их испеку!» Потом появляется ещё один постоянный клиент, которого Дана до сих пор не знает по имени, а про себя окрестила «Поэтом» за неизменно мечтательное выражение больше ничем не примечательного лица. Он заходит, падает в самое удобное кресло, удивительно, что его до сих пор никто не занял, просит джин-тоник и закуривает сигарету. Сразу заметно, что ради этого Поэт и приходит сюда. Вслух не говорит, он вообще молчаливый, но восторженно озирается по сторонам и на лице у него написано: «Мать твою за ногу, здесь все курят, у нас есть курящий бар!» Даже дым его сигареты повисает в воздухе восклицательным знаком, как в мультфильме, в жизни так не бывает, но у Поэта получается всякий раз.

Труп, не зная, как ещё выразить благодарность, моет чашки и турки; собственно, правильно делает, помощь не повредит, потому что никто не хочет заниматься порядком, все хотят лепить пирожки. Даже Юрате лепит – не на столе, как нормальные люди, а держит тесто в руке, на весу. Неудивительно, что результатом становится какой-то хтонический крендель. Артур завистливо вздыхает:

– В жизни такой жути не видел! И даже сам не лепил.

– Кошмар! – подтверждает Дана. – Пирожок для того, кто себя плохо вёл.

– Да, я явно не скульптор, – говорит Юрате так самодовольно и убедительно, что всем сразу становится ясно: хорошо не быть скульптором! Кто скульптором не уродился, у того по умолчанию счастливая, удивительная судьба.

– Всё! – внезапно объявляет Юрате, положив адский пирожок на противень. – Уже половина девятого. Меня дети ждут, я пошла.

Обнимает Артура и Дану с ним за компанию, благо они стоят совсем рядом, хватает свою белоснежную куртку, которую в кулинарном запале бросила на пол, суёт что-то в кружку и исчезает. Ну то есть просто очень быстро выходит на улицу, – неуверенно думает Дана. Каждый раз после ухода Юрате она честно старается думать именно так.

– А разве у неё есть дети? – удивлённо спрашивает Три Шакала. – В жизни бы не подумал! Не похожа она на мать... разве только на Кузькину. Ух, я бы много кому её показал!

– Есть, – улыбается Дана. – Как минимум, штук шестьдесят. Или больше? Да ну, точно больше. Несколько групп...

– Каких групп?!

– Так Юрате же тренер.

– По боксу! – Три Шакала не спрашивает, а утверждает. Типа – нет, ну а как ещё.

Дана хохочет так, что по щекам текут слёзы. Наконец говорит:

– Вообще-то она мне рассказывала про какой-то оздоровительный фитнес. Но по сути ты прав.

– Спортзалы на карантин же закрыты, – неуверенно говорит услышавший их разговор Степан.

– Ай, – отмахивается Дана. – Карантин-хренотин. А то ты не знаешь Юрате. В любых обстоятельствах всё будет, как решила она.

• *Что мы знаем об этой книге?*

Что она пишет себя сама. Поэтому вот прямо сейчас я понятия не имею, чем дело закончится (оно не закончится, бытие подобно лучу, у которого есть начало, а всё остальное устремлено в

бесконечность, ничего не заканчивается, ничем, никогда). И что автор хочет этим сказать, я тоже не знаю (автор хочет сказать: «а-а-а-а-а-а-а-а»).

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что давным-давно, лет пятнадцать назад на качелях, стоявших в моем дворе, появилась надпись черным несмываемым маркером. Выглядела она так:

ТЫ ДОЛЖНА НАПИСАТЬ АВТОРА ЭТОГО СОЧИНЕНИЯ

ПОДСКАЗКА:

– а дальше густо зачеркнутая строчка, знак + и еще одна густо зачеркнутая строчка, ни единого слова, даже буквы не разобрать.

Ладно, по крайней мере, «плюс» – простой и понятный знак. Он указывает на то, что автор «Этого Сочинения» – сумма двух разных слагаемых. Для того, кто в юности зачитывался Борхесом, почти неизбежен вывод, что теперь придётся написать для этого бедного мира («Этого Сочинения») неизъяснимого Господа, потому что другого здесь нет. А заодно себя, то есть автора, способного написать неизъяснимого Господа такими словами, чтобы Он у нас (для нас) появился. Не было, не было, и вдруг – опаньки, сделался, стал.

Это очень наивная версия. Зато романтическая, читай (в словаре) возвышающая. Поэтому её до бесстыдства святую наивность я, ладно уж, как-нибудь переживу, – думает по этому поводу будущий автор неизъяснимого Господа, который, в отличие от персонажа, уже примерно наполовину написан. Или всего на четверть? Чёрт его знает, пока не допишу, не пойму.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что написать её невозможно. То есть, это будет отличная книга, но как очередная попытка выполнить то задание на качелях она обречена на провал. Ай, пофиг, пляшем. Я часто повторяю (устаами персонажей, которые пока получаютя вместо

неизъяснимого Господа), потому что и правда так думаю: возможное сделают и без меня.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что писать её – счастье. И читать её будет – счастье. Ну, с моими книгами вечно так.

Вильнюс, Октябрь 2020

Сегодня у меня целых три группы, практически одна за другой. Это я зря. Даже самой любимой работы должно быть не под завязку, так её проще и приятней любить. Но новички уже извелись ждать начала занятий, а полнолуние – отличное время для старта. Мне нравится, как оно влияет на человеческие тела и умы. Будь моя воля, люди годами сидели бы в полнолунии, как рыбки в аквариуме, или ходили бы в нём, как в скафандре, им пошло бы на пользу. Но так не получится, нечего и мечтать.

Здесь вообще всё до ужаса неудобно устроено и почти ни черта не работает, постоянно чувствую себя лихим автогонщиком, которого зачем-то пересадили в трамвай, причём даже не настоящий, а построенный детьми из стульев и табуреток, где водителю только и остаётся что проверять игрушечные билеты, да лихо греметь заранее припрятанным в кармане велосипедным звонком.

Ладно, на самом деле три группы – вполне нормально. Занятие продолжается максимум полтора часа; дальше – сами. Всегда дальше – сами. Это обязательное условие для всех, кто занимается у меня.

Первая группа в половине четвёртого в зале на Миндауго; да, естественно, я могу открыть для них зал. Временно отменить охрану и прочие так называемые препятствия гораздо проще, чем всех вместе на долгие годы в полнолунии запереть. Другое дело, что от занятий на улице больше толку. Людям необходима опора, а лучшая на этой Земле опора – сама земля.

Сегодня первая группа – пенсионеры, самой младшей недавно исполнилось шестьдесят девять лет. Люблю их очень, они хорошие, все как один. Но до сих пор – ничего не поделаешь, люди изменяются медленно – робкие и тревожные, как большинство стариков. Поэтому пару раз в месяц я обязательно собираю их в зале, чтобы заново привыкали находиться в помещении без респираторов, не шарахаться от охранников, не бояться, что с улицы нас увидят, донесут, приедет полиция, всех оштрафуют за нарушение правил, будет страшный

скандал. Они конечно верят мне на слово, что ничего подобного не случится, поэтому приходят как миленькие, и сегодня вся группа в сборе, зал, значит зал. Но их вера пока существует только в теории, ненадёжная штука, её надо многократным опытом закреплять. Вот когда тело перестанет непроизвольно сжиматься в ожидании якобы неизбежного наказания, это уже будет если не настоящая вера, то шаг в её направлении. Совершенно необходимый шаг.

* * *

Я говорю:

– Привыкайте, мои дорогие, знать, что с вами ничего ужасного не стрясётся. Ни здесь, ни дома, ни на улице, ни в деревне, ни где-нибудь за границей. Это исключено. Трудно, я понимаю. Родители, телевизоры, учителя, одноклассники, начальство и просто знакомые, чужие примеры и собственный горький опыт, весь контекст вашей жизни, вся совокупность культуры хором внушали вам с раннего детства, что человек рождён в этот мир страдать от бесчисленных бед и напастей, не жить, а претерпевать. Врали. Рождён человек для радости. Замысел был таков. А что в ходе процесса, который почему-то считается эволюцией, нужные навыки продолбались, так восстановим. Уже всюю восстанавливаем, вообще не вопрос.

Я говорю:

– Подойдите поближе к окнам.

Здесь огромные окна в пол. Мы практически выставлены в витрине, наши занятия может увидеть каждый, кто мимо идёт.

Я говорю:

– Надо дожидаться прохожих. Но кстати, не факт, что дождёмся. Даже обидно, что сейчас все сидят по домам! О, мы сделаем ещё лучше. Кому одеться несложно, просто набросить пальто?

– Мне-е-е-е, я могу-у-у, – нестройно тянут сразу несколько голосов. Арвидас добавляет:

– Только куртку и мокасины, секундное дело, это легко.

– Отлично, – киваю. – Давай. Одевайся, выходи на улицу и пройдишь мимо окон. Посмотри на нас, да внимательно! И возвращайся потом.

– И всё? – удивляется Арвидас. – Посмотреть и сразу вернуться? Хорошо, я пошёл.

Арвидас старше всех в группе. Ему восемьдесят семь лет. Его прошлой весной внучка ко мне притащила, чтобы занимался полезной стариковской гимнастикой и не раскисал. Я потом спросила, откуда она узнала про занятия для пожилых, девчонка так и не вспомнила, то ли реклама была в интернете, то ли кто-то из подружек ей рассказал; ну, это классика, обычно так и бывает, никто никогда почему-то не помнит, откуда он обо мне узнал. Я собственно тоже понятия не имею, откуда они узнают о занятиях, это меня не касается, моя задача – хотеть всем сердцем, чтобы те, кто способен принять мою помощь, меня как-нибудь нашли.

Но это сейчас неважно. Важно, что Арвидас тогда от парковки до поляны, где мы занимались, чуть ли не четверть часа ковылял, хотя там максимум метров двести. А теперь приходит на занятия сам и всё время как мячик подпрыгивает – что сделать, куда побежать?

Арвидас – бодро и энергично! очень бодро и энергично! – проходит мимо наших окон. Смотрит, не отрываясь. И мы тоже смотрим – на выражение его лица. Данка сейчас сказала бы, что чувак натурально в ахуе. Но я из старомодного уважения к печатному тексту ограничусь сдержанным «крайне удивлён».

– Вас тут нет! Никого! Ни единого человека! – объявляет с порога Арвидас. И растерянно спрашивает: – Так меня самого, получается, теперь тоже нет?

– Сейчас проверим, – говорю и обнимаю его крепко-крепко: – Попался, ты есть!

Теперь, конечно, все хотят выйти на улицу, чтобы тоже никого не увидеть. И выходят по очереди. Отдельно приятно, что об охранниках, которые, теоретически, должны дежурить у входа, за всё это время не вспомнил вообще никто. Остальные стоят у окон, изображая толпу, каковой мы собственно и являемся. Которую невозможно снаружи не разглядеть!

Можно сказать, занятия сорваны. То есть, были бы сорваны, если бы моей настоящей целью было заставить группу махать руками, топать ногами и задницами крутить. Но руки-ноги и задницы это просто предлог собираться вместе для разных удивительных дел.

Чтобы, к примеру, стать невидимками. И убедиться в этом своими глазами. Собственно, стать невидимками тоже не то чтобы цель, а просто один из побочных эффектов наших занятий. Приятный, чего уж, эффект.

* * *

Второе занятие в шесть в парке Кудрю; за час как раз можно неторопливо дойти самой дальней и красивой дорогой, купив по дороге кофе – например, в Италале. Или в Цирке. Или в Капруме, благо ещё не поздно свернуть.

Ради одних кофеен имеет смысл продолжаться, – думаю я, спускаясь по лестнице, ведущей к улице Пилимо. – Хорошие получились. Избыточные, как музеи и храмы, столь же необязательные для существования, зато для жизни – необходимые. И как храмы с музеями, они – приоткрытые двери в иную реальность. Не в научно-фантастическое четвёртое измерение, а в живой и весёлый, добрый по умолчанию к каждому, то есть просто нормальный человеческий мир.

Группа, которая ждёт меня в парке Кудрю, самая старшая. Не по возрасту, просто заниматься начали раньше всех. Они со мной с весны восемнадцатого, когда мне окончательно осточертело сидеть без дела, ощущая себя кем-то вроде механика, который бродит по свалке автомобилей и видит намётанным глазом, что добрую половину можно ещё починить, а часть достаточно просто заправить, и поедут как миленькие. Далеко-далеко.

Любому нормальному мастеру больно смотреть, как добро превращается в ржавый хлам. Ему тут конечно ничего чинить не положено, у свалки свои хозяева, а он просто мимо шёл. Но всё равно охота попробовать, – думает автомеханик. – Руки чешутся. Ладно, парочку точно можно. В этом хаосе даже не заметит никто.

Вот и у меня тогда руки чесались. Так сильно, что почему бы и нет. Может ещё ничего не получится, – так мои руки торговались с моим же рассудком. – Может мне только кажется, что это просто. Было бы просто, справились бы и без меня. Но вреда-то всяко не будет. От меня вреда не бывает, это технически невозможно, даже если кого-

нибудь по башке дубиной огрею, у него от удара, к примеру, пройдёт мигрень.

Так и появилась моя первая группа. Двадцать семь девчонок, желающих похудеть. Да, мне тоже смешно, но это отлично работает. Толстухи – самая благодарная публика, «похудеть» – идефикс текущей эпохи, коллективная мания, священная общая цель. По большому счёту, хорошего мало, зато ради возможности похудеть без мучительных голодовок девчонки пойдут на всё. Даже установленный по умолчанию в каждом человеческом существе барьер между тревожным смертным умом и спящим бессмертным сознанием одной левой как миленькие сметут.

Оказалось, возиться с девчонками – чистое счастье. Весело и легко. Летом у меня уже было четыре группы – вот настолько мне это дело зашло. А год спустя мне пришло в голову, что к толстухам логично добавить и стариков. Тоже благодарная публика, ещё и покруче девчонок, желающих похудеть. И мотивация у них ничего так – уже совсем близко маячит мучительный неотвратимый конец. Здесь очень страшно стареют, натурально разлагаются заживо. С учётом того, как они распоряжаются своей жизнью, это как минимум закономерно. Но «закономерно» не означает, что мне это нравится. Нет.

А в двадцатом году ко мне записываются на занятия для укрепления иммунитета. Что тоже правда (небольшая, малозначительная часть правды). Плюс соблазнительная приманка, модный тренд.

Мне всегда не хватало умения вовремя остановиться, поэтому теперь у меня одиннадцать групп. То есть уже двенадцать – если новички прямо сегодня вечером с воплями от меня не сбегут. До сих пор не сбегали, но всегда должна оставаться надежда, надежда умирает последней. С воплями убегает последней, – думаю я и смеюсь.

Ладно, как-нибудь разберусь. С новичками, конечно, надо встречаться часто, в идеале – вообще через день, зато с теми, кто со мной уже долго, достаточно раз в неделю, а то и в две. С девчонками, которые ждут меня сейчас в парке Кудрю, – просто для радости, практической необходимости в этом больше нет. Они и сами отлично

справляются, одно удовольствие на них смотреть. Рядом с ними я ликую, как Мефистофель, у которого Фауст взялся за ум, превратился в толковую старую ведьму и заквасил на зиму полезный алхимический элексир, так что можно забить на работу, снова стать беспечным чёрным пуделем, гоняться за белками и метить вековые дубы.

И им на меня смотреть одно удовольствие, – весело думаю я, пока девчонки наперегонки бегут мне навстречу. У нас договор: кто раньше всех успеет, может меня обнять и повиснуть на шее. Я – приз.

(Самое смешное, что они у меня действительно похудели, ничего специально не делая, это просто побочный эффект. Радость сжигает калории. И вдохновение их сжигает. И ликование. И восторг. Другое дело, что насильно, по предписанию диетолога не сядешь и не обрадуешься. Сначала придётся заново разжечь в себе угасший – давным-давно, у большинства в раннем детстве – внутренний огонь. А у меня, по удачному совпадению, всегда с собой зажигалка. И руки чешутся. И скучно без дела сидеть.)

Пока я обо всём этом думаю, на мне повисает Зося.

– Я первая, эгегей!

От бывшего центнера в ней осталось примерно восемьдесят кило; при её росте и телосложении это нормально, о проблеме можно забыть, но для меня такая ноша тяжеловата, я не настолько великий атлет. Однако по ощущениям на мне повисла, максимум, первоклассница. Это Зосенька молодец. Пришла в рабочую форму, не дожидаясь начала занятий, ещё по дороге сюда. Невесомость, собственно, тоже не цель, просто на каком-то этапе она почти неизбежна: когда люди в хорошей рабочей форме, небо их носит за шкуру, как кошка своих котят. Вот мои старики охренеют, когда с ними это случится! А ведь случится, – торжествующе думаю я.

– Так нечестно! Ты просто была ближе всех! – смеётся Рута, и повисает на Зосе. И заодно на мне.

И Люся на мне повисает. И Ада. И все остальные, причём эти уже ни на ком не виснут, а просто сверху наваливаются, потому что мы с Зосей, Рутой и Люсей лежим в траве под грудой счастливых от своей идиотской выходки хохочущих учениц. Вечно так! Сколько с ними ни договаривайся, а начало наших занятий – вот такая куча-мала. Что на самом деле отлично: во-первых, я сразу наглядно убеждаюсь, что в

хорошей рабочей форме не только Зося, а практически все. А вторых, девчонкам очень полезно делать что хочется, не дожидаясь, пока разрешат.

Раскидав их, встаю и отряхиваюсь. Говорю:

– Ну трындец. Уронили, защекотали, спасибо, не придушили. Засранки. Лучше всех на земле.

* * *

Новички собрались на берегу Нерис, наискосок от Центрального универмага, где раньше была одна из площадок для взлёта воздушных шаров. Летом тут толпы народа валяются, загорают, а поздней осенью – никого. Впрочем, этой осенью всюду пустынно. Людей у нас не заперли по домам под угрозой арестов и штрафов, как в большинстве условно цивилизованных стран, так они сами заперлись, запуганные интернетом и телевизором до утраты последних остатков разума. Худший тюремщик для человека – его страх.

Но эти-то вон пришли. Топчутся на поляне, не соблюдают рекомендованную дистанцию, добрая половина с открытыми лицами, озираются, ждут, чего будет – уже молодцы.

– Привет! – говорю я, появляясь из тьмы. – Кто ещё не снял маску, снимайте немедленно. И разувайтесь; да, носки тоже надо снять. Сегодня мы будем учиться твёрдо стоять на земле и спокойно дышать. Это – база, без неё не получится вообще ничего. Спорить со мной бесполезно, зато можно прямо сейчас уйти, – говорю я, почувствовав сопротивление (навскидку, четырёх человек, и это прекрасно, не группа – подарок, сомневаются всего четверо из почти тридцати). – Вы сами хотели у меня заниматься. Писали, просили начать поскорей. Вам надо, не мне. У меня и так всё в порядке. И у вас тоже будет. Не сразу, но скоро. Для начала, никто не простудится. И полиция не приедет, чтобы нас заковать в кандалы. Бояться не надо. Вообще никогда не надо бояться, а особенно – рядом со мной.

Никто не уходит, конечно. Поди от меня уйди.

Пока они расшнуровывают кроссовки и стягивают башмаки, я говорю:

– Не переживайте, ходить босиком круглый год я вас не заставлю. Только сегодня. По случаю знакомства. Со мной и всем миром. Мы начинаем учиться быть.

Вильнюс, Ноябрь 2020

В полночь, натурально в ноль часов, ноль минут, под колокольный звон, доносящийся от Иакова и Филиппа^[4], и дальним эхом вторящий ему с Кафедрала, я захожу в «Крепость», открыв дверь ногой. Но не потому, что подражаю персонажам художественных кинофильмов про вооружённых дурно воспитанных говнюков, просто у меня сейчас до нелепости мало рук, всего две, обе заняты, в них я несу просекко, в правой обычное, в левой – розе. Я желаю кутить. Это так редко со мной случается, что можно сказать, вообще никогда. Но нынче всё так удачно совпало: полнолуние, старики-невидимки, отличная новая группа, Зосенька молодец. И кстати, Хэллоуин же! Буквально только что был. Последний день октября секунду назад закончился. И как нельзя более вовремя начался День Всех Святых.

– Поздравляю с профессиональным праздником, – говорю я, размахивая бутылками.

– С профессиональным? – переспрашивает Данка.

Она обычно с лёту меня понимает, но в конце дня иногда тупит.

– Естественно, – киваю, откупоривая розе. – Давай бокалы, отметим. Других знакомых святых у меня в этом городе нет.

– Приносить и распивать спиртные напитки! – восхищённо декламирует Данка. – Настоятельно рекомендуется! Строго разрешено! Глазам не верю: ты – и с бутылкой. Вот это поворот!

– С двумя бутылками, – встречается Артур.

Раусфомшtrand, лежащий у него на коленях, в подтверждение мяукает дважды: «Мя-мя!»

Педанты хреновы. Оба, – думаю я. А вслух говорю: «И кто такой самый прекрасный в мире пришёл со мной поздороваться?» – потому что мне в штанину вцепился Артемий, встал столбиком, смотрит умильно. Перед Артемием я устоять не могу. Он и сам перед собой устоять не может, всякий раз, когда видит своё отражение в зеркале, останавливается, любуется, поворачивается, разглядывая себя со всех сторон, и даже урчит призывно, как куницам, по идее, положено

только в брачный сезон. Повторил бы судьбу Нарцисса, но для этого Артемий чересчур неусидчив и любопытен. А в мире кроме его отражений полно других интересных вещей. Особенно с точки зрения куницы Артемия, которого регулярно привозят из дома, милого дома в ужасный человеческий притон. В смысле, прекрасный. Но я-то сейчас не куница, мне легко притоны хвалить.

Куница Артемий смотрит на меня оценивающе, пытаюсь определить, достаточно ли сильно я обрадуюсь, если залезть на меня, как на дерево, цепляясь когтями за мой костюм. Быстро приходит к выводу (верному), что я обрадуюсь недостаточно сильно, запрыгивает на стол, а уже оттуда – мне на плечо.

– У тебя, дорогой, – говорю я, касаясь пальцем макушки Артемия, – выдающийся стратегический ум. – И Данке: – Давай же скорее бокалы! Сколько нас тут?

Вопрос риторический. И так вижу, что со мной всего шестеро: Данка с Артуром, Борджиа, молчаливый Поэт и Труп. Плюс кот и куница. Но звери просекко не пьют.

Данка ставит на стол бокалы, а Борджиа говорит:

– Я не буду. Спасибо! И так голова тяжёлая. Я вообще собирался идти.

Наш Борджиа, если что, не Чезаре, тем более не Лукреция и не папа Александр Шестой, мы тут не настолько продвинутые некроманты (может быть, кстати, зря). Он просто Данкин бывший сокурсник, Йонас Каралис, Борджиа – его прозвище с тех самых институтских времён. Данка говорит, он носился с идеей подсыпать слабительное кому-то из преподавателей в чай, то ли просто для смеху, то ли чтобы зачёт не сдавать. Дальше болтовни дело, понятно, не двинулось, но прозвище Борджиа прилипло к Каралису навсегда.

– Ничего не поделаешь, надо, – говорю я, вручая ему бокал. – Придётся, раз так влип. Оказался в inferнальном притоне в ночь с Хэллоуина на День Всех Святых! Роковое стечение обстоятельств, злодейка судьба. И я тоже злодейка. От меня не сбежишь.

– Эй, не серди нам Юратичку! – хохочет Данка. – Делай, как она говорит.

Всё правильно она понимает. Не надо меня сердить.

– Да слушай, когда я был против выпить, – вздыхает Борджиа. – Просто сегодня – никак! В последнее время давление скачет...

– ...как зайчик, – подхватываю. – Заинька серенький, зайнька беленький, некуда зайньке выскочить, некуда серому выпрыгнуть.

– Чего?! – переспрашивает Борджиа. И одновременно хватается за сердце. Чисто на всякий случай. Смешной.

– А ничего, – говорю. – Уже – ничего. Но в хорошем смысле. Некуда зайньке прыгать, сам слышал. Нормально всё теперь будет. Пей давай.

Борджиа смотрит на меня, как смотрел Арвидас с улицы на наше отсутствие в зале. Наконец улыбается, берёт бокал, говорит:

– Из твоих рук – что угодно. Спасибо. Прости, я сперва как-то не сообразил.

– Это счастье! – резюмирует Труп.

У него, как всегда, вместо «счастье» получается «шайзе». Могу спорить, он уже давным-давно научился выговаривать правильно и теперь нарочно так произносит, чтобы нас насмешить.

Фано, Ноябрь 2020

На окраине города Фано^[5], известного также (теперь уже только историкам) как Храм Фортуны, *Fanum Fortunae*, между Сассонией и Бани Торретте^[6] есть маленький общественный пляж, галечный, но всё-таки отчасти песчаный, то есть среди неприветливой серой гальки раскидано несколько островков мелкого, мягкого золотого песка. Несмотря на довольно удобное расположение, этот пляж даже в сезон остаётся пустым, туда не ходят ни местные, ни туристы. Этому нет ни единого рационального объяснения, зато есть правдивое: так хотят Ловцы книг. Они выбрали город Фано для встреч, вечеринок и пикников – довольно давно, примерно в середине пятидесятых прошлого века, и с тех пор собираются на этом пляже. Не все одновременно, конечно, а компаниями, иногда большими, иногда не особо. Вот и прямо сейчас тут сидят двое – развалившись в шезлонгах, вытянув ноги; отдельный вопрос (он останется без ответа), откуда эти шезлонги на пляже взялись. Тот, что моложе, выглядит как подросток, загорелый, тощий, отчаянно длинноногий, и волосы на солнце выгорели добела. Тот, что постарше, так бледен, словно только вылез из подземелья, где провёл свои лучшие годы, и так широк в плечах, словно в том подземелье не было никаких развлечений, кроме тренажёрного зала; и то, и другое – неправда, да и младший давно не подросток, но на то и первое впечатление, чтобы с толку сбивать.

Младшего сейчас зовут Тим, а дома – Та Ола. Старший здесь Самуил, в Лейне он – Шала Хан. С именами у Ловцов книг очень строго. Не в том смысле, что кто-то следит, где какое имя они используют, а в том, что, оказавшись в другой реальности, Ловец помнит своё местное имя, а домашнее – нет. Только теоретически знает, что дома оно другое и что, вернувшись, здешнее имя не вспомнит, и в записях, если их делал, оно изменится в тот же момент. Знает, потому что в университете предмет «Практические искажения в ходе Перемещений» когда-то учил и сдал зачёт с какой-то попытки (с первой этот ужас вселенский, по-моему, вообще никто не сдаёт).

Знания, умения, житейский опыт, привычки, убеждения, цели, идеалы, мечты, последние сплетни и всё остальное, включая планы на будущий отпуск и номера телефонов друзей, при Переходе в памяти Ловцов сохраняются, а имена, что своё, что чужие – почему-то нет. Учёные выдвинули гипотезу, будто таким причудливым способом чужая реальность справляется с невозможной для неё ситуацией – вдруг из ниоткуда появляется человек, который здесь никогда не рождался. Чтобы от такого парадокса не чокнуться, реальность обманывает себя: и вовсе это не чужой, непонятный, никем никогда не рождённый Та Ола, а наш местный Тим. Не то чтобы эта гипотеза хоть что-нибудь объясняла, но нервы она успокаивает – и учёным, и самим Ловцам книг.

Короче, двое сидят в шезлонгах на безымянном пляже на окраине Фано, бывшего Храма Фортуны, а теперь просто курортного городка. Они с прошлой весны не виделись и страшно соскучились; они вместе шатались по барам в Лейне всего неделю назад. Просто это абсолютно разные вещи – видеться дома и здесь. Одно не заменяет другое, вот натурально, сидишь рядом с другом и одновременно продолжаешь без него тосковать, настолько в разных реальностях всё по-разному ощущается. Поэтому в пятом по счёту баре – тогда, неделю назад – Та Ола спросил: «Какого чёрта мы больше не собираемся в Фано?» Шала Хан напомнил: «Так там сейчас сплошные карантины, локдауны, фиговый получится отпуск, мне кажется, – всё закрыто, заперто, запрещено». А Та Ола пожал плечами: «Нас это не касается. Мы это всё-таки мы. Где закрыто – откроем, что запрещено – разрешим».

• *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что впервые услышав о существовании этой профессии, люди обычно насмешливо спрашивают: «А что, книги от них убегают?» Но книги, конечно, не убегают. Нет.

С книгами другая проблема: в Сообществе Девяноста Иллюзий нет художественной литературы. С научно-технической всё в порядке, учебники, справочники, энциклопедии, документальные хроники – всё это есть. Но сочинять истории о том, чего не было, жители Сообщества не способны. Не потому, что все они напрочь лишены воображения и фантазии, дело в самом языке. Природа его такова, что невозможно говорить и писать о том, чего не случилось. Каждое слово этого языка тождественно делу, поэтому всякая произнесённая вслух или записанная на бумаге ложь будет пытаться стать правдой. И непременно станет, если у солгавшего достаточно сил. А если нет, бедняга свалится замертво, и привет.

На самом деле, соврать по мелочи (и слегка изменить своей выдумкой мир) в момент вдохновения может почти любой; другое дело, что каждый сто раз подумает и скорее всего не станет, поскольку всегда есть риск, что изменение тебе не по силам, а умирать раньше времени нет дураков.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что иногда в Сообществе Девяноста Иллюзий (в Лейне, видимо по причине высокой степени его достоверности, это случается чаще, чем в других городах) рождаются люди исключительной силы, способные словом изменять окружающий мир. Их называют «адрэле»; при официальном общении принято прибавлять это слово к имени, не из какой-то особой почтительности, а просто чтобы сразу становилось понятно, с кем имеешь дело. Адрэле не имеют никаких привилегий, кроме естественной привилегии любого таланта развивать и применять свои способности, но по вполне понятным причинам окружающие стараются беречь их нервы, и сами адрэле тоже стараются беречь от своего всемогущества окружающих и весь остальной мир.

Но сочинять истории о том, чего не было, даже они не возьмутся. Слишком много пришлось бы создать с нуля или до неузнаваемости изменить. Пишешь: «Жили-были дед и баба», и в этот момент где-то в мире действительно появляются прежде не

существовавшие бабушка и дед, дом, в котором они жили-были, улица, на которой их дом стоит, и соседи, которые помнят, как с ними ежедневно здоровались. А также предки деда и бабушки до чёрта знает какого колена и последствия их бесчисленных дел.

Попытки сочинять истории всё равно, конечно же, были, нет такого невозможного дела, которое не попытается совершить наперекор его невозможности какой-нибудь человек. Но ни одна из попыток добром не закончилась. Причём неизбежная на каком-то этапе сочинительства смерть автора от переутомления – ещё наименьшая из сопровождающих творческий процесс катастроф.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что эта профессия возникла примерно восемьсот лет назад, вскоре после того как профессор Перемещений Тию Орли Ай из Лейна экспериментально доказал, что вымысел, сочинённый в другой реальности, может быть переведён и воспроизведён в письменном виде без каких-либо последствий. Главное, чтобы переводчик начал работу с обязательного вступления: «В этой книге написано, что...» – а потом не отклонялся от оригинала и ничего от себя не добавлял.

Первую книгу – «Мы сегодня вместо заката», бесхитростный любовный роман, как этот жанр себе представляют д-гоххи из Хой-Брохха, Мира Четвёртой Радости (положа руку на сердце, редкий современный любитель чтения, избалованный шедеврами из разных реальностей, станет такое читать, там герои на первых трёхстах страницах мечтают спать вместе, то есть именно спать и смотреть сны друг друга, а потом примерно ещё на трёхстах действительно спят и смотрят свои чёртовы сны) – так вот, эту книгу профессор сам притащил из бесплатной книжной лавки в Хахханье, глухой хой-броххской провинции, где любил отдыхать. Сам её перевёл и давал почитать всем желающим, сначала ради эксперимента, а после – потому, что не видел причин отказать. Желающих оказалось так много, что небольшое издательство «АхДрас» (приблизительный перевод названия «Сила»), специализировавшееся на издании популярных иллюстрированных книг про изобразительное искусство, попросило разрешения напечатать хой-броххский роман; темпы продаж потрясли издателей, так что

роман немедленно переиздали сотысячным тиражом, а профессор Тио Орли Ай притащил из внеочередного отпуска целый чемодан хой-броххских романов и усадил студентов-лингвистов их переводить.

Ну и дальше понятно, что было. Мастеров Перемещений в Сообществе Девяноста Иллюзий не сказать чтобы очень много – примерно как выдающихся музыкантов, или певцов. Довольно редкий талант, но всё-таки не уникальный. А интересные книги есть во многих мирах. Как ни странно, разные формы сознания на определённом этапе развития непременно приходят к идее сочинять истории о том, чего не было, в стремлении (чаще неосознанном, чем намеренном) подражать непознаваемому Творцу. Уже через пару лет одно за другим стали появляться издательства, специализирующиеся только на художественной литературе. А ещё лет через двадцать наступило такое книжное изобилие, что издательства перестали переводить всё подряд, и Ловцам книг пришлось спешно учиться (на своих и чужих ошибках) не просто таскать из других реальностей книги, но и правильно их выбирать.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что примерно полвека спустя после первых экспериментов с романами стало окончательно ясно (то есть было научно доказано то, что все уже понимали и так): для жителей Сообщества Девяноста Иллюзий чтение вымышленных историй – гораздо больше, чем просто развлечение на досуге, оно изменило качество бытия.

Во-первых, чтение существенно продлевает жизнь – собственно на проведённые за чтением годы. То есть пока человек увлечённо читает, он как бы исключает себя из реальности, время над ним не властно, он не становится старше на потраченные на чтение часы. Заметили этот эффект почти сразу – на детях. Те, кто много читали, почти перестали взрослеть. Сперва испугались, но быстро поняли, что с детьми всё в порядке, учатся и умнеют, как прежде, просто физически дольше остаются детьми. Теперь-то уже все привыкли, что детство в норме растягивается на два-три десятилетия, и студентов-старшекурсников с виду от школьников не отличить. И стареть стали медленно, даже пятисотлетним юбилеем никого особо не удивишь. При этом чтение неинтересной книги время не останавливает, работает только полное погружение,

организм не обманешь, он точно знает, захватила тебя изложенная в книге история или нет.

А во-вторых, чтение повлияло на качество сновидений, и это оказалось даже важнее, чем долгая жизнь. Раньше жителям Сообщества Девяноста Иллюзий снились обычные, запутанные, не особо интересные сны, которые сразу забывают, проснувшись, потому что вспоминать толком нечего, бессвязная, бессмысленная ерунда. Исключения из этого правила (как из любого другого), естественно, были всегда, но общей картины эти единичные случаи не меняли, разве что породили общую несбыточную, как тогда всем казалось, мечту о дополнительной интересной, ни на что не похожей жизни, прожить которую любой был бы рад, даже если совершенно доволен той, что есть у него наяву. И вдруг выяснилось, что естественным следствием регулярного чтения становится качественное изменение характера сновидений, словно бы под влиянием чужих интересных историй человеческий мозг обучается сочинять их сам; собственно, не «словно», а именно так и есть. Другое дело, что это не единственная причина, но кратко и внятно объяснить остальные гораздо трудней.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что в силу всего вышесказанного их профессия считается очень важной, почётной, полезной обществу, и что ещё обычно в таких случаях говорят (а ещё профессии переводчиков и издателей, но Ловцы в книжном бизнесе главные, без их добычи ничего не будет, это понятно всем). К тому же профессия Ловца книг окружена романтическим ореолом; собственно, и не зря: они же действительно постоянно посещают чужие реальности и вовсю развлекаются там.

Естественно, почти каждый житель Сообщества Девяноста Иллюзий в детстве мечтает стать Ловцом книг, но удаётся это очень немногим. Потому что, во-первых, перемещаться в иные реальности способны только адрэлы, да и то не все, а самые талантливые из них. Понятно же, что оказаться в другой реальности невозможно. Для нормального человека, даже если он уроженец Сообщества Девяноста Иллюзий, никаких «иных реальностей» как бы и нет, только рассказы о них и принесённые оттуда предметы, но по сравнению с личным опытом это

совершенно не то. А всё невозможное осуществляется только силой слова адрэле. Скажет: «я сейчас там-то», – и если силы достаточно, оказывается в названном месте. Ну или падает замертво, если нет. Но таких несчастий уже давно не случается, потому что на старте проводят очень строгий отбор, с многократными тщательными проверками возможностей каждого, а те немногие, кому удалось пройти испытания, получают отличную подготовку; короче, эпоха, когда Перемещения считались делом рискованным, закончилась задолго до появления профессии Ловцов книг.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Вы – ничего (вы в них вообще не верите, мало ли что в книжке написано, наш-то язык позволяет сколько угодно врать), а я – очень много. Но для начала, я считаю, достаточно. Потом может быть, если к слову придётся, расскажу что-нибудь ещё.

Фано, Ноябрь 2020

Сидели в шезлонгах у самой кромки прибоя, зарывшись босыми ногами во влажный песок. Тёплый в этом году ноябрь, море ещё не остыло, можно наверное искупаться, – время от времени думал Тим. Но было лень. Так за последние дни набегался – домой и обратно, по здешним делам, по тамошним, а напоследок квест «доберись до Фано из Вены, когда перекрыты дороги и отменены автобусы и поезда» – что теперь хотелось только неподвижно сидеть в шезлонге, смотреть в густую винно-красную темноту под закрытыми веками и бессмысленно, сладко молчать. Сам не заметил, как задремал, и то ли сквозь сон, то ли всё-таки прямо во сне услышал, что Самуил говорит: «Как же я это люблю». И спросил, тоже то ли сквозь сон, то ли собственный голос ему приснился: «Что именно? Море?» Самуил ответил: «И море тоже. Его и тебя, и нашу работу, и своё дурацкое настроение, которое скачет, как мяч на резинке, и круассаны, которые были на завтрак, и кофе в термосе, за которым мне сейчас лень тянуться, и...»

– Ещё котят и бабушку, – добавил Тим. На этом месте он точно проснулся, потому что цитата, как ни крути, часть работы, а работа не может быть сном.

– Рад, что помнишь, – улыбнулся Самуил; Тим не видел его лица, но чувствовал, что тот улыбается. – Сколько лет прошло, сколько я с тех пор сделал, а радуюсь, когда кто-то эту книгу цитирует. Каждый раз, до сих пор.

Детская книжка, из которой Тим вспомнил цитату^[7], лет сорок назад была очень модной, так что все – и дети, и взрослые – говорили цитатами из неё; впрочем, любят её до сих пор, переиздают чуть ли не ежегодно, с новыми иллюстрациями, и расхватывают быстрее любой новинки, вечный неумирающий хит. Это Самуил её когда-то нашёл и сам перевёл, никому не доверил; правильно сделал, он лучший в профессии, как он не перевёл бы никто.

– Ты был прав, – вдруг сказал Самуил.

– В чём именно? Я, знаешь, часто бываю прав.

– Вот же наглая морда! – фыркнул тот и потянулся за термосом с кофе. Видимо от возмущения лень как рукой сняло.

– Мне оставь, – попросил Тим. – Я сегодня бедняжка без термоса. Где-то его пролюбил.

– Ещё чего.

Но, конечно, налил кофе в крышку и протянул ему. Сказал:

– Правда твоя, на моей памяти ты был прав, как минимум, трижды.

– Трижды? Ого. Когда?

– Когда говорил, что мне не идёт синий цвет; я с тобой, конечно, не соглашался, но посмотрелся в зеркало повнимательней, понял, что рожа действительно приобретает оттенок здешней антитабачной рекламы, и носить его перестал. Это раз. Второе – когда предложил встретиться в Фано, как прежде, а что сейчас здесь устроиться сложно – так именно ради таких приключений мы все когда-то пришли в профессию, а остальные смыслы обрели или просто сочинили потом. И самое главное – когда ещё во время учёбы сделал ставку на интернет, где сейчас всё самое интересное. Непризнанные гении и весь этот их самиздат. Лично я искать в интернете так и не научился. У меня чутьё включается, когда я вижу отпечатанные в типографии книги, могу их потрогать, взять в руки, запах вдохнуть. Сразу становится ясно, что хватать, не раздумывая, они меня натурально зовут. А от текстов на экране компьютера только настроение портится и трещит голова. Закономерно, что ничего интересного я до сих пор там не отыскал, только груды такой унылой графомании, что хоть из профессии уходи. Но я слежу за твоими находками. Завидую тебе. Очень. Как никому из коллег не завидовал. Вот так обстоят дела.

Тим не стал говорить, что это просто дело привычки. Ещё бы я не научился искать в интернете, если занимаюсь этим со студенческих лет. А в магазинах, кстати, теряюсь среди пёстрых обложек, которые редко хоть как-то соответствуют содержанию, и с полок особо никто меня не зовёт. Чутьё Ловцов книг, о котором секретарши издательств слагают мистические легенды, в большой степени следствие опыта. Я почти двадцать лет рыскаю в интернете, ты полвека ходишь по книжным лавкам, ясно, кто в чём сильнее. Всё это Самуил и так знает. Сто раз уже обсуждали. Поэтому он сразу спросил:

– Хочешь, помогу тебе освоиться с интернетом? Чтобы стало легко искать? Там на самом деле есть и метод, и логика, и ориентиры, не надо тыкаться наугад. Я же только первые пару лет выезжал на чистом везении, как собственно все новички выезжают, а потом...

– Да ну, – отмахнулся Самуил. – Хотел бы как следует разобраться, давным-давно попросил бы. Но я не люблю компьютеры. Говорю же, у меня от них болит голова. А если от работы не получать удовольствие, зачем она, скажи на милость, нужна?

Тоже верно. Настолько, что смысла нет возражать: «а ты попробуй», «а вдруг понравится». Чего зря воду в ступе толочь.

– У меня другая просьба, – сказал Самуил. – Поищи там что-нибудь для меня. Чтобы я прочитал и ахнул. И захотел сам перевести. Языки, в идеале, славянской группы. Я их лучше чувствую. Как, кстати, и ты.

– Чтобы ты ахнул, значит, – повторил Тим. – Не представляю, что это может быть. Но если увижу, сразу пойму... наверное. Ну или не пойму. Ужас, конечно!

– Да почему сразу «ужас»?

– Потому что тебя ничем не проймёшь. Такая уж у тебя репутация. Стрёмно для тебя выбирать!

– Ладно тебе, – улыбнулся Самуил. – Меня ещё как проймёшь. Просто морда невозмутимая. Это считалось модным, когда я был молодым.

– Серьёзно? Была специальная мода на выражения лиц?

– Да чего только не было. Мода такое дело. Никогда не знаешь, как она завтра взбрыкнёт. А я был шикарный парень. Что умел, то умел. Однажды пальто обшил зеркалами. В смысле, осколками. Дырки в них сам сверлил, а потом пришивал. Неделю на это угрохал, пальто было длинное, почти до пят. И весило со всеми этими зеркалами восемь с половиной кило. Как вспомню, так вздрогну. Но я не сдавался. Почти до лета в нём стойко гулял. А с лицом ещё проще. Даже дырки сверлить не надо. И, тем более, пришивать.

– Убедительно у тебя получилось.

– И потом не раз пригодилось. В любых обстоятельствах делаешь морду тупой, и все сразу думают, ты серьёзный чувак.

– И я тоже так думаю, – признался Тим. – Столько лет тебя знаю, а всё равно уверен, что ты очень серьёзный. И трепещу, прикинь.

– Ладно, облегчу тебе задачу. Я знаю, чего мне в последнее время не хватает в объективно хороших книгах. Смысла, который оправдывает существование этой цивилизации, делает здешнюю жизнь священной. Непостижимого и неопределённого, как у Линдгрена^[8] – помнишь? Не помнишь? Неважно... то есть как раз очень важно, перечитай. Когда-то я хорошо понимал, как, почему, в силу каких особенностей эта искажённая ложью реальность смогла стать причиной нашего воплощения. Больше не понимаю. То есть, теоретически знаю, я не дурак, ничего не забыл, но сердцем не чувствую. А так нельзя. Культуру, создающую книги, которые мы приносим читателям, недостаточно уважать, её надо любить.

– Ясно, – вздохнул Тим. Да так тяжело, словно заранее переживал грядущий провал.

– Я же не наобум кого попало прошу, – сказал Самуил. – А тебя. Потому что читал все твои находки. Они не в точности то, что мне надо, но примерно в ту сторону. Собственно из-за них я и понял, чего на самом деле мне не хватает. Почувствовал в них тень высокого смысла. Надежду на этот смысл.

– А. Ладно. Так уже легче. Если в главном мы с тобой совпадаем, есть от чего плясать.

– Вот и пляши, пожалуйста, – попросил Самуил. – И не стесняйся показывать всё подряд, что отыщешь. Никогда не знаешь, что тебя в книге зацепит. Я уже, вроде, опытный. А всё равно – никогда!

Какое-то время они умиротворённо молчали, пока не услышали шум мотора приближающегося автомобиля и обернулись к шоссе. Естественно полиция, другие машины сейчас почти не ездят, в стране карантин, все сидят взаперти. А эти рыскают с утра до ночи, ищут, кого бы оштрафовать за незаконное пребывание на свежем воздухе. Хотя в таком крошечном городе плохи должны быть их дела.

– Проедут мимо, – уверенно сказал Самуил на их общем родном языке, который делает любое утверждение правдой; так-то Ловцы, оказавшись в чужой реальности, стараются без особой нужды его не использовать, даже друг с другом говорят на каком-нибудь местном наречии, не ради конспирации, а потому что чертовски приятно безответственно болтать что попало, не обдумывая каждую формулировку, не подбирая аккуратно слова.

– Спасибо, – улыбнулся Тим. – Я сегодня по дороге сюда уже раз десять от них избавлялся. Устал ужасно. Хотя вроде бы не слабак.

– Ты совсем не слабак, – согласился с ним Самуил, снова на родном языке.

(Долг адрэле – ободрять и хвалить других при всякой возможности, дополнительно утверждая, усиливая их достоинства. И, конечно, ни в коем случае не ругать. Единственное оскорбление, которое адрэле могут себе позволить: «не хочу о тебе говорить».)

– И ещё раз спасибо.

– Да не за что. Ты же действительно не слабак. Говорить правду легко и приятно. Не то что полицейских гонять... Ты лучше скажи, где ночуешь сегодня?

– Пока понятия не имею.

– Эх, молодёжь. В твои годы я на такие вопросы отвечал: «естественно у тебя!»

– Серьёзно? А можно?

– Нет. Но сегодня – да. Здесь сейчас навалом пустого жилья, но снять ничего не получится, люди боятся полиции, им нельзя приезжих пускать. А я вчера занял отличный просторный дом. Хозяева не приедут, пока карантин не закончится, и соседей поблизости нет.

– Так я тоже могу. Сам говоришь, пустого жилья полный город.

– Конечно ты можешь. Но сперва отдохни с дороги. Хватит пока с тебя. Завтра ещё наши приедут, станет гораздо проще захватывать территорию. Можно будет легко занять хоть целый квартал. Ты вообще когда уезжать планируешь?

– Я пока вообще ничего не планирую. Если уж в кои-то веки добрался до моря, глупо сразу же уезжать.

– Да, – кивнул Самуил. – Я сюда с другими мыслями шёл. Думал, повидаясь с тобой, раз уж договорились, и сразу домой. Здесь атмосфера стала тяжёлая. Не только в Фано, в целом в ТХ-19. Ну её. А сейчас сижу здесь с тобой и думаю: как же тут хорошо! Осталось понять, дело в море, или всё-таки в тебе? Как считаешь? Может быть мне просто всюду таскать тебя за собой?

– А может быть дело в доме? – в тон ему ответил Тим. – Что ты его самовольно взломал? Может ты бандит по призванию? И для хорошего самочувствия должен периодически занимать чужие дома?

– Тема, – хмыкнул Самуил. – Надо будет попробовать. До сих пор я жильё только за деньги снимал.

– И я. Скучно жили. Но теперь-то мы развернёмся.

– Это да, – зевнул Самуил. И мечтательно повторил: – Это да.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Я иду по улице Швенто Игното, сворачиваю на Тоторю и сразу же за углом вижу объявление на фонарном столбе – от руки, на страничке, вырванной из ежедневника, старательным школьным почерком. Интернет интернетом, а такие у нас ещё иногда встречаются: «Сниму квартиру в этом районе», «Репетитор – литовский язык, история», «Отдам в хорошие руки котят».

Но тут не объявление, а записка. «Съездили на море, всю неделю провели на пустом пляже», – написано там. И всё, больше никакой информации – кто, зачем, для кого это написал? Только в левом верхнем углу отпечатана дата: «27 июня 2023 года». С учётом того, что сейчас на дворе ноябрь двадцатого, совсем хорошо.

Ясно, что эта записка – послание для меня. По большому счёту, всё всегда для меня, но «всё» – это слишком много. У меня вполне обычная человеческая голова с двумя глазами, двумя ушами и – что там ещё положено? – ну, предположим, носом, но непонятно, чем тут поможет нос. Короче, моя голова, при всём уважении к её несомненным достоинствам, так себе инструмент восприятия и обработки сразу всего. Чтобы не чокнуться от обилия необработанной информации, мы с головой решили: самое странное, что я замечу в городе, будет считаться посланием для меня, а всё остальное пока перебьётся, я подумаю о нём завтра, или не подумаю никогда.

Что конкретно это послание означает, что именно следует из его содержания, кто, с кем, где, когда, и чем успокоится сердце, я конечно же знаю. Но это знание не конвертируется в слова. Мне, собственно, и не надо. Достаточно видеть, чувствовать, осязать, как на горячем луче судьбы, исходящем из точки, в которой я вот прямо сейчас стою у столба, завязываются новые, необычной, удивительной формы, красивые, как звёзды и розы, узлы.

- *Что мы знаем обо мне?*
Вот прямо сейчас даже я – почти ничего.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Я говорю:

– Наша с вами задача-минимум – справиться с навязчивым страхом, который чем дальше, тем больше сгущается в атмосфере, спасибо средствам массовой информации и соцсетям. Невозможно не ощущать страх, который разлит повсюду, будь ты сам хоть сто раз герой.

Группа молчит, но все согласно кивают, одни – просто так, головами, другие – внутренне, как бы всеми собой. Ух, какие крутые! У нас всего второе занятие, а они уже научились правильно мне отвечать.

Я говорю:

– Испытывать страх нормально. Стыдиться его не надо. Вы не какие-то исключительные слабаки. Этот страх – естественное следствие жизни человека в человеческом мире, утратившем утешительный миф о бессмертии если не тела, то хотя бы души. Современному человеку страшно находиться в собственном теле, оно кажется хлипким неисправным скафандром, за пределами которого нас поджидает ледяной ужас небытия. Страх перед неизбежностью выхода в этот космос лишает нас радости, сил, способности рассуждать, понуждает к нелепым поступкам. Страх, извините за излишнюю точность, недоброкачественная опухоль бессмертной души. Которая, кстати, всё-таки существует. Вне зависимости от того, верите вы в неё, или нет.

В этот момент раздаётся шипение, переходящее в свист, и над набережной Нерис с грохотом расцветает огромный, в полнеба ослепительный зелёно-малиновый фейерверк. По уму, для фейерверка нет никаких причин: день сегодня не праздничный; собственно, в городе вообще карантин, любые зрелища и увеселения строго запрещены. Словом, здесь и сейчас фейерверк невозможен, поэтому он

выглядит подтверждением сказанного, такой сияющей небесной печатью, заверившей мои слова. Лично мне и без печатей неплохо живётся, но группе отличный вышел подарок. Везёт новичкам! Вон как уставились в небо. И на каждом лице написано: «Так получается, действительно есть душа».

Я говорю:

– Ослабить влияние страха помогают усилия его сформулировать. Рассказать себе простыми словами, чего именно мы боимся. И с какой стати решили, что будет так? С собой вообще имеет смысл почаще разговаривать. Желательно – вслух. Так лучше доходит. Но пожалуйста, без свидетелей, наедине с собой. Не надо давать окружающим лишний повод думать, будто мы психи. Мы-то, может, и психи, но это – наша личная тайна. Не касается никого.

Группа дружно смеётся. И это отлично. Тем, кто вместе смеялся, легче быть во всём заодно.

Я говорю:

– Чётко сформулировать, чего именно мы боимся, и понять, почему, это – ну, как демона назвать по имени и получить власть над ним. Но если не получается быстро докопаться до настоящего источника страха, вполне достаточно говорить себе вслух: «нет, я не такая крутая цаца и не настолько чудовищное ничтожество, что весь мир только и хочет меня убить». Потому что мир ничего такого не хочет. Он обычно вообще не в курсе, что мы у него, такие красивые, есть. Мир знает только о тех, с кем у него установились личные отношения. Но им-то подобные глупости в голову уже не придут. Каждый, кто лично познакомился с этим миром, знает, насколько он удивительно, даже обескураживающе добр.

Одна женщина, невысокая, кругленькая, из-за ярко-алой куртки похожая на помидор, молча, но страстно кивает. Вот кто на первом занятии с пользой постоял босиком! Причём я же помню, как она не хотела. Разулась последней, а потом ещё полчаса не решалась стянуть носки. Обычное дело. У самых способных самое сильное внутреннее сопротивление. Не всегда, но почти всегда.

Я говорю:

Чтобы перестать ощущать своё тело неисправным скафандром, а мир за его пределами – пространством небытия, первым делом надо научиться нормально дышать и ходить. Этого почти никто не умеет. Зря! Дыхание и движение это база, фундамент, они и есть сама жизнь. Поэтому соберитесь. Для хорошего старта надо ощущать своё тело – макушку, ладони, пятки. Ну, это просто. С этим обычно нормально у всех.

На самом деле я знаю, что вряд ли хоть у кого-то нормально. Но выдавать желаемое за действительное – мой метод. При всякой возможности делаю так. Потому что очарованное моим оптимизмом действительное само начинает принимать себя за желаемое. И окрылённое собственным заблуждением приближается к идеалу хотя бы на шаг.

Когда объясняешь, звучит не особенно убедительно. Но на практике этот метод срабатывает всегда. Вот и сейчас моя группа дружно кивает: «Конечно мы всё ощущаем. Ещё как ощущаем!» Только четверо озадаченно переминаются с ноги на ногу. Ничего, они ещё всем нам покажут, если не сбегут раньше времени. Великое дело – трудный, медленный старт.

Поэтому я говорю:

– На первом этапе для остроты ощущений можно хлопать себя по макушке, растирать ладони, разуваться и стоять босиком, или приносить на занятия массажные тапки, от которых пятки горят. Главное, не стесняйтесь. Мы здесь собрались не демонстрировать сверхспособности, а учиться себе помогать.

Я разуваяюсь и начинаю демонстративно массировать собственную макушку. Типа это не стыдно. Слова словами, а эффективно работает только личный пример.

Я говорю:

Вдыхаем через макушку. Да, я в курсе, что на макушке нет ни носа, ни рта. «Вдох через макушку» означает, что вдыхая, мы концентрируем внимание на макушке. И от этого нам начинает казаться, что мы действительно вдохнули через неё. У всех

получилось? Ладно, будем считать, получилось. В любом случае, вам предстоит повторить ещё примерно сто миллиардов раз. Теперь выдыхаем через ладони. То есть при выдохе концентрируем внимание на ладонях. У кого получилось, почувствует лёгкую щекотку, как будто воздух реально выходит через них. После этого следует вдох – тоже через ладони. Продолжаем держать внимание. Вдохнули? Выдохните через ступни. Представьте, что воздух выходит из них прямо в землю. Кому трудно сосредоточиться на ступнях, разувайтесь и стойте босиком. Теперь всё то же самое в обратном порядке. Вдох через ступни, выдох через ладони. Вдох через ладони, выдох через макушку. Как будто выпускаем фонтан. Мы – киты.

– Киты! – изумлённо повторяет женщина-помидорчик. И хохочет, как я, как все наши – от избытка энергии, а не потому что действительно так уж смешно.

Вместе с ней смеются ещё двое, трое, четверо. Да уже почти все. И сквозь смех говорят: «Да, щекотно!» «Ногам не холодно!» «Какая крутая штука!» «У меня получается!» «Мы – киты, мы – киты!»

Фано, Ноябрь 2020

– Ну деньги-то мы им оставим, – сказала Дилани Ана; нет, Надя сказала, она же не в Лейне сейчас. И сама себя перебила: – Не мы оставим, а я оставлю! У меня представительские расходы, желаю кутить. Страшно соскучилась, так здорово будет всех вас угостить! Дура я была, что так надолго засела в издательстве. Это называется «жопа прилипла к креслу», грёбанный стыд!.. А представляете, как хозяева удивятся? Сидят сейчас дома, рыдают, подсчитывая убытки, потом придут в свой заколоченный бар, а у них тут лежит куча денег. И минус сто бутылок бухла.

– Да ладно тебе, минус сто! – рассмеялся Тим. – Нас тут всего одиннадцать...

– Целых одиннадцать алчных глоток! И куча времени. Лично у меня нет задачи как можно быстрее отсюда свалить. Я такую виллу сняла... заняла, ты же видел? Такую шикарную виллу! Огромную, с садом. В жизни в такой не жила.

– И кто, интересно, тебе не давал? – хмыкнул Саймон. – Ты, дорогая, богаче всех нас.

– Так мне же на самом деле не надо, – пожала плечами Надя. – Роскошь хорошая штука, когда ты в отпуске, например. Или в командировке. А дома у меня куча дел. И все интересней, чем дворцы обживать. Три комнаты – и то многовато, в кабинете я хорошо если раз в полгода сижу. Ты лучше давай наливай! Я твою руку помню. Такое не забывается. Самая лёгкая во Вселенной рука!

– Ещё у Миши такая, – подсказал Самуил. – А где он, кстати?

– Где-то, – сердито ответила Надя. – Никто не знает. Телефоны не отвечают ни дома, ни здесь. Ну, это нормально, Миша есть Миша. Небось опять начитался эзотерических книжек и решил в порядке эксперимента познать какой-нибудь местный дзен.

– Да когда это было, – улыбнулась Анита. – По-моему, лет пятьдесят назад. Когда он прочитал Кастанеду и на три года заваялся проверять, работает описанная там система, или это всё-таки просто такой странный авангардный роман.

Все рассмеялись, вспомнив эту историю. И как издатели спорили, является ли Мишина находка художественной литературой, и как тот подорвался в Сонору для проведения экспертизы и с концами там сгинул. Его безуспешно пытались искать, а три с лишним года спустя Миша сам нашёлся в столице Монголии Улан-Баторе, тощий, дочерна загорелый, с документами на имя бухгалтера Казимира Танатоса из советской тогда ещё республики Беларусь, причём не мог объяснить ни наличие этого странного паспорта, ни как тут оказался, ни чем занимался три года, а на вопрос, как прошла экспертиза, переспрашивал: «Экспертиза чего? Какой Кастанеда? Что за роман?!» Позже вспомнил, но только сам факт наличия спорной книги, а не о том, где три года гулял. Настолько полная утрата памяти о пребывании в потусторонней реальности для Ловцов огромная редкость, у них очень хорошая подготовка, но всё-таки изредка с некоторыми случается, причём даже без участия странных эзотерических книг. Короче, после истории с Мишей (в Лейне он носит имя Анн Хари и популярен, как рок-звезда, реально поклонники на улицах останавливают, чтобы сказать спасибо за Стивена Кинга, которого он когда-то раньше всех притащил) Кастанеду на всякий случай печатать не стали, решив, что это не совсем беллетристика, зато его книги до сих пор пользуются тайной бешеной популярностью среди инсайдеров – издателей, переводчиков и Ловцов.

* * *

Расходились под утро; собственно, утром, небо над горизонтом уже пошло лимонными полосами, а воздух начал синеть. Тим всегда на таких вечеринках оставался практически трезвым – от волнения и восторга, что он теперь вместе с этими взрослыми, знаменитыми, самыми отчаянными и, чего уж, богатыми из Ловцов, живыми легендами, экспертами в области литературы ТХ-19, хотя сам уже почти двадцать лет был одним из них, давно пора бы привыкнуть; с другой стороны, тогда счастья стало бы меньше, не надо ни к чему привыкать, – думал Тим, допивая остатки коктейля, чёрт его знает, какого по счёту, после четвёртого или пятого сбился и считать перестал.

Когда Надя ухватила его под локоть: «Проводишь меня», – Тим растерялся, потому что, ну, Надя есть Надя, она крутая, настоящая суперзвезда, ещё и безбожно красивая; дома все кажутся друг другу красивыми, это не считается важным, но на всех одинаково приятно смотреть, а в чужих реальностях искажается восприятие, особенно в ТХ-19, об этом все знают и своим впечатлениям особого значения не придают, однако совсем игнорировать не получается, не хочешь, а поневоле всё равно отмечаешь глубокие морщины Аниты, пугающе бледную кожу Самуила, лысину Саймона, скошенный подбородок Лары, и сам ты тощий, как пугало, и у тебя, как положено пугалу, слишком большая соломенная голова. Однако Надя, смуглая, тонкая, с пышными пепельными волосами и бездонными черешневыми глазами в пол-лица, даже здесь выглядит сногшибательно; собственно, особенно – здесь.

Но Самуил, – думал Тим, – Самуил же! Мой самый любимый друг. Они же?.. С другой стороны, когда это было. Очень давно. Лет пятнадцать назад.

Самуил обернулся с порога, помахал им рукой и улыбнулся так тепло, что считай, вслух сказал: «Всё в порядке!» – а потом ещё раз восемь повторил для особо тупых.

Когда свернули за угол, Надя его отпустила. Сказала:

– Извини, дорогой. В этом сюжете нет романтической линии. Ты в меня не влюблён, поэтому не особо расстроишься. Просто мне было надо не одной, а с кем-то вот так напоказ уйти.

– Так ты Самуила дразнила? – сообразил Тим.

– Самуила. Но не дразнила. Наоборот, успокоила. Показала, что он совершенно точно не должен со мной идти. А то он, знаешь, не был уверен. Не особо хотел, но боялся меня огорчить. Я это видела, он понимал, что я вижу, и это создавало между нами особое напряжение, такую звенящую нить. Самуил его чувствовал, а как интерпретировать, не понимал. Я бы на его месте наверное тоже не понимала. Все мы такие, умные-умные, а как начинается «любит – не любит», сразу удивительные дураки.

Тим не знал, что на это сказать. Да и надо ли. И если надо, то что и кому. И наверное глупо сейчас идти ночевать к Самуилу, у которого

так отлично прижился, что поискать себе дом или комнату третий день откладывал на потом.

– Спать-то я тебя уложу, – улыбнулась Надя. – Пошли, поместимся как-нибудь. Там же правда здоровенный домище. Шесть спален, а может и больше, не уверена, что всё обошла.

По дороге – все две минуты дороги, её дом был совсем близко – Надя молчала, думая о чём-то своём. Уже на пороге спросила:

– Ты случайно кофе на ночь не пьёшь?

Тим кивнул:

– Угадала. С молоком или сливками. И сплю как убитый после него.

– Я тоже. Здесь есть машина для кофе. С дурацкими капсулами. С утра разберёмся, сварим нормальный, а сейчас и такой сойдёт.

Пришли в огромную кухню-гостиную, в которой вполне разместился бы какой-нибудь камерный театр, и сцена, и зрительный зал. Надя застыла у кофейного аппарата, с возрастающим интересом разглядывая множество кнопок. Наконец сказала:

– Вот ты мне и пригодился. Давай разбирайся с этой бандурой. У меня сегодня днём получилось, а сейчас опять ни черта не понятно. Не помню, что я куда вставляла, и где потом нажимала. Как школьница напилась!

Тим разобрался мгновенно, благо за свою жизнь перевидал сотни разных кофейных машин. Аппарат зафыркал, Надя удовлетворённо кивнула:

– Гения сразу видно. Всегда говорила, что новое поколение сделает нас.

– Вот потому и гений, что ты всегда говорила, – улыбнулся Тим. – Великую силу имеют твои слова.

– И поэтому тоже. Но ты и сам по себе вполне ничего.

Надя взяла чашку с шапкой молочной пены, но пить не стала, поставила на стол. Сказала, хотя Тим её ни о чём не спрашивал:

– Про Самуила. Чтобы ты не гадал и его не расспрашивал. Я просто, понимаешь, считаю, это неправильно, что дома мы спим только с теми, в кого влюблены, а здесь – с кем захочется, просто так. Словно нами начинают командовать здешние лживые языки. Поначалу кажется, это весело. Ну или не кажется. Но по уму, без такого веселья лучше бы обойтись. У меня когда-то был роман с Самуилом. Десять

очень весёлых лет. Но только здесь. Я его и в Лейне любила, а он меня – нет. Здесь, собственно, тоже. Даже в самом начале не был влюблён. Просто тут это как бы не имеет значения, можно развлечься, почему бы и нет. Но имеет же! Языки языками, но мы-то одни и те же. Не так уж сильно изменяет нас Переход.

«Я тоже так думаю», – хотел сказать Тим. Но постеснялся и промолчал.

Надя истолковала его молчание по-своему. И ответила на вопрос, который Тиму в голову не пришло бы задать:

– Нет, я не поэтому четырнадцать лет просидела в издательстве. Не из-за Самуила. Проще простого послать подальше того, кто в любую минуту готов без обид уйти. Мне ТХ-19 осточертела. И чем дальше, тем меньше нравится. Но я не уверена, что это правильно. Так себе из меня эксперт. На самом деле, затем и позвала тебя, а не кого-то другого. У меня к тебе много вопросов. Думала, сделаем кофе, сядем вдвоём на кухне, нормально поговорим. Но всё-таки не сейчас. Какая-то я слишком пьяная дура. И на уме у меня только глупости про несбывшуюся любовь. Ай да я! Забыла, что здесь так бывает. А разговор очень важный. Поэтому завтра. Всё завтра. Если проснёшься первым, пожалуйста, не убегай.

– Ладно, – согласился Тим, – не убегу.

Допил свой кофе, огляделся в поисках мойки, нигде её не увидел, поставил чашку на стол. Сказал, хотя страшно смущался, но не сказать не мог:

– Знала бы ты, как я сейчас жалею, что на самом деле в тебя не влюблён.

– Я тоже, – кивнула Надя. – Но не особо. Чуть-чуть. Мы с тобой получим гораздо больше, чем потеряли. Теперь всю жизнь будем крепко дружить.

Последнюю фразу она произнесла на родном языке, глядя Тиму в глаза, – мол, вот настолько серьёзно. И он почти задохнулся от радости, потому что Надя есть Надя. Круче Нади только Драконьи горы Уэрр-Круашата, при условии, что они вообще есть. Ясно, что легендарный мастер Перемещений Ленски (Яа Эль Джи, но это имя Тим вспомнит, когда окажется в Лейне) рассказывал правду, никто не силён настолько, чтобы целый мир сочинить, но общеизвестно и то, что после него за несколько тысячелетий больше никто в Уэрр-

Круашате не побывал. Многие хотели там оказаться, но каждый желающий в последний момент остро, как боль от внезапной раны, ощущает: «нельзя», – и никуда не идёт, ясно же, что с таким ощущением Переход не получится; ладно, неважно, не в Уэрр-Круашате дело, а в том, что невероятная Надя сказала: «будем крепко дружить».

– Какое счастье, – наконец сказал Тим. То есть, даже не то чтобы именно Тим, оно как-то само, помимо воли сказалось. И правильно сделало, и хорошо.

– Вот ты понимаешь, – улыбнулась Надя. – Дружба – лучшее, что может случиться с людьми. Закрой дом, пожалуйста. Сможешь? А то я спяну в нашу грядущую вечную дружбу вгрохала все остатки сил.

– Да вообще не вопрос, – улыбнулся Тим. – А в какую спальню потом идти?

– В любую, кроме моей, которая ближе всех к лестнице. Я днём смотрела, чистая постель есть везде.

Надя взмахнула рукой и ушла наверх, а Тим ещё раз огляделся в поисках раковины и наконец обнаружил её за углом. Вымыл обе чашки, свою и Надину. Подумал: а кстати чёрт знает, может уже и влюблён. Рассмеялся – что в башке у меня творится?! – потому что, ну правда, смешно. Наконец собрался, как следует сформулировал, вдохнул поглубже, медленно выдохнул, сказал вслух на родном языке:

– Никто нас в этом доме не заметит и не побеспокоит. Никто без нашего приглашения не войдёт в этот дом, пока мы здесь.

Так легко получилось, что практически ничего не почувствовал; ну, собственно, так и должно быть. Проще простого закрыть дом после того, как днём всей компанией закрыли от посторонних целый квартал, предназначенный для курортников, а потому сейчас совершенно пустой. А что так волновался, понятно – не сам же решил закрыть, а Надя его попросила. Тим до сих пор ощущал себя начинающим и хотел казаться крутым, всемогущим – не только ей лично, а всем опытным старым Ловцам. Хотя сам понимал, что уже давно никому никаким казаться не надо. Потому что он объективно такой и есть. Старый, не старый, но опытный. Удачливый, знаменитый Ловец.

Уснул, когда сквозь старые жалюзи пробивались горячие солнечные лучи. И проснулся сильно за полдень, гораздо позже, чем

привык просыпаться, хотя всю жизнь был «совой». Но два пополудни – всё-таки перебор... или подвиг? Словом, выдающееся достижение. Рекорд!

Впрочем, судя по тому, что Нади не было в кухне, а на плите – никаких следов человеческой деятельности, старая гвардия побеждала с разгромным счётом. Фигу тебе дорогой, а не рекорд, – весело думал Тим, обшаривая бесчисленные шкафы в поисках кофе и подходящей посуды, чтобы его сварить. Кофе нашёл, понюхал, скорчил недовольную рожу – долго уже лежит! Собственно, это понятно, естественно долго, если в этом доме никого не было, в лучшем случае, с лета, если не с прошлой зимы. Ладно, всё равно это лучше, чем капсулы, что угодно лучше, чем капсулы, на кой чёрт эти странные люди из ТХ-19 вообще их изобрели? Чтобы жизнь сахаром не казалась? Так она им, вроде, и так не кажется. Кофе могли бы и пощадить.

Джезву в итальянском доме искать бесполезно, но Тим всё равно искал. В азарте чуть не сказал: «В этом доме есть джезва!» – но вовремя опомнился. Для Ловца последнее дело – тратить силу слова по пустякам, тем более в таких обстоятельствах, когда сложным в любой момент может оказаться практически всё. Напомнил себе: нам ещё полицейских с пляжа гонять. И придумать, где и как обедать и ужинать. Продуктовые магазины, вроде, работают, но в маленьком городе сразу вычислят чужаков. Короче, есть вещи важнее джезвы, хоть и непросто в это поверить с утра.

В итоге выбирал между кастрюлькой и гейзерной кофеваркой мока, такая как раз в любом итальянском доме есть. Остановился на ней, причём из-за яркого красного цвета. Бывают вещи, с которыми просто приятно дело иметь. Первую порцию выпил залпом и сразу начал готовить вторую. Если Надя проснётся, будет сюрприз. А не проснётся, справимся и без Нади, – говорил себе Тим.

Надя появилась внезапно, причём пришла не сверху, где спальни, а с улицы. Значит, – первым делом подумал Тим, – есть рекорд! Я её всё-таки переспал.

– Уже есть кофе! Ты мой герой! – восхитилась Надя. – Я проснулась и осознала, что готова хоть десять раз сбегать за булками, лишь бы ничего не варить. Зато за булками я хожу гениально.

Смотри! – и поставила на стол здоровенный пакет с круассанами, слойками и ещё чёрт знает чем.

– Познакомилась с местными тётками, – тараторила Надя, – они даже не стали расспрашивать, откуда я такая взялась, хотя у меня была наготове легенда, якобы я командированный, предположим, из Анконы для помощи местной больнице врач, но не понадобилось. Я им без легенды понравилась, просто так. И они мне сдали подпольную пекарню. Или не подпольную, а нормальную? Я, если честно, так и не поняла. Короче, это выглядит как окно, закрытое ставнями, приходишь, стучишься, оттуда спрашивают: «Тебе чего?» Говоришь: «Мария сказала, у вас с утра осталась какая-то выпечка», – так тётки велели, потому что закрыто, по их-то меркам утро давным-давно закончилось, уже часа четыре назад. Поэтому мне отдали всё, что осталось, за треть цены. Считается, эти булки никуда не годятся, чёрствые. Чёрствые, представляешь? Ты только на них посмотри!

– Не буду смотреть, – отказался Тим. – Буду жрать, рыча и роняя крошки. Как раз перед твоим приходом осознал, какой я голодный. И начал прикидывать, где раздобыть обед.

– Раздобудем, – пообещала Надя. – В том же окошке пиццу пекут отличную. С пяти можно взять на вынос. А если сошлѐшься на кума подружки пекаря, даже поесть внутри. Мне тётки много полезного рассказали. Я молодец.

– Да не то слово, – подтвердил Тим, уже начавший выполнять обещание. Сунул в рот целиком круассан, или корнетто, раз уж дело происходит в Италии. И крошки ронял, как было предсказано. Правда, не зарычал.

– Всегда тебе страшно завидовал, – сказал он, покончив с первым корнетто. – С кем угодно договоришься. Хотел бы я так уметь!

– У всех свои сильные стороны, – пожала плечами Надя. – Я умею нравиться людям, ты – искать в интернете, другие – что-то ещё. Поэтому Ловцы во всѐм помогают друг другу, иногда даже вопреки своим интересам, как может показаться со стороны. Плевать мы хотели на конкуренцию. Хороших книг на всех хватит, как-нибудь не подерѐмся. А быть заодно – бесценно. Вместе мы можем всё.

– Ой, это да, – согласился Тим. – Я когда был студентом, думал, что опытные Ловцы – ну не то чтобы злющие, как люди в ТХ-19, но суровые и непреклонные, как герои здешних приключенческих книг. А

оказалось — сама понимаешь. И учили, и опекали, и подсказывали всякие штуки, до которых я бы не додумался сам. В общем, я до сих пор в шоке, какие вы... — то есть мы, получается — классные. И как нам с нами легко.

Грас-Кан, Весна 1-го года Этера

Что касается Миши, в смысле, Анн Хари, фальшивого бухгалтера Казимира Танатоса откуда-то из-под Минска (кажется, из Борисова, но точно не помню и даже не представляю, у кого сейчас уточнить, да и какая разница, что было написано в документах на имя Казимира Танатоса, они – наваждение, морок, горячечный сон). Так вот, с ним всё в полном порядке, а телефоны не отвечают, потому что Анн Хари сейчас в Грас-Кане, откуда он родом, и уже вторую декаду, которыми здесь по традиции измеряется время, пьёт вино практически без закуски, заперевшись в старом отцовском доме на окраине города и отключив телефон. С ним такое случается, как говорится, редко, но метко, за всю жизнь (достаточно долгую, ему в позапрошлом году сто лет исполнилось) это всего пятый раз.

На самом деле, Анн Хари терпеть не может быть пьяным, каждый раз, загуляв с друзьями, уже через пару часов объявляет: «Всё, с меня хватит, я протрезвел», – и сразу трезвеет, конечно, на то и сила слова адрэле, было бы странно не справиться с таким пустяком.

Короче, пьяница из Анн Хари, как из козы домосед (это Грас-Канская присказка, здесь козы, миниатюрные, лохматые, резвые, любопытные, с глазами цвета речной воды, живут прямо в городе, вместо уличных котиков, их точно так же все любят, глядят, подкармливают, но в дом жить не тащат, потому что в квартире и даже в саду, лишившись прогулок и впечатлений, козы тоскуют и чахнут, как их ни балуй и чем ни корми).

Анн Хари не нравится, что под влиянием алкоголя ум утрачивает ясность и точность, чувства становятся грубее и проще, а эмоции ярче, острее. Словно сидишь в каком-то чужом дураке, как в тесной нелепой пижаме, – так обычно он сам говорит. И одновременно Анн Хари всю жизнь не давало покоя желание разобраться, кто именно в этой пижаме сидит. Ну понятно, что я, а не кто-нибудь посторонний. По контрасту с пижамой из дурака очень явственно проступает настоящее «я», не подверженное влиянию обстоятельств и настроений, со спокойной заинтересованностью наблюдающее за чередой перемен, совокупность

которых является человеческой жизнью; все сохранившие ясную память о других воплощениях говорят, что за великим порогом, до рождения, после смерти мы – такие, спокойные и неизменные, ничего кроме этого нет. Анн Хари всегда, сколько помнил себя, хотел с этим настоящим собой познакомиться, не дожидаясь смерти. Научиться быть им при жизни, точнее – только им и быть. Поэтому изредка он набирается мужества – звучит смешно, но в его случае это чистая правда – и пьёт вино до полной утраты внутренней связности, предусмотрительно спрятавшись от друзей и знакомых, чтобы никто не отвлек и, тем более, не остановил. Дурацкий метод самопознания, это Анн Хари и сам понимает. Ну так вообще всё на свете дурацкое, – думает он. – Люди, их радости и заботы, идеи и идеалы, иные реальности, нелепые языки, книги, все эти чужие фантазии, из которых, как утверждают учёные, когда-то мы родились, сама наша жизнь, такая прекрасная, но и дурацкая, совершенно невозможная, как же мне повезло, как же круто, что можно быть мной.

Быть дурацким и вести себя по-дурацки ради дурацких целей для Анн Хари, от природы умника и прагматика – форма благодарности бытию. И вот прямо сейчас он лежит на почти прозрачном от ветхости, выцветшем бывшем синем сайдарьяльском ковре и, уставившись в потолок, который спяну кажется зыбким зеркалом, где отразился его вечный безупречный двойник, бормочет, сам толком не зная, к кому обращается: «я люблю тебя, я люблю».

Фано, Ноябрь 2020

– Это называется... – Тим буквально на долю секунды нахмурился, вспоминая не то чтобы редкое, но уже порядком устаревшее выражение. – А! Сообразить на троих!

– По канону это следует делать в подворотне, – заметил Самуил.

– Не будь формалистом, – сказала Надя. – Какие, к лешему, подворотни. Хорошо же сидим.

Сидели и правда неплохо. На веранде под широким навесом, по которому барабанил холодный, настоящий осенний дождь. Он зарядил с утра и стал чем-то вроде сигнала «отбой». Почти все уже к обеду разъехались, вернее, просто пошли домой, чтобы не морочиться с передвижением по сидящей под домашним арестом Европе. Слухи о том, что Ловцы любители приключений, немного преувеличены. То есть они-то конечно любители. Но не всех подряд. Не любых.

– Всё равно у нас не портвейн, – заметил Тим, разливая вино по бокалам. – А сухое вино. Амароне^[9]. По идее, хорошее.

– Правда твоя, – подтвердил Самуил.

– Надеюсь! Я же в винах не разбираюсь. Ни здесь, ни дома. В любой компании просто пью что нальют. Но запомнил из разговоров, что Амароне – это всегда хорошо. И год восемнадцатый. Я от многих здесь слышал, что для вина это был очень удачный год.

– Ай, да неважно, – улыбнулась Надя. – Пришёл не с пустыми руками, уже молодец.

– Мне важно. Я всегда был лучшим на курсе... сам знаю, что это смешно. Но мне, понимаешь, понравилось. До сих пор люблю, когда всё получается идеально. Даже выбрать вино.

– Давай зачётку. Вино отличное, – сказал Самуил, сделав первый глоток. – Сам бы лучше не выбрал. При том что я-то как раз – вполне знаток.

– Ладно, – кивнул Тим. – Поехали дальше. Я эту встречу затеял не только для того, чтобы романтически выпить вина под дождём. У меня

предложение к вам обоим. Наверное, очень странное. Ну так его не обязательно принимать!

– Главное, не предлагай нам устроить оргию, – сказала Надя. – Остальное точно переживём.

– А, нет, так нет, тогда я пошёл, извините, – парировал Тим.

Надя с Самуилом заржали, и он поздравил себя с успехом: всегда считал, что в начале важного разговора, чтобы лучше сложился, надо всех рассмешить.

Дождался, пока они досмеются, залпом выпил вино, всё, что было в бокале – для храбрости – и сказал:

– Вы оба недавно говорили со мной об одном и том же, хотя подошли к вопросу с разных сторон. Ты, – обратился он к Самуилу, – попросил отыскать для тебя в интернете нечто непостижимое и неопределённое, книгу с тайным высоким смыслом, чтобы ты прочитал и ТХ-19 заново полюбил. А ты, – Тим повернулся к Наде, – сказала, тебе не нравится, что Ловцы в последние годы отсюда приносят, хотя формально придраться не к чему. И читатели, вроде, довольны. Продажи не падают, даже понемногу растут. Но тебе всё равно иногда мерещится, что в здешних книгах содержится чуть ли не яд.

Самуил и Надя посмотрели друг на друга – не то чтобы как впервые увиделись, скорее с новым, дополнительным интересом. Так бывает, когда старый приятель, прежде не хватавший звёзд с неба, вдруг приносит в издательство гениальный, никому до него не попавшийся на глаза роман.

– Я и сам часто об этом думаю, – заключил Тим. – Ну, примерно об этом. Куда-то в эту же сторону, скажем так. Я же тоже ищу в здешних книгах некий невыразимый высокий смысл, или то, что мне кажется смыслом. Всегда, со студенческих лет. С переменным успехом. Но всё-таки иногда нахожу, как минимум, его тень. И часто отвергаю формально хорошие книги, которые наши издатели с радостью взяли бы, потому что мне, как и Наде, там мерещится яд. Хотя нет никакого яда, конечно. Только моя иррациональная неприязнь. Что само по себе очень странно! Я всегда был склонен скорее переоценивать, очаровываться чем попало. Откуда она вдруг взялась?

– Вот именно, – подтвердила Надя. – Я пыталась обсудить это с кучей народу, и ты единственный сразу понял, в чём проблема вообще.

– А с Мишей не говорила? – спросил Тим. – Мне кажется, он ещё и получше меня понимает. Но да, в основном выразительно об этом молчит.

– Миша меня отшил, – мрачно сказала Надя. – Ни к селу, ни к городу вспомнил про дурацкое дао, не выраженное словами. Дескать, книжки-то из слов состоят, откуда там высший смысл, никогда его не было. Но я-то помню, что раньше – был!

Самуил, всё это время молчавший, поставил бокал на стол и спросил:

– Ты начал с того, что у тебя к нам странное предложение. В чём оно заключается? Не тяни.

– Штука в том, что у меня тут есть... назовём это «базой». Город, куда я возвращаюсь так часто, что в конце концов купил там квартиру. Зачем мне это, сам толком не знаю. А если и знаю, то не могу объяснить.

– Ну так в твоём положении это нормально, – нетерпеливо кивнул Самуил. – Мало кто обзаводится домом в чужой реальности, потому что нас интересуют магазины, библиотеки, издательства, книжные ярмарки, надо всё время ездить туда-сюда. А ты в основном сидишь на диване и копаешься в интернете, так почему бы, действительно, квартиру в приятном месте не купить.

– Насчёт интернета, – вздохнул Тим. – Я, конечно, с этого начинал. И наверное лучше всех наших в нём разбираюсь, хотя до местных знатоков мне как до Мэй-Арована – босиком по воде. Но если честно, фигня мои достижения. В последние лет десять-пятнадцать в интернете стало слишком много всего. Катастрофический переизбыток информации, плюс реклама, любая поисковая система теперь работает на неё. Гораздо труднее, чем раньше, находить что-то заслуживающее внимания. Мой прежний опыт не то чтобы помогает. Иногда он даже мешает, потому что был накоплен в более благоприятные для поиска времена. Но я везучий. Вы даже не представляете, до какой степени! И дело не в интернете. Не совсем в интернете. Не только в нём!.. Ладно. Я конечно обещал не болтать всем подряд, но, во-первых, мы тогда говорили на местном, и значит, мои слова ни к чему меня не обязывают. А во-вторых, вы не «все подряд», а друзья. И вам наверное

важно... хотя, может быть, и не очень. Но чтобы выяснить, надо сперва рассказать.

На этом месте Тим умолк и задумался. Самуил и Надя переглянулись.

– Мастер драматической паузы, – ехидно сказала Надя. – Попытки к таким применять!

А Самуил потребовал:

– Договаривай. Сказал, что нам может быть важно, так не молчи.

– У меня этический ступор, – вздохнул Тим. – Надо, чтобы вы никому не рассказывали. Но не брать же с вас клятву, как в старинном романе. Это было бы тупо. А с другой стороны, секрет есть секрет.

– А просто попросить в голову не приходило? – фыркнула Надя. – Мы нормальные чуваки.

– Извини, – вздохнул Тим. – Оба меня извините. Я просто, понимаете, до сих пор ещё ни разу не нарушал обещаний. Ни на каких языках. Но ты права, попросить достаточно. Пожалуйста, без крайней необходимости никому не рассказывайте о том, что узнаете от меня...

– Ладно, не будем, – нетерпеливо кивнул Самуил.

А Надя практически заорала:

– Так о чём именно не рассказывать, твою мать?!

– Сейчас. По порядку. Я быстро. Моя квартира находится в Вильнюсе. Вы в этом городе наверное даже не были, ловить там особо нечего...

– Был однажды на книжной ярмарке лет семь или восемь назад, – перебил его Самуил. – Больше не возвращался, потому что в тот раз съездил зря.

– Понимаю. Книжные ярмарки там так себе. И книжные магазины не лучше, разве что один неплохой букинист, да и тот скорее берёт атмосферой... Но речь сейчас не об этом. Важно другое. У меня там отличный сосед по подъезду. Мы с ним дружим. По-настоящему, а не формально; раньше у меня с местными отношения особо не складывались, а с ним как-то сразу – да. Так вот. Несколько лет назад этот сосед привёл меня в бар. Очень крутой. Больше похож на наши бары, чем на здешние. И даже прямо сейчас работает, хотя там всё, как везде, закрыто на карантин. А эти плевать хотели. И никто их не трогает, просто не замечают, как будто там наша защита стоит. Ладно, сами увидите...

– Сами? – хором переспросили Надя и Самуил.

– Если захотите, конечно. Я бы на вашем месте ух как захотел! В этом баре много чего интересного, но самое главное – я там познакомился с подружкой хозяйки. Она собирает коллекцию; не уверен, что это правильно так называть, но неважно, пусть будет коллекция. Книг. То есть, текстов. Потому что большая часть их не издана. Она, как и я, ищет их в интернете, только гораздо успешней. И не для какого-нибудь издательства, а для себя. Просто для удовольствия. Ну или не просто, а сложно. Трудно её понять. Она странная. Очень! По всем меркам – и по местным, и по моим. Но вкусы у нас совпадают. Вернее, не столько вкусы, сколько система ценностей. Ей от книг тоже нужен какой-то невыразимый, но очевидный нам высший смысл. Короче, самыми удачными находками за последние несколько лет я этой странной даме обязан. Она иногда со мной делится. Даёт кое-что из своей коллекции почитать. Ну то есть пока всего четыре раза делилась, но это сильно упростило мне жизнь. Когда знаешь имена нескольких интересных авторов, можно исследовать их окружение, связи, взаимодействия, прочий контекст; короче, такие вещи вам можно не объяснять...

– Можно, – согласился Самуил. – Объяснять надо другое. На кой мы тебе там сдались, если с книжками и так всё в порядке? Странная дама даёт подсказки, ты ищешь, находишь, тащишь домой. Если снова найдёшь что-то путное, сам покажешь, куда ты денешься. Тебе что, в том баре скучно без нас сидеть?

– Да не особенно, – улыбнулся Тим. – Там не соскучишься! Хотя с вами, конечно, будет ещё веселей. Просто если я правильно понял, при всём уважении к собственно книгам, вам обоим нужны не столько они, сколько заключённый в текстах высокий смысл. А в том баре – натурально источник высокого смысла. Много источников! Как в долине ручьёв возле Грэй-Громуллах. И мне кажется, вы оба из этого гораздо больше возьмёте, чем пока способен взять я. Потому что я... ну просто слишком молодой для этой компании. Не только выгляжу, но и чувствую себя так. И вынужденно прикидываюсь восторженным юным придурком, спасительное ампула. С моей детской рожей восторженность – единственный пропуск в компанию взрослых. Но на равных мне с ними всё равно не бывать. А вы оба – совершенно другое

дело. Уж точно не восторженные придурки. У вас на лбу написано, что вы взрослые, умные, опытные, примерно такие же как они.

– Как кто? – спросил Самуил.

А Надя ничего не спросила. По её лицу было видно, что она уже мысленно пакует свой чемодан.

– Как странная дама и все остальные, – объяснил Самуилу Тим. – Я прямо вижу, как вы отлично подружитесь. Такое легко заранее предсказать.

– Ладно, – кивнул Самуил. – Почему бы и не попробовать. В самом худшем случае, снизу доверху перерою этот твой букинистический магазин.

– Им как раз не помешает ревизия, – улыбнулся Тим. – Там адский бардак. Книги на полках не помещаются, пачками на полу лежат. Половина – общеизвестные, по сто раз у нас переизданные, зато остальные – вообще незнакомые, на разных, иногда неожиданных языках. Подшивки японских журналов! Норвежские сказки! Сборник молдавской поэзии «Мэрцишор»! Ужас как интересно в них рыться, хотя в основном бесполезная для нас ерунда. И постоянно появляются новые книги – пачками. Ещё вчера не все полки были заполнены, сегодня книгами завален проход. Как будто книги там самозарождаются. Это бы всё объяснило! В частности, почему там настолько дёшево. И откуда такой абсурдный ассортимент.

– Я вот думаю, как туда добираться, – сказала Надя.

– Обыкновенно, – пожал плечами Самуил. – Вернуться домой и оттуда пройти, куда надо. В нынешних обстоятельствах единственный разумный вариант.

– Разумный, – согласилась Надя. – Но неинтересный, как почти всё разумное. Не факт, что я, оказавшись дома, куда-то ещё захочу. Слушай, Тим, а это вообще далеко? Сколько километров отсюда? Примерно, навскидку?

– Две тысячи с небольшим. Ух, я бы сейчас проехался! Границы конечно закрыты, везде требуют какие-то дурацкие справки, даже на въезде-выезде из большинства городов. Но лично я в Фано не из дома пришёл, а приехал из Вены – просто из любопытства. Получится, или нет? Приятно лишний раз убедиться, что способен в одиночку местным глаза отвести. Если бы я водил машину, было бы совсем

просто. А так пришлось добираться автостопом и электричками. Но вы-то оба вроде бы водите?

– Ну да, – подтвердил Самуил. – А ты с какой стати нет? Проще простого же.

– Да как-то было не надо, – пожал плечами Тим. – Я же сравнительно мало езжу. И в основном поездами, очень я их люблю. Там, где нет поездов, – автобусами. А автостоп какая отличная штука! Каждый раз приключение. Кто меня только не подвозил!

– Ну уж нет, автостопом я не поеду, – твёрдо сказала Надя. – А на машине – пожалуй. Где бы нам быстро её купить?

– Зачем покупать? – ухмыльнулся Самуил. – Угоним. Я в соседнем квартале отличный джип присмотрел. Ходил мимо, думал: какой красавец, даже жалко, что мне не надо. И вдруг оказалось, что надо! Ради такого я на любую глупость готов.

– Угоним? Чужую машину? Серьёзно?

– Ну да. Мне, знаешь, понравилось быть разбойником. Брать без спросу всё, что захочется, хозяйничать в запертых барах, занимать чужие дома.

– Только чур деньги владельцам машины оставим, – строго сказала Надя. – Местным и так непросто живётся, куда ещё дополнительные беды плодить.

– Ладно, оставим. Я – благородный разбойник, – кивнул Самуил.

– Это будет самое крутое путешествие в моей жизни, – мечтательно улыбнулся Тим. – Если бы этой странной тётки со странной коллекцией не было, её бы следовало придумать! Просто чтобы в гости вас заманить.

– Но ты же не?.. – осторожно спросила Надя.

– Я пока не настолько ассимилировался. Не научился придумывать и обманывать. Интересно, а это вообще возможно? В принципе? Для таких как мы?

– Очень сложно, – сказал Самуил. – Способность придумывать то, чего не было, наверняка формируется в раннем возрасте. А мы уже вполне взрослыми учили здешние языки. Как я понимаю, Ловцов именно поэтому не начинают готовить с детства, хотя детей гораздо проще всему научить. Но с такой подготовкой нам дома пришлось бы непросто. Не факт, что вообще смогли бы там жить.

– Когда я учил первый потусторонний язык, это было самое трудное, – вспомнил Тим. – Сам факт, что на этом языке можно говорить о том, чего не было. Выдумывать, врать! Это немножко сводило с ума, но и наполняло восторгом. Такая свобода! Что захочу, то скажу. Я тогда очень хотел соврать. Просто почувствовать, как это. И преподавы говорили, обязательно надо попробовать, это полезно для усвоения языка. Дали нам всем задание: выдумать небылицу и на следующем занятии рассказать. Почти никто из наших не справился. Я на самом деле, тоже почти не справился. Еле заставил себя сказать вслух: «У меня на голове растут рога». Трудно было – не могу описать. Да вы наверное сами знаете. Но у меня сила воли! Поэтому я сказал. И потом у меня началась истерика. В жизни такого не было, надеюсь, больше уже и не будет. Ух как я рыдал! И держался за голову, чтобы рога не выросли, как бы усилием воли им не давал. Они бы, конечно, и без меня не выросли, я же это по-русски сказал.

– А у тебя первый язык был русский? – оживился Самуил.

– Ну да. Из-за Грина, – улыбнулся Тим. – Я его прочитал ещё в школе и пропал, так влюбился. Хотя со славянских начинать не советуют. Они сложные, их лучше потом взять сразу пакетом и не мучиться. Но я упёрся. И, стиснув зубы, зубрил.

– Так я тоже! – подхватил Самуил. – Только из-за Набокова. Потом всё на свете проклял, конечно. Мне предлагали сменить язык, пока не поздно, но я наотрез отказался. Тоже упрямый был.

– Маньяки, – вздохнула Надя. – Лично я была нормальной студенткой. В голове – одни мальчишки с танцульками. Училась кое-как, лишь бы зачёты ставили и поскорей уже выдали разрешение на работу, где будут другие мальчишки с другими танцульками. Из страшных волшебных параллельных миров!

– Да, – согласился с ней Самуил, – в юности ты была скучная. В смысле, недостаточно чокнутая. Но ничего, наверстала потом.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что из великого множества разнообразных профессий, существующих в Сообществе Девяноста Иллюзий, эту получить труднее всего.

Стать Ловцом книг с пожизненной лицензией на работу можно только пройдя полный курс обучения на литературном факультете Гуманитарного Университета Лейна, других вариантов нет. Потому что в силу исторических обстоятельств эта профессия возникла, сформировалась и потом столетиями развивалась именно в Лейне; закономерно, что не где-то, а здесь силами первых выдающихся мастеров-самоучек был создан соответствующий факультет. И программу обучения они составляли с учётом своих же ошибок, набитых шишек и препятствий, встававших на их пути, поминая свихнувшихся, сгинувших без вести и погибших (это сейчас несчастные случаи стали редкостью, а поначалу риск был велик). И по традиции, сложившейся в первые годы существования факультета, все преподаватели, кроме нескольких специально приглашённых уважаемых теоретиков, – опытные Ловцы.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что главная трудность первых лет обучения это новый язык – один из четырёх с лишним тысяч основных языков известных на сегодняшний день цивилизаций, создающих художественную литературу; студент может выбрать любой, а если он окажется слишком трудным для усвоения, выбор разрешается изменить. Но легко никому не бывает, даже если выбранный язык, как, к примеру, хошский, имеет всего две глагольные формы и состоит из полутора тысяч слов. Это же не просто иностранный язык, а язык иного мира, чужой реальности. Язык, позволяющий врать и выдумывать, потому

что его слова не претворяются в дело. Невозможный, немыслимый, сбивающий с толку ум и переворачивающий сознание язык! Для человека, который с раннего детства привык считаться с силой каждого произнесённого слова, это тяжёлое испытание. Нам, способным сказать любую чушь, не поморщившись, степень их потрясения от уроков невозможно вообразить.

Поэтому свой первый иностранный язык будущие Ловцы учат примерно так, как мы сами привыкли, – медленно, постепенно запоминая правила и слова. Так-то все обитатели Сообщества Девяноста Иллюзий в силу своей природы легко поддаются гипнотическому обучению и буквально за пару сеансов могут выучить любой язык, а иногда даже сразу целую группу родственных (на профессиональном сленге Ловцов это называется «взять пакетом»; небрежное упоминание «пакета» в разговоре с коллегами считается вершиной безудержного, но элегантного хвастовства). Однако стремительное изучение всех языков подряд становится возможным только после того, как первый усвоен в достаточной степени. Важны даже не столько лексика и грамматика (любые пробелы потом легко корректируются), сколько способность говорить часами, сохраняя душевное равновесие. Не хохотать, не рыдать, не заикаться, не сжиматься от напряжения, понимать и запоминать информацию, внятно выражать свои мысли. И в идеале хотя бы изредка привирать.

• Что мы знаем о Ловцах книг?

Что никому во всём Сообществе Девяноста Иллюзий до сих пор не удалось создать хотя бы ещё одно аналогичное учебное заведение – слишком больших вложений требует учебный процесс. Проще оказалось расширить литературный факультет Гуманитарного Университета Лейна и принимать туда всех желающих, откуда бы они ни приехали. То есть, конечно, не всех подряд, а только самых сильных адрэле, потенциально способных посещать иные миры. Но уж их-то берут без экзаменов, по результатам короткого собеседования. Первоначальные требования к абитуриентам невысокие: лишь бы грамоту знали и любили читать.

Суровый отбор, о котором с содроганием шепчутся студенты других факультетов, происходит не на вступительных экзаменах, а

уже в процессе учёбы. После первого курса всегда остаётся меньше половины. После второго – в самом лучшем случае, треть. Обычно к дипломной работе приходят шесть-восемь студентов, считается, это хороший итог. Рекорд литературного факультета – восемнадцать дипломников сразу; больше полувека прошло, а тот выпуск помнят и ставят в пример до сих пор.

Отстающих студентов, конечно, не выгоняют взащей, им просто рекомендуют сменить специализацию на более подходящую и переводят на соответствующий факультет. Благо им везде будут рады: сильных адрэле рождается мало, это редкий талант, а востребован всюду, особенно в сфере общественного управления, вот где сила слова буквально ежедневно бывает нужна! Всем известно, что нынешний мэр Лейна адрэле Тадиша Хал, при которой город достиг почти неприличного процветания, в своё время была худшей студенткой на курсе. За целый год так и не сумела составить ни одной осмысленной фразы даже на признанном самым простым для усвоения халлихани – приграничном диалекте повседневного шокотанского языка, на котором пока всего две книги написаны, да и те – просто любительские сборники сказок, сочинённых родителями для детей. Для культуры цивилизации РБ-11, частью которой является страна Шокотан, вообще характерно отношение к художественной литературе как к детскому развлечению, поэтому ловить там пока особо нечего, практического смысла в изучении халлихани нет, его включили в программу исключительно из соображений гуманности, чтобы дать шанс студентам без особых способностей к языкам. Но бедняга Тадиша Хал даже с халлихани не справилась, только и счастья, что вместо того, чтобы падать в обморок в самом начале урока, в последнем семестре стала просто рыдать. Но не собиралась сдаваться и с таким жаром уговаривала преподавателей, что её чуть не оставили для повторного прохождения курса – вопреки элементарному здравому смыслу и рекомендациям врачей. Спас положение тогдашний ректор Гуманитарного Университета, на досуге забавлявшийся модным гаданием на пустых картах гютишат: предсказал горемычной студентке, что на факультете общественной метафизики её ждёт исключительно счастливая, насыщенная интересной работой и удивительными событиями жизнь.

Но справедливости ради, Тадиша Хал – исключение. Не потому, что потом стала мэром, дурное дело нехитрое. А потому, что ни в какую не хотела менять факультет. Обычно неуспевающие студенты сами просят о переводе, осознав, что им не подходит судьба Ловца.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что после первых двух лет учиться становится легче. По крайней мере, почти все дотянувшие до третьего курса обычно остаются уже до конца. Средний срок подготовки Ловца занимает от десяти до двенадцати лет. Последний год, или годы, это уж у кого как получится, – практика, самостоятельная работа в чужих реальностях и с настоящими издательствами, всё как у взрослых, только надо регулярно отчитываться перед специальной комиссией, которая решает, когда твоё временное студенческое разрешение на работу можно будет заменить постоянной лицензией; для издательств это обычно важно, практикантам платят гораздо меньше, чем настоящим Ловцам с лицензией, а то никто не стал бы особо морочиться, чтобы её получить. Деньги сами по себе решающего значения не имеют, в большинстве городов-государств Сообщества Девяноста Иллюзий и без них можно отлично прожить. Но Ловцы книг азартны, это следствие (и требование) профессии. Поэтому любой разобьётся в лепёшку, лишь бы хоть раз заработать больше, чем остальные коллеги. И потом всю жизнь с удовольствием им это припоминать.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что начиная с третьего курса учёба становится такой интересной, что, честное слово, имело смысл убиваться два года над усвоением языка. Она протекает не только в стенах Гуманитарного Университета, но и в разных мирах. Пока далеко не во всех реальностях, куда ходят Ловцы, есть базы для подготовки студентов, организовывать и содержать их сложно, да и требования безопасности мало где получается соблюдать. Но тридцать восемь баз в тридцати восьми разных реальностях – это очень неплохо. Можно обескураживающее разнообразие Вселенной наглядно новичкам показать. И приучить их к постоянным изменениям места и образа жизни. Только немного освоились в НК-4 среди тамошних

легендарных поющих скал – всё, пора возвращаться. Только выдохнули (читай: нажрались на радостях в студенческом баре и всем курсом уснули там на полу) – послезавтра идём в ТХ-19, не забудьте обезболивающие лекарства и тетради с конспектами положить в рюкзаки. Только привыкли к безопасным экскурсиям в сопровождении профессоров – так, сегодня ходим поодиночке, задачи для начала простые: кататься на городском транспорте, не влипать в неприятности; за интересный улов – неделя каникул дома, у вас двенадцать часов на прогулку, время пошло.

На этом этапе обычно никто не бросает учёбу. Чем дальше, тем больше входят во вкус. Даже последний двоечник, измученный нечеловеческим объёмом программного чтения и возненавидевший книги всем сердцем, сразу начинает любить их заново – как повод посетить много интересных, абсурдных, пугающих, восхитительных новых миров.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что учёба, а после работа в иных («потусторонних», как их называют сами Ловцы) мирах формирует у них черты характера, склонности и привычки, которые заметно отличают их от других. То есть, понятно, что все люди разные, тем более в Сообществе Девяноста Иллюзий, где у воспитания нет задачи насильственно сделать каждого похожим на остальных. Но Ловцы везде выглядят, да и ощущают себя чужаками, хотя в чём именно это выражается, вряд ли кто-нибудь объяснит. Другие реальности, где они проводят большую часть жизни, не изменяют их сути, но словно бы накрывают своей тенью, ограждают, как невидимый щит. Закономерно, что и близких друзей, и постоянных любовников Ловцы обычно заводят только среди своих. Не потому что зазнаются и считают себя лучше прочих, просто с другими у них не складывается – не по чьей-то вине, а как бы само собой. Настоящая близость невозможна без разделённого опыта. А опыт Ловца могут разделить только другие Ловцы. Студентов об этом предупреждают заранее, в конце второго года обучения, на лекциях по психологии Перемещений, после которых многие подают прошения о переводе на другой факультет. Для уроженцев Сообщества Девяноста Иллюзий человеческие связи – огромная ценность. Даже представить невыносимо, что между

тобой и всеми остальными однажды вырастет невидимая стена. Но фаталисты говорят себе: будь что будет. А упрямы: это мы ещё поглядим. Оба качества, как легко догадаться, совершенно необходимы в профессии Ловца.

- *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что трое из них вот прямо сейчас, то есть в последний день октября двадцатого года едут по трассе A14, она же Autostrada Adriatica, в автомобиле Jeep Wrangler девяносто девятого года, уже довольно потрёпанном, но внедорожникам это даже идёт. Машина обыкновенная, произведена скорее всего в штате Огайо, как большинство джипов; впрочем, я не знаток. Люди тоже с виду обыкновенные – руки-ноги на месте, сверху у каждого приделана голова, никаких дополнительных крыльев и щупалец, ни рогов, ни хвостов, ни копыт. Однако их не фиксируют камеры, не задерживают турникеты, установленные на платных участках дорог, в упор не видят дорожные полицейские (и пограничники тоже ничего не замечают, когда дело до них дойдёт). На таких условиях одно удовольствие путешествовать даже по миру, который население превратило в тюрьму. Эти трое отлично устроились – ну, Ловцы где угодно отлично устраиваются, на то они и Ловцы.

Лейн, Весна 1-го года Этера

Кано Лой Орни сразу спросил:

– У тебя есть выпить? Надо было купить что-нибудь по дороге, но я не подумал. Прости.

Тэко Машши молча пошёл к буфету, достал оттуда бутылку, чёрную, как квадрат Малевича; собственно, Тэко Машши в жизни этот квадрат не видел, не знает, откуда он взялся и почему считается символом образцово-показательной черноты, но на то и фразеологические обороты, устойчивые словосочетания, контрабандой проникающие в язык, чтобы время от времени говорить или думать абсурдные вещи, у которых, тем не менее, есть простой, всем понятный смысл.

– Бабушкина черешневая наливка, – сказал он. – Пяти... да уже почти шестилетней выдержки. Такая чем дольше стоит, тем лучше становится, но лично мне обычно удаётся выдержать максимум год. А эту бутылку я так удачно припрятал, что напрочь о ней забыл. Недавно нашёл, и с тех пор у меня ещё не было ни единого повода выпить. А теперь появился. Это ты удачно зашёл!

Он нарочно говорил преувеличенно бодро и жизнерадостно, чтобы хоть немного изменить настроение гостя. Ясно же, что Кано Лой Орни пришёл с бедой. Вряд ли дежурный страж Большого Издательского совета станет ломиться к тебе домой в половине первого ночи только затем, чтобы сообщить, до какой степени всё у всех хорошо.

Кот Туча зевнул, потянулся, спрыгнул с кушетки, на которой только что сладко спал, вперевалку подошёл к гостю, дружески боднул его в лодыжку лохматой башкой и утешительно заурчал. Это сразу подействовало: Кано Лой Орни улыбнулся, присел на корточки и погладил кота. Ну Туча есть Туча, само совершенство. Всё-таки я счастливчик, – подумал Тэко Машши, – что Дилани Ана не кому-то, а мне его до возвращения отдала.

Об этом он думал каждый день раз примерно по двести. То есть, всякий раз, когда смотрел на кота.

Пока кот Туча, действительно похожий на тучу – тёмно-серый, толстый, косматый и слегка сияющий изнутри, словно сквозь него пробивается неярко зимнее солнце, – утешает Кано Лой Орни (тройное имя выдаёт принадлежность к старшему поколению, традиция наречения третьим именем вышла из моды лет триста назад), попробую по-быстрому объяснить, что означает «дежурный страж», какого такого «Большого Издательского совета» и почему, если он пришёл среди ночи, сразу понятно, что не просто соскучился, а непременно с бедой.

Ясно уже, наверное, что книжные издательства в Лейне – гораздо более крутые организации, чем у нас. На них не всё, но очень многое держится. От их работы, на минуточку, зависит продолжительность жизни большинства населения всего Сообщества Девяноста Иллюзий. И их сновидения. И, что считается особенно важным, духовное становление – через многократно переживаемый опыт чужой невозможной жизни в придуманных писателями обстоятельствах и мирах.

В Лейне (и в целом в Сообществе Девяноста Иллюзий, культуры тут встречаются разные, но фундамент у них один) быть крутым означает, в первую очередь, делать больше, чем прочие, помогать, кому можешь, и заботиться о других. Это даже не то чтобы требование общества, а просто норма, естественное поведение сильного. Иначе – ну просто не может быть.

Поэтому деятельность книжных издательств не ограничивается переводом, изданием и распространением книг. Немалая часть их доходов идёт на поддержку Гуманитарного Университета, где учатся будущие Ловцы; некоторые сотрудники издательств там постоянно преподают или периодически выступают с лекциями на актуальные профессиональные темы – это самое очевидное, не стоит и говорить. Гораздо интереснее та часть их деятельности, которая не на виду. В частности, работа Большого Издательского совета, куда входят представители всех издательств, плюс самые опытные отставные Ловцы – такие как, к примеру, Кано Лой Орни, который вышел в отставку ещё полвека назад, а перед этим четырежды менял специализацию, в смысле, реальность, где промышлял. Вообще для Ловцов такое поведение не характерно, обычно с годами они всё

больше привязываются к выбранной когда-то реальности и дорожат своей связью с ней, но Кано Лой Орни быстро становится скучно, ему больше нравится начинать с нуля, чем использовать преимущества опыта, иногда бывает и так.

Тут ещё надо добавить, что среди сотрудников книжных издательств Лейна много Ловцов, которые по каким-то причинам решили сменить профессию или, как уже знакомый нам Тэко Машши, четвёртый глава крупнейшего издательского дома СэньДэ, выбрали редкую, непопулярную специализацию; дело даже не в том, что она не приносит дохода, просто в этой области слишком мало работы. При всём желании много не наработаешь, когда интересующая тебя цивилизация пока создала всего шесть, или, ладно, одиннадцать книг. В такой ситуации вполне естественно освоить дополнительную профессию, чтобы заполнить досуг. Таких Ловцов, страстно влюблённых в едва зародившиеся литературные традиции и не желающих им изменять, в издательском мире много, а руководство практически только из них состоит, они костяк и опора любого издательства – энергичные, опытные, жадные до работы и одновременно выключенные из активного процесса охоты Ловцы.

В общем, Большой Издательский совет состоит почти исключительно из Ловцов, отошедших от дел, и просто мастеров Перехода, не специализирующихся на поиске книг. Понятно, что все они – адрэлы великой силы, иначе не смогли бы посещать иные миры.

Большой Издательский совет был создан для решения многих задач, которые даже самым крупным издательствам проще выполнять, объединившись с другими, но прежде всего, чтобы присматривать за своими Ловцами, помогать им в трудные времена и по мере возможности обеспечивать их безопасность в так называемых потусторонних мирах.

На первый взгляд, это проще сказать, чем сделать. Поди уследи за Ловцами, которые, во-первых, не обязаны никому отчитываться, да и не имеют такой возможности, из потусторонней реальности домой по телефону не позвонишь, а во-вторых, их вот прямо сейчас две тысячи восемнадцать активно работающих, плюс четырнадцать практикантов – в двухстах с чем-то там мирах. Невозможно приставить охрану к каждому, даже если бы Ловцы разрешили себя охранять. Но в Большой

Издательский совет входят адрэле, что значительно упрощает задачу. Сила адрэле – в словах.

На практике это выглядит так. Члены Большого Издательского совета дежурят по очереди, группами. Дежурные делят между собой список действующих Ловцов; обычно каждому достаётся не больше пары сотен имён, чтобы нагрузка была посильной и оставляла время на другие дела.

Задача дежурного стража – ежедневно произносить вслух имена из списка, добавляя к каждому: «этот в полном порядке», или «у такой-то всё хорошо». Когда сильный адрэле ежедневно говорит, что с тобой всё в порядке, оно так и будет – вот и разгадка легендарной удачливости Ловцов. Но всё-таки в этом деле не бывает гарантий: благополучие утверждается в текущем моменте, а не навек.

Когда Ловец попадает в беду, дежурный спотыкается на его имени, ощутив сильное внутреннее сопротивление. Теоретически, может сказать «такой-то жив-здоров, ничего плохого с ним не случилось», – но очень не хочет, буквально не поворачивается язык. Каждый знает, что это означает. Когда адрэле не хочется произносить вслух какую-то фразу, значит она – неправда, ложное утверждение. И чем сильнее внутреннее сопротивление, тем вероятней, что у говорящего недостаточно сил, чтобы овеществить эту ложь.

В таких случаях дежурный страж должен не рисковать своей жизнью, пытаясь совершить невозможное, а начинать расследование. Подбирая разные формулировки и исследуя своё внутреннее состояние, опытный адрэле быстро определяет, какого рода несчастье случилось с Ловцом, на чьём имени он запнулся. Ну и дальше по обстоятельствам – звать коллег и отменять беду общим хором (то, что никто не способен сказать в одиночку, часто легко получается вдесятером), или организовывать поиски, или просто оплакать потерю; к счастью, последнее редко случается. Ловцы обычно как-то выкручиваются, на то они и Ловцы.

Тэко Машши сел на пол рядом с Кано Лой Орни и Тучей. Дал другу рюмку, освободившейся рукой погладил кота. Туча заурчал ещё громче, Кано Лой Орни залпом выпил черешневую наливку. Выдохнул:

– Ай, хороша!

– Да, отличная, – согласился с ним Тэко Машши.

Что случилось, конечно, не спрашивал. Сам скажет, как только сможет. Надо ждать.

– Давай повторим, – попросил Кано Лой Орни, отдавая пустую рюмку.

Повторили; рюмки на самом деле маленькие, не о чем говорить. Но в сочетании с целительным воздействием Тучи Кано Лой Орни хватило, чтобы прийти в себя. Расслабился, уселся на полу поудобней, выдохнул и сказал с заметным усилием:

– Там Кин.

– Он в Шигестори?

– Ну да. Ушёл туда неделю назад. Ты вот что, – попросил Кано Лой Орни. – Позвони нашим. Надо собрать человек двадцать хотя бы. Лучше больше. Мне пока трудно объяснять, что случилось. Даже его имя, сам видишь, едва произнёс. Ты знаешь, кому в такое время можно звонить?

– Да много кому, – пожал плечами Тэко Машши. – На самом деле, не так уж поздно. Раньше двух мало кто спать ложится. Ладно, соображу.

Встал, пошёл в кабинет, где стоит телефон, пошатываясь и хватаясь за мебель – не от наливки, сколько там той наливки, а от внутреннего напряжения. Потому что сразу попробовал – не мог не попробовать – и понял, что вряд ли сможет заставить себя произнести вслух простую фразу: «Там Кин жив». Такое с ним до сих пор только однажды было, Тэко Машши ещё достаточно молодой; но лучше бы вовсе не было. Вполне нормальная рабочая ситуация, когда язык не поворачивается сказать «в порядке», но запросто получается: «он живой». Обычно о ком угодно легко говорить «живой», потому что Ловцы везучие, да и жизнь у них на самом деле вовсе не такая опасная, как воображает романтическая молодёжь. Но правда именно в Шигестори действительно довольно опасно. Цивилизация ТХ-04, даже хуже, чем ТХ-19, там уже много столетий тянется с редкими временными перемириями охватившая все государства и континенты война. А книжки отличные, одна интересней другой. Похоже, уровень развития литературы коррелирует с невыносимостью бытия, – думал Тэко Машши, набирая первый номер из списка тех членов Большого Издательского совета, которых имеет смысл сейчас дёргать, самых

сильных адрэле, потому что – чёрт знает, а вдруг всё получится, если нас соберётся человек тридцать-сорок? Или даже полсотни? Сам такому не был свидетелем, но профессор Уташа Шин Ата рассказывал, что хор адрэле отменял смерть как минимум трижды за всю историю существования книгоиздания и Ловцов.

Звонил по списку, всем говорил примерно одно и то же: «Там Кин. Приходи, я дома. Выпивку, если есть, прихвати».

Когда закончил обзвон, в гостиной рядом с Кано Лой Орни сидела Ир Тали, которую он набрал второй, или третьей; неважно, факт, что уже прибежала, благо совсем рядом живёт. Они, обнявшись, вместе гладили Тучу и улыбались коту и друг другу, но глядя на них, Тэко Машши вдруг с леденящей ясностью понял: ничего у нас не получится. Всё.

Ничего не сказал, конечно. Кто же такое вслух говорит. Только подумал: ладно. Это мы посмотрим ещё.

Всё правильно он почувствовал. Собрались, посмотрели друг на друга, обнялись, поплакали – некоторые, не все. Это самое трудное в жизни адрэле – приходить к пределу своих возможностей, чувствовать, что не справишься, и отступать. Чем ты сильнее, тем труднее сдаваться. Но иногда приходится – каждому. Нет на свете такого адрэле, который ни разу не отступал.

Тэко Машши всегда немного завидовал тем, кто умеет плакать от горя. Но и рад был за них, конечно. Тем кто плачет, сразу становится легче. Жаль, что это могут не все.

Наконец Ла Тирали Ана, старшая из присутствующих, сказала:

– Наш Там Кин хорошо сгорел. Я очень его люблю, буду рада, если он снова захочет рядом с нами родиться. Но это уже ему самому решать.

Лейн, Весна 1-го года Этера

Не стал ей звонить, даже чтобы договориться о встрече. Не хотел говорить о смерти Там Кина по телефону. Ему казалось неправильным сообщать дурные вести на расстоянии, когда не можешь ни посмотреть в глаза, ни обнять.

Поэтому позвонил только в порт, узнать, в какую смену СаТаМи сегодня работает; оказалось, вообще ни в какую, отпуск со вчерашнего дня взяла. Проверил – может она уехала? – обычным способом, просто об этом подумал. Сперва: «СаТаМи куда-то уехала», – говорить это вслух ему не хотелось, зато фраза: «Она сейчас в Лейне», – была готова сама слететь с языка.

Ладно, значит есть шанс с утра застать её дома. Пошёл наудачу ближе к полудню, знал, что СаТаМи любит вставать и завтракать поздно, когда ей не надо спешить по делам.

Сарелика Та Митори, которую Тэко Машши до сих пор мысленно называет «СаТаМи», потому что давно, ещё когда он учился, у них был роман, недолгий, но очень счастливый, расстались друзьями; на самом деле это сейчас неважно, а если и важно, то только в том смысле, что они не чужие люди, поэтому Тэко Машши не стал посылать к ней с дурными вестями официальных представителей Большого Издательского совета, а пошёл сам – в общем, она была дома. Сидела на крытой веранде в специальном весеннем халате, переливающимся на солнце сине-зелёно-лиловым, как крылья жука, и кофе пила.

(Предвосхищая вопросы – нет, это не глупый ляп автора, который поленился придумывать экзотические напитки для вымышленных миров, в Сообществе Девяноста Иллюзий есть кофе, точно такой, как у нас. Причём даже не потому, что его туда притащили из ТХ-19 мастера Перехода, великие любители потусторонних кулинарных чудес, всё ещё интересней: некоторые иллюзии когда-то были придуманы/снились, мерещились/ сразу с кофе, чаем, вином и другими напитками, которые каждый конкретный мечтатель у себя дома с удовольствием пил. А когда иллюзии окончательно овеществились, объединившись в

один общий мир, который возник во все стороны сразу, то есть, не только в настоящем моменте и с условно понятными перспективами ближайшего будущего, но и с богатым историческим прошлым, словно всегда так и был, соседи стали ездить друг к другу в гости, пробовать разные незнакомые штуки и перенимать, что понравилось. Кофе и грайти – это напиток из Ар-Йетомайри, ярко-синего цвета, по вкусу похож на наш чай с лимоном, только он без лимона и даже близко не чай – в итоге оказались самыми популярными из безалкогольных горячих напитков, их теперь готовят и пьют везде.)

Увидев гостя, Сарелика Та Митори приветственно взмахнула рукой:

– Давай, заходи, налью тебе кофе. – И пока Тэко Машши шёл через сад, добавила: – Я знаю. Но всё равно спасибо, что сам пришёл мне сказать.

– Ты знаешь, – растерянно повторил Тэко Машши. – Ну да.

Он не стал спрашивать: «откуда?», «но как?» Потому что и так понятно. Оттуда же, откуда узнают дежурные стражи. Таких сильных адрэле, как Сарелика Та Митори, ещё поискать.

Ей, по слухам, лет девятьсот, а может и больше. Ровесников уже не осталось, а сама Сарелика Та Митори не говорит, только неопределённо пожимает плечами с видом «да кому интересно всякую ерунду считать». Многие сотни лет она каждый день перед сном говорила вслух: «Завтра я проснусь очень юной», – и просыпалась, потому что её силы хватало продлить юность ещё на день, проводила время в веселье и удовольствиях, как глупым молодым девчонкам положено, такой период в жизни бывает почти у всех. Но у них он обычно довольно быстро проходит, а Сарелика Та Митори растянула свою безрассудную юность на многие сотни лет. Однако примерно лет сорок назад она вдруг объявила бесчисленным друзьям и любовникам, что теперь всё будет иначе, ей надоела беспечная жизнь. И действительно выучилась на инженера-механика, получила диплом с отличием, стала работать в порту. Начальник порта назначил её своим заместителем по ремонтным работам, и это он ловко устроил. Сарелика Та Митори суесться не любит, ей нравится просыпаться за час до полудня, завтракать на веранде в своём саду, неторопливо идти на работу, пить кофе с начальством, обсуждать с коллегами новые

книги, сидя в шезлонге на пирсе, разглядывать корабли, поэтому с момента её назначения на должность заместителя по ремонтным работам в порту никаких ремонтных работ не проводится: там просто больше не ломается ничего.

А лет двадцать назад у неё случился роман с Там Кином и неожиданно для обоих не закончился через неделю, а превратился в счастливую общую жизнь. Странная получилась пара и очень красивая, как будто из потусторонней книжки списана, приятно смотреть – вечно юная легкомысленная красотка и суровый Ловец, помешанный на Шигестори, цивилизации ТХ-04, где все воюют со всеми, их там с детства учат убивать и быть готовыми умереть. То ли поэтому, то ли всё-таки вопреки (мнения литературоведов в этом вопросе расходятся) книги в Шигестори отличные, особенно авторов, которым удалось каким-то чудом дожить до зрелости, набраться опыта и отточить мастерство; ну, неважно. Факт, что Там Кин был натурально помешан на ТХ-04 и проводил там почти всё время, в Лейне только книги сдавал в издательства, да с друзьями кутил, пока не встретил Сарелику Та Митори. Ради неё он был готов сменить направление, или даже совсем уйти из профессии, но предсказуемо затосковал. СаТаМи сама ему сказала, чтобы не маялся дурью, хочется – значит надо. Только попросила надолго не пропадать. С тех пор Там Кин стал ходить в Шигестори сравнительно редко, раз пять-шесть в год, на пару недель, иногда на месяц – ну, как пойдёт. И всегда возвращался с новыми книгами, целым и невредимым – до сих пор.

И ведь даже сейчас не скажешь: «Лучше бы он сидел дома», – думал Тэко Машши, пока Сарелика Та Митори наливала ему кофе в прозрачную чашку, медленно, тонкой струйкой, чтобы напиток успел впитать в себя аромат цветущего сада и моря, всей этой сладкой неторопливой долгой весны. – Потому что не лучше. Для него это была бы имитация жизни. Возможно, очень приятная имитация. А всё равно не настоящая жизнь.

– Я его так любила, – вдруг сказала СаТаМи, – что иногда мне даже хотелось, чтобы он каких-нибудь бед натворил. Не потому что мне нравятся неприятности, а чтобы его простить. Это примерно как кричать от восторга, чтобы растратить его избыток, – простить ужасный поступок, чтобы израсходовать на прощение невыносимый

избыток любви. Но так мы не договаривались! Смерть – это всё-таки чересчур. Мог бы просто тайком распродать нашу библиотеку, или сожрать всё моё печенье, не оставив мне на утро ни одного.

Тэко Машши молчал – что тут скажешь? «Я тебя понимаю»? Так это Сарелика Та Митори знает сама, а то бы сейчас молчала. С тем, кто не понимает, о важном не говорят.

Она неожиданно улыбнулась, весело, как в старые времена, словно никакой беды не случилось, Там Кин – ну, максимум, спьяну подрался и, скажем, руку сломал, теперь в больнице, но завтра уже вернётся, нормально всё будет, не представляешь, с каким удовольствием я устрою ему скандал.

– На самом деле, это очень смешная история.

– Что?! – Тэко Машши был уверен, что ослышался.

– Смешная, – повторила она. – При том что, конечно, ужасная. Зато удивительная! Хотя подобные вещи уже случались. Но не с моими знакомыми. И вроде бы только в старые времена.

Какие «подобные вещи»? – думал, слушая её Тэко Машши. – Смерть Ловца в потусторонней реальности? Да, такое, к счастью, случается очень редко. Но ничего удивительного и, тем более, смешного в этом нет. Или она специально так говорит, чтобы развеселиться? И у неё получается? А может она от горя сошла с ума? Я слышал, такое бывает, сумасшедшие начинают говорить что попало, не думая, как на лживых языках в потусторонних мирах... Или не слышал, а только в книгах читал? Ладно, а мне-то что делать? Интересно, я смогу её вылечить? А кстати, похоже, что да.

Он сказал вслух, не испытывая ни малейшего внутреннего сопротивления:

– С тобой всё в порядке. Ты не сошла с ума.

СаТаМи рассмеялась:

– Да конечно я в полном порядке! И с ума не сошла. Но всё равно спасибо за попытку спасти меня от безумия, ты настоящий друг. Ладно, не буду тебя морочить. Всё равно ты скоро узнал бы. Такое не скроешь.

– Чего не скроешь? – Тэко Машши совсем растерялся.

– Идём, покажу.

Взяла Тэко Машши за руку, как маленького, и повела в дом. Он окончательно перестал понимать, что происходит, зато наконец-то

почувствовал: это непонятное – очень хорошее. С Сареликой Та Митори случилось нечто настолько хорошее, что оказалось гораздо сильнее её горя от смерти Там Кина. И даже самой его смерти сильнее.

СаТаМи привела его в спальню; Тэко Машши сначала не понял, зачем. Но потом увидел, что в кровати среди одеял и подушек лежит ребёнок. Очень маленький, явно только что проявившийся человек.

– Девчонка, – сказала Сарелика Та Митори. – Он всегда хотел дочку. Но у нас ничего не вышло, я не особо хотела детей. Теоретически, я не против. Тем более, Там Кин был бы счастлив. Но как подумаешь, сколько это возни, и всё, желание пропадает. Там Кин не сердился, понимал, что нельзя силой заставить себя захотеть. Но он очень надеялся, что однажды я всё-таки захочу. Ну, не знаю. Может и захотела бы. Но теперь-то у меня выбора нет!

Она рассмеялась, уткнувшись носом в плечо Тэко Машши. И почти сразу заплакала. Сказала сквозь слёзы:

– Этот засранец сумел настоять на своём. Сам родился нашей с ним дочкой! И подсунил девчонку мне! Ты представляешь, как он это устроил? Я – нет. С другой стороны, я про смерть вообще ничего не знаю. Я ещё в детстве решила жить долго-долго, потому что не хочу ничего знать про смерть. Я даже книжки бросала на середине, если там хоть кто-нибудь умирал. А оказалось, после смерти можно совершать удивительные чудеса! Или это только у Там Кина моего получилось? Он гений, чего уж. Я таких на своём веку не встречала, хотя, сам знаешь, долго жила. Заранее могу спорить, он будет самой лучшей девчонкой на свете. И мне придётся её больше жизни любить.

– Ты серьёзно? – наконец спросил Тэко Машши, сам не зная, зачем. «Ты серьёзно?» – вопрос из книжек. А мы не в книжке, мы – настоящие. Если она говорит, значит так и есть.

– Он мне приснился вчера под утро, – сказала СаТаМи. – Как я понимаю, он тогда и погиб. Извинился, что сдуру попал в перестрелку. А потом извинился ещё раз. За то, что намерен здорово усложнить мне жизнь. И назвал своё имя. Он в Шигестори был генерал Бла Саваши. Сказал, имя – это просто на память, как сувенир. Я так плакала, что проснулась. И наяву тоже плакала. Впервые в жизни за девятьсот с

чем-то лет. А потом увидела эту девчонку. И сразу поняла, за что Там Кин извинялся. И что я его, негодяя, всё равно люблю.

– Невероятно, – вздохнул Тэко Машши.

– Да, – согласилась Сарелика Та Митори. – Чудо как есть. Но ещё большее чудо, что с этой девчонкой оказалось можно договориться. С младенцем! С ней так же легко, как всегда было с ним. Я ей сразу сказала: «Дорогой генерал Бла Саваши, на всякий случай напоминаю, что главное правило этого дома – не будить меня по утрам. За это я буду брать тебя с собой на работу, на вечеринки и в путешествия. И книжки тебе вслух читать». И что ты думаешь? Полночи ей новый роман Хады Лоши читала, «Весёлое море, весёлый мертвец», тот самый, который Там Кин принёс в конце осени, и Гая Эника перевела. Ты бы видел, как эта красотка внимательно слушала! А как противно она орала в неудачно переведённых местах! И с утра меня не разбудила. И видишь, даже кофе спокойно попить дала. И до сих пор сладко дрыхнет. Ну слушай, с таким младенцем вполне можно жить! Я пока взяла отпуск, чтобы привыкнуть к этому новому обстоятельству. А потом будем вместе ходить на работу, куда деваться, я обещала моему генералу показывать ей корабли. Короче, друг мой, это такое счастье. Такое горе. Там Кина со мной больше нет, он есть. Всё вместе, всё сразу. Так больно, так смешно, так красиво. Так хорошо.

– Ну, вы с Там Кином всегда были странные, – улыбнулся ей Тэко Машши. – Я даже, знаешь, не очень-то удивлён! – И, помолчав, добавил, вкладывая всего себя в каждое слово: – У тебя и этой малышки будет очень хорошая жизнь.

Был готов, как минимум, хлопнуться в обморок, а то и в больницу до самого лета с полным истощением загреметь. Всё равно оно того стоит, этим девчонкам, древней и новорожденной, поддержка словом адрэле точно не повредит. Но сил у него вообще не убавилось, даже в глазах не потемнело ни на миг. Похоже, вместо магии получилась обычная констатация факта. Судьба, молодец такая, сама, без посторонней помощи и подсказок любит их.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что вряд ли правильно их называть словом «люди». С виду – люди, но внешность обманчива. Они вообще не такие, как мы. (При этом сами уроженцы Сообщества Девяноста Иллюзий называют себя «людьми» и не парятся. Им всё равно, насколько они соответствуют чьим-то там представлениям о том, что такое собственно «человек».)

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что антропоморфность – их и обитателей двух с лишним сотен других миров, откуда Ловцы носят книги, – вовсе не означает, будто человек – единственная возможная форма разумной жизни. На самом деле, похожих на нас очень мало, по меркам Вселенной – всего ничего. Не самый популярный вариант упаковки для бессмертных сознаний. Но по-своему интересный и наверняка имеет какие-то, пусть неочевидные со стороны преимущества, – так звёзды, планеты, стихийные духи, ветры, тени, костры, океаны, тучи, деревья, туманы, жуки, ангелы, космические течения, осьминоги, вулканы, метеориты и все остальные при случае вежливо говорят.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что они получились с виду похожими на людей, поскольку их удивительные города и лежащие между ними пространства родились когда-то именно из человеческих грёз. Все, мечтая об удивительных волшебных мирах, чаще представляют их гипотетических обитателей себе подобными, или хотя бы очень похожими, чем чёрт знает кем. (Так, достоверно известно, что гигантские камни мира Гегувы, крайне недовольные своей неподвижностью, миллионы лет романтично мечтали о чудесных полётах, сочиняли о них поэмы,

записывали их трещинами на своих огромных телах, и эти поэмы, в конце концов, стали причиной рождения Геввы – невообразимого пространства в никому не доступной области космоса, идеально подходящего для жизни и приятного взаимодействия пребывающих в вечном счастливом полёте камней.)

Мир, не приспособленный для привычного бытия и заселённый чем-то непостижимым, – это для нормального человека скорее кошмар, чем мечта. Но из девяноста иллюзий, входящих в Сообщество, ни одна даже близко на кошмар не похожа. Это, кстати, не просто удачное стечение обстоятельств, а закономерность: живое создаётся только любовью, страх легко разрушает, но не способен породить настоящую жизнь.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что будучи частью реальности, которая состоит из овеществившихся грёз, сновидений и вымыслов, на манер покрывала, сшитого из цветных лоскутов, эти люди отягощены достоверностью ровно настолько, насколько необходимо, чтобы обнять друг друга, посадить дерево, построить корабль, или выпить вина. Им даже больно почти никогда не бывает – я имею в виду, физически, душа-то, зараза такая, в любых обстоятельствах найдёт повод погоревать. Впрочем, нам их душевные муки показались бы просто недостаточно приподнятым настроением. А им, даже самым стойким, наши шкуры лучшие вовсе не примерять; впрочем, они и не смогут, сколько бы книжек о наших бедах ни прочитали и как бы близко к сердцу ни приняли. Примерно как цветок при всём желании не сумеет вообразить себя ржавой пилой.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что они рождаются не из тела матери в муках, как мы тут привыкли, а появляются, как говорится, «из ниоткуда» рядом с одним, или парой родителей, или в дружной, из нескольких поколений состоящей семье. И не внезапно, сюрпризом, а только когда становятся очень нужны. Пока не хочешь ребёнка, его у тебя и не будет. А если захочешь, он непременно появится, не обязательно сразу (скорость зависит не только от силы желания, но и от ряда других обстоятельств) – вне зависимости от того, были у тебя в это время

любовные связи, или нет. Правда, по статистике, у влюблённых и членов больших семей дети появляются чаще, чем у одиночек, но это как раз объяснимо: вместе проще сильно хотеть.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что их смерть похожа на обычную человеческую даже меньше, чем их рождение (хотя казалось бы, ну куда ещё меньше, куда?) Умирая (где угодно, при любых обстоятельствах), уроженец Сообщества Девяноста Иллюзий вспыхивает – не мучительным, сладким – пламенем и мгновенно сгорает дотла. В результате горения тело становится топливом для сознания, которое натурально ракетой устремляется в недоступные нам области, предположим, что неизъяснимого рая, понятия не имею, каким ещё словом это можно назвать; в общем, смерть в Сообществе Девяноста Иллюзий проблема скорее для тех, кто остался, никто не любит близких терять. Впрочем, сами покойники тоже испытывают любовь и привязанность к тем, кто остался, к образу жизни и своим городам, поэтому некоторые возвращаются. В смысле, забив на неизъяснимые райские области, снова и снова рождаются там. Хотя чем само Сообщество Девяноста Иллюзий не райская область. Умеренно изъяснимая, скажем так.

Поэтому жители Сообщества Девяноста Иллюзий совсем не боятся смерти. Но любят жизнь и ни в каких обстоятельствах не спешат умирать.

- *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?*

Что примерно на этом месте любому нормальному человеку должно стать завидно. Ууу, какие же гады! Ловко устроились! Блаженствуют, пока мы тут маемся. Так нечестно! Одним всё, а другим ничего!

Так мы не нарочно, – могли бы они ответить. – Вы первыми начали! Сидели, мечтали о невозможном, сочиняли фантастические истории, видели сны, рисовали города и дороги, плакали о несбывшемся, грезили наяву, приносили радости жизни в жертву чудесным видениям, сходили с ума, умирая, видели в ослепительном ярком свете свой придуманный рай. И в конце концов получилось, что

получилось: вы нас создали, не ведая, что творите. Может и хорошо, что не ведая, сердце мудрее ума.

Это правда. Люди даже представить не могут, какую огромную силу имеют некоторые мечты. Правда мечтатели, при всём уважении, не всемогущие боги, никто не способен в одиночку создать целый обитаемый мир. Грубо говоря, оно так примерно работает: однажды чья-то мечта сокрушительной силы обретает подобие призрачной формы, проникает в чужие мысли и сны; несколько пылких сновидцев влюбляются в свои грёзы, кто-то пересказывает их друзьям, кто-то пишет стихи, кто-то рисует пейзажи и карты неведомых стран, а кто-то теряет рассудок от невозможности там оказаться и вопит, грозя кулаками небу, не изречённые до него имена: «Дабулти Гори! Лейн! Сомбайя! Грас-Кан!»

Постепенно, видение за видением, шаг за шагом, слово за словом (крик за криком), смерть за смертью, слеза за слезой – всё громче звучит общий хор одержимых мечтателей, живших (и прямо сейчас живущих), часто – в разных мирах. Постепенно сплетается ткань реальности, ещё три легенды, шесть песен, три сотни картин, четыре романа, десяток безумцев, прыгнувших в пропасть за миражом; короче, иногда в результате общих усилий иллюзии овеществляются. Очень немногие. Это как из сотен тысяч семян, упавших на землю, вырастает всего одно взрослое дерево, а остальные не выживают. Примерно такой же процесс.

• Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?

Они рождены человеческой волей, нашим стремлением к невозможному, радостью от мимолётного соприкосновения с ним, нашим отчаянием (в первую очередь – им). Из этого логически следует, что они как бы внуки непостижимым силам, создавшим живое – ну, предположим, «богам». А внуков балуют, это многое объясняет (я, похоже, не очень-то и шучу).

Алай, Улимхайя, Четвёртый круг года Дэль-а-на-йат

Тэко Машши (здесь и сейчас он – кур Дэхо, где «кур» – просто вежливое обращение ко всем подряд, кроме величайших мыслителей и близких друзей) сидит в айрабанной «Территория Лайко», это примерно как чайная, только вместо чая здесь пьют айрабан, самый популярный напиток на Большом континенте Авэла и Вечернем архипелаге Элани; короче, везде, где растёт необходимая для его приготовления сладкая айра-трава, которую надо заваривать свежей, сушёная айра – полная ерунда. Он в вязаных полосатых штанах и расшитом цветами и звёздами тулупе на голое тело, здесь все примерно так одеваются, только юные модники в надежде (напрасной) фраппировать старших иногда надевают под тулупы и шубы тонкие до прозрачности свитера.

Тэко Машши (кур Дэхо) протягивает пустую чашку хозяину (или хозяйке, они не настолько близко знакомы, чтобы такие подробности знать, а на глаз не отличишь, хоть убейся, и не потому что ты невежественный пришелец, местные тоже не отличат, это одна из множества пленивших когда-то юного Тэко Машши особенностей цивилизации РЬ-14, Хойна: здешние жители могут быть двух мужских и одного женского пола, но на внешности это никак не сказывается, то есть, борода может расти у любого, а может и не расти, это вопрос наследственности, как и телосложение, рост, тембр голоса, наличие рудиментарных крыльев, количество пальцев и глаз, оттенок кожи, и какие там ещё бывают половые различия в разных мирах; короче, когда старый друг, которого знаешь с детства, впервые перед тобой разделенся, может выйти сюрприз).

Вот и Лайко, хозяин лучшей айрабанной в бескрайних степях Улимхайя, вечно слегка небритый, невысокий, крепкий и мускулистый, коротко стриженный, тёмный от солнца, как шоколад, вполне может оказаться не хозяином, а хозяйкой; впрочем, кур Дэхо ни при каких обстоятельствах не светит это узнать, при клиентах не раздеваются, даже при таких давних, что могут считаться друзьями. В больших городах (поселениях, где тысяч десять-пятнадцать жителей),

говорят, чего только не бывает, но в сельской местности строгие нравы: друзья отдельно, клиенты отдельно, нечего разводить бардак.

Тэко Машши (кур Дэхо) любопытно конечно, хозяин Лайко, или хозяйка, но по большому счёту плевать. Главное, что айрабан у Лайко божественный, вот реально, не пил ничего подобного ни дома, ни в других потусторонних мирах. И такая умиротворяющая атмосфера, что век бы сидел, не вставая, и спал бы здесь же; ну, это кстати вполне нормально, некоторые усталые путники в айрабанных действительно спят. И разговоры, которые в «Территории» иногда происходят; культура цивилизации Хойна ещё и тем интересна, что самые выдающиеся интеллектуалы здесь пастухи, особенно в Улимхайских степях, реально бескрайних, протяжённостью в треть континента Авэла, который здесь называют Большим, потому что он правда очень большой. Ну, это логично: согласно эпосу кубарачей, который здесь – фундаментальный, культуруобразующий миф, изначально пастухами были духи, создавшие мир. А нынешние пастухи как бы получили в наследство от своих предшественников священное право (оно же обязанность) заботиться о созданном ими мире, любоваться его красотой и складно о нём говорить. С этой задачей пастухи отлично справляются, судя по тому, что пейзажи на всех континентах красивы, климат мягок, жизнь безмятежна, а глава крупнейшего издательства Лейна, уж точно не обделённый ни блестящими собеседниками, ни трудами философов, ни шедеврами художественной литературы разных миров, при всякой возможности приходит сюда послушать их разговоры. Ну и айрабану попить.

Лайко (хозяин, хозяйка своей «Территории») забирает у кур Дэхо пустую чашку, спрашивает:

– Ещё налить?

Кур Дэхо смеётся:

– А как же! Ты не первый год меня знаешь, не в моих обычаях сразу после второй уходить.

«Интересно, кур Дэхо гость, или гостья? – привычно думает Лайко, наливая в чашку горячий, душистый, сладкий, чуть горьковатый, как степная трава, айрабан. – Скорее всего, девчонка! Заразительно, звонко смеётся. И всюду ходит одна. И вроде тихоня, но

при этом сидит с таким видом, будто степь аж до самого горизонта – её собственность, унаследованная от предков земля».

– Завтра придёшь? – спрашивает Лайко, передавая чашку с таким небрежным поклоном, какой обычно отвечают только друзьям.

– Не знаю пока, – отвечает кур Дэхо (Тэко Машши, Ловец из Лейна, четвёртый глава издательского дома СэньДэ).

Будь его воля, он бы не просто пришёл сюда завтра, а остался бы ночевать. Сейчас самое начало четвёртого круга, то есть лунного цикла, значит ночь будет очень темна – изумрудное небо, далёкие серебристые звёзды, такая же серебристая степная трава, которая в зеленоватом сумраке ночи кажется пенным морем, и так тепло, что можно до утра просидеть без огня. Но дома кот Туча, нечестно его покидать надолго, взялся присматривать, так сиди и смотри! И завтра в полдень совещание в отделе межконтинентальных продаж. Ладно, кот это очень важно. И читатели из Алали и Шри – тоже важно. Ради такого дела можно побегать туда-сюда.

– Завтра мана Аштот приедет, у меня будет жить, – шёпотом, чтобы обозначить высокую степень важности новости, а не потому что это на самом деле секрет, говорит ему Лайко. И добавляет почти беззвучно: – Мана Аштот слышит рассказы духов о прошлом и будущем мира, иногда их записывает. И возможно захочет завтра вечером кое-что нам здесь прочитать.

Ну ничего себе новость! Мана Аштот, о котором (которой) Тэко Машши (кур Дэхо) так много от Лайко слышал. Слово «мана» в старину означало просто «пастух», а теперь стало чем-то вроде почётного титула, так здесь называют тех, кого считают друзьями духов, настолько близкими, что духи с ними чуть ли не каждый день говорят. Мана, к сожалению, эти разговоры почти никогда не записывают, только изредка пересказывают родичам и друзьям. Но мана Аштот не ленится всё записывать, это всем известно в Улимхайских степях. И вот она (он) приедет. Свои записи будет читать! Такое хорошо, если раз в сто кругов случается (лунных месяцев, а не лет, но всё равно это выражение означает «так редко, что считай почти никогда»).

– Вот спасибо! – кур Дэхо (Тэко Машши) от восторга прижимает ладони к щекам, как обычно делает дома. Не сдержался! Здесь так не

принято. Но ладно, Лайко не привыкать.

«А может быть и мальчишка, – привычно думает Лайко; разницы нет, просто Лайко любит гадать. – Вон какой эксцентричный, за лицо руками хватается. Совсем ещё молодой. Но кем бы ни был, а слушать умеет. Мудрость духов для него – драгоценность, как для опытных пастухов. Пусть приходит, мана Аштот таких любит. И я тоже таких люблю».

– Я приду завтра вечером, – говорит Тэко Машши, то есть, кур Дэхо, он пока что не дома, надо правильным именем его называть. – Прими мою благодарность за приглашение. Пусть она согревает тебя многие сотни кругов.

Он держит руки напротив сердца, правую ближе к груди, ладонью к себе, а левую – чуть подальше, ладонью наружу. Здесь так делают, чтобы, сохраняя внешнюю сдержанность, показать собеседнику, что больше всего на свете хочешь его обнять.

– Приходи, – улыбается Лайко, тронутый этим жестом. – Я тебя буду ждать.

Потом, уже дома, с котом на коленях, чашкой кофе, рюмкой бирюзовой настойки, чтобы успокоиться и поспать, Тэко Машши думает: «Завтра. Завтра! Я услышу рассказы духов. И может быть – я же так очаровательно слушаю, это все говорят! – мне удастся выпросить их у автора. Ненадолго, просто взять в руки, чтобы благоговейно перелистать. Старым пастухам такое отношение к их записям нравится. И если мне удастся снять копию... Почему, собственно, „если“? Чего это я».

– Завтра я сделаю копию записей мана Аштота, – говорит вслух Тэко Машши, от избытка чувств слишком крепко обнимая кота. Туча недовольно бурчит, Тэко Машши смеётся и повторяет: – Всё получится! Всё у меня получится! Ай да я!

Это ружьё никогда не выстрелит, в смысле, этот фрагмент не нужен нам для сюжета, по ходу дела не выяснится, что в айрабанной «Территория Лайко» сейчас решаются наши дела, или, чем чёрт не шутит, например, на страницах рукописи мана Аштота хитроумным образом зашифрованы какие-то тайны, которые потом пригодятся нам. Нет! Ничего подобного. Просто адрэле Тэко Машши хочет,

чтобы мы узнали, как он бывает счастлив в Улимхайских степях, и поняли, почему он когда-то, будучи молодым дураком, которому прочили блестящую карьеру Ловца, наплевал на свои же амбициозные планы и выбрал эту экзотическую специализацию, совершенно бесперспективную с точки зрения книжного бизнеса, но кто не слушает сердце, тот потеряет всё.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Труп – на самом деле он Отто с красивой короткой фамилией Штрих, но пусть будет Труп, Кадавер^[10], или даже Нумирялис^[11], ему самому очень нравится так представляться и смотреть, как стремительно усложняются выражения лиц – в общем, Труп столкнулся в подъезде с соседом и страшно обрадовался, потому что месяц его не видел и соскучился; даже не так, скука тут не при чём, просто отсутствие Тима в соседней квартире почему-то всегда физически ощущается, словно свет слегка приглушили, или заперли окна, короче, чёрт знает что.

Повис у соседа на шее и только потом заметил, что он не один, вернее, понял, что здоровенный мужик в полосатом пальто и блондинка в зелёной искусственной шубе, красивая, как в старом кино, не просто так на лестнице топчутся, а пришли вместе с Тимом. Родители, что ли? По возрасту, вроде, вполне подходят, при условии, что здоровенный блондинку ещё старшеклассницей соблазнил. Тим никогда о семье не рассказывал, а Труп не спрашивал, но по идее, почему бы не быть у него родителям, другого способа появляться на свет пока не изобрели... А может не родители, а любовники? Причём сразу оба. Вот совершенно не удивился бы. В тихом омуте черти водятся, а сосед и есть тихий омут, тишайший из тёмных омутов этот Тим.

– Если ты пытаешься меня задушить, – наконец сказал сосед, – то имей в виду, ты далёк от успеха. А если просто свободно выражаешь эмоции, тогда продолжай.

– Да, выражаю, – подтвердил Труп. Но Тима всё-таки отпустил.

– Это Отто, я вам рассказывал. Который самый лучший в мире сосед, – объяснил незнакомцам Тим. И представил их Трупу: – Надя и Самуил. Ты, помнишь, говорил, я какой-то подозрительно тихий, ни единого шороха, так не бывает. Ну вот, исправляюсь. Вызвал подмогу. Теперь будет шорох! Надя не переносит наушники, зато очень любит слушать старинный хард-рок.

– Не демонизируй меня, пожалуйста, – улыбнулась блондинка. – Понимаю, приятно знакомством с исчадием ада похвастаться! Но я так за дорогу от воплей Планта^[12] устала, что теперь ещё долго никакой музыки не захочу.

Труп посмотрел на неё с уважением. «Старинный хард-рок» он и сам любил. А ещё больше – девушек, которые его с удовольствием слушают. Ему почему-то всегда казалось, что они какие-то самые важные вещи понимают про жизнь.

– Ты мне самое главное скажи, с нашей «Крепостью» всё в порядке? Работает? – спросил Тим.

– Естественно. Что ей сделается.

– Ну мало ли. Может, в отпуск ушли.

– Я когда-то у Даны тоже про отпуск спросил. Сказала, она теперь и так в отпуске на всю оставшуюся жизнь.

– Да, – кивнул Тим, – я помню. Надеюсь, ей не разонравится никогда.

– Она предложила мне сделать в «Крепости» выставку, – сказал Труп. – Ну, то есть, не совсем настоящую выставку, всё-таки «Крепость» не галерея...

– ...а лучше! – подхватил Тим.

– Да, я тоже об этом подумал. Сейчас-то вообще всё закрыто. А к Дане с Артуром каждый день люди ходят. И какие! Кому и показывать, если не им. Сегодня как раз заберу фотографии из печати. Приду с ними в «Крепость», выпью для храбрости, буду смотреть, как вышло, и страшно ругаться.

– С кем?

– Да со всем миром сразу. Например, что печать ужасная. И я сам дурак, неправильно выбрал размер. И освещение в «Крепости» хуже некуда. И вообще я не так себе свою первую выставку представлял. Настоящий художник всегда найдёт к чему придраться, когда боится, что ничего не получится, и хочет всё отменить. Зря смеёшься, я же правда боюсь.

– Тогда может вечером там и увидимся? – предложил Тим. – Если только мы сейчас не упадём прямо на пол и всё к чертям не проспим. Ехали больше суток, практически не останавливаясь, прикинь.

«Интересно, откуда вы ехали? – подумал Труп. – И через какие границы? И как?» Но вслух не спросил. Он вообще никогда ни о чём

не расспрашивал Тима. Что-то его всякий раз останавливало, совершенно иррациональное чувство, словно от вопросов сосед мог исчезнуть, как сказочная принцесса, чей жених нарушил сказочный же запрет. Или даже не исчезнуть, а превратиться в чудовище и сожрать всех вокруг живьём с потрохами. Эта версия казалась Труп почти похожей на правду; в любом случае, он пока не спешил проверять.

— С чего бы нам падать? — хором возмутились соседские гости.

— Терминаторы! — вздохнул Тим и вставил ключ в замочную скважину.

— Значит увидимся в «Крепости», — заключил Труп.

Он только потом, уже на улице сообразил, что гости Тима говорили по-немецки с таким же лёгким, почти незаметным акцентом, как и он сам. К тому, что сосед полиглот, Труп уже привык. Страшно ему завидовал и с удовольствием пользовался возможностью болтать с ним на родном языке, а не на смеси двух самых чудовищных в мире, русского и литовского, мучительно вспоминая недавно вызубренные слова. Собственно поэтому когда-то и сдружился с соседом: чувак говорит по-немецки, какой приятный сюрприз! То есть, сперва это было главной причиной, а потом оказалось, что Тим и сам по себе отличный, хотя странный конечно тип. С виду почти подросток; Труп поначалу вообще удивился, что он один без взрослых живёт. Но познакомившись с ним поближе, понял, что Тим и есть взрослый, может ещё постарше его самого. Дело даже не в том, что умный, бывают же вундеркинды, а просто житейски опытный. Опыт хоть убейся, не симитируешь, он или есть, или нет. И что тихоня — видно же, не из робости, скорее, наоборот, шуметь уже надоело, да и некогда, других дел полно.

Каких именно дел полно у соседа, это был отдельный вопрос. Когда Труп услышал, как легко Тим переходит с русского на литовский и наоборот, его осенило: чувак — синхронный переводчик, возможно, в какой-то важной организации типа ООН, тогда понятно, почему он то постоянно куда-нибудь уезжает, то неделями безвылазно дома сидит. Но спрашивать, как всегда, не стал, потому что — ну, сказка, принцесса, чудовище, иррациональное чувство, табу.

И вдруг появляются эти двое, с таким же хорошим немецким, с таким же почти незаметным акцентом, — мечтательно думал Труп. — А

может, они шпионы? Нет, правда. Не всё же в мире решают хакеры, должны были остаться нормальные человеческие шпионы с пистолетами и коктейлями, в шикарных авто; кстати, блондинка – натурально подружка Бонда, приехала оболбить Веригу и похитить для подпольного Диснейленда злодеев надувной госпиталь, купленный им для Литвы^[13].

На этом месте Труп рассмеялся вслух. Было бы здорово! И чтобы перестрелки с погонями прямо у нас во дворе. А то всех приключений в последнее время – высматривать за каждым углом машину полиции, чтобы вовремя шарф натянуть до бровей, типа я не опасен для общества, дяденьки, не надо меня штрафовать за прогулку по улице без намордника; впрочем, дома с этим гораздо хуже, – думал Труп, ощущая, как стремительно портится настроение, – вовремя я оттуда удрал.

Чтобы исправить резко упавшее настроение, снова стал думать о странном соседе и его гостях. Круто, если они шпионы. Причём всё равно, откуда, за и против кого. Все государства в мире примерно одинаковое фуфло. Важно не это, а перестрелки с сухим мартини и Астон Мартин за дровяными сараями. Но всё равно интересно, на каком языке они между собой разговаривают, когда их никто не слышит? Вот это вопрос!

* * *

Даже жалко, что у Трупа нет ни малейшего шанса подслушать, как сосед и его гости болтают на разных языках вперемешку. Вот бы он охренел! Наде нравится говорить по-английски, Самуилу по-русски, Тим отвечает им на литовском, который больше никто из присутствующих не учил, и тут же получает от Нади по башке икейской акулой за такие понты. Так (но обычно всё же без драк игрушечными акулами) и разговаривают друг с другом Ловцы, знающие пару десятков самых распространённых языков своей рабочей цивилизации и ещё несколько каких-нибудь экзотических – по необходимости, или для души.

Когда Ловцы собираются вместе, каждый говорит на том языке, который ему по каким-то причинам нравится больше прочих, или

просто удобен вот прямо сейчас, а остальным всё понятно, если язык не редкий, вроде литовского, и они не желторотые новички. Под новичка-то все, конечно, подстроятся, выберут самый простой для него язык. Помнят, как сами когда-то, ещё не привыкнув мгновенно перестраиваться, страдали от вавилонского щебета старших, и как те, спохватившись, повторяли сказанное – медленно, почти по слогам. Ловцы вообще очень трепетно относятся к новичкам, учат их, опекают и берегут, иногда даже ловко подсовывают интересные книги, которые сами могли бы в издательство отнести, чтобы те поскорей привыкали к удаче и чтобы удача привыкла к ним. Короче, когда коллеги перестают с тобой церемониться, начинают шутить над промахами, уводить из-под носа добычу, задирать и дразнить, это повод открыть шампанское – есть что праздновать, ты крут, ты вырос, ты справился, тебя признали своим.

– Акулу пощади! – смеялся Тим, поверженный на ковёр. – Акула с тобой по-литовски не говорила. Она – невинный плюшевый зверь.

– По-моему, ей даже понравилось, – сказала Надя, воинственно размахивая акулой. – Она же хищник-убийца. Значит должна любить нападать.

– А с чего ты решил, будто мы упадём на пол и проспим всё на свете? – спросил Самуил.

– Да потому что сам устал, как собака, – признался Тим. – И это я ещё всю дорогу ехал как барин на заднем сидении, не рулил!

– Да ладно тебе, не придуривайся, – отмахнулся Самуил. И добавил на их общем родном языке: – Ты бодр и полон сил.

– Класс! Спасибо! – от избытка энергии Тим почти заорал.

– О себе же забочусь, – усмехнулся тот. – Мне нужно, чтобы ты немедленно сварил кофе, а потом показал нам город. Но вообще-то ты мог бы и сам.

– Так устал, что не смог бы наверное, – признался Тим. – Даже думать об этом было так трудно, что ну его совсем.

– Это потому, что ты машину не вёл, а всю дорогу куковал на пассажирском сидении, – сказала Надя. – От безделья и я больше всего устаю. Ты кофе вари давай! И показывай, где собираешься нас размещать.

– В спальне кровать, в кабинете кушетка, сами решайте, кому что больше нравится. Или жребий кидайте. Ещё наверное можно

подраться, но вы же не будете, знаю я вас.

– А ты?

– А я буду спать в кухне.

– На этом диване? – ужаснулись оба. – Он же короткий! А ты – наоборот!

– Да он, вроде, раскладывается, – сказал Тим; впрочем, без особой уверенности. – Или нет? Ничего, я так рад, что вы ко мне в гости приехали, что вполне готов пострадать.

– Ну уж нет, страдать буду я! – объявила Надя, плюхнувшись на кухонный диван. – Мне он как раз по росту. И кухня! Лучшее в мире место. Когда я была маленькой, дома всегда на кухне спала.

– Всегда? Не изредка, как приключение?

– Ага. Мне в детстве часто снились кошмары. Без всяких книг, я тогда ещё и читать-то толком не начала. Но на кухне я ничего не боялась. Даже во сне понимала, что не может быть ничего настоящего страшного там, где только что булки пекли.

– Я ещё никогда не встречал людей, которым снились кошмары! – восхитился Тим.

– Ну да, это редкость. Мои говорили, такое случается с теми, кто жил в прежних жизнях в каких-нибудь страшных местах, вроде той же ТХ-4, или нашей ТХ-19, или там, куда мы даже не ходим, потому что всё так запущено, что им не до книг.

– Правда, что ли? – заинтересовался Самуил. – Страшные сны – следствие тяжёлых предыдущих жизней?

– Ну сам понимаешь, раз так говорят, значит хоть немного да правда. Какая-то её часть.

– Никогда раньше такого не слышал.

– Конечно не слышал. Ты же родом из Лейна. А я из Грас-Кана. У нас в Грас-Кане много странных легенд.

– Ты из Грас-Кана? – переспросил Тим. – Ничего себе! Я не знал.

– Ну вот теперь знаешь, – улыбнулась Надя. – Я редкая птица, имя мне – Парадокс. В наших краях адрэле почти не рождаются; вроде бы, по причине избыточной зыбкости территории, хотя точно никто из учёных пока не берётся сказать. За всю историю книгоиздания Ловцов из Грас-Кана по пальцам можно пересчитать. А прямо сейчас нас всего двое – Миша и я.

Грас-Кан, Весна 1-го года Этера

Миша (Анн Хари, он же дома, в Грас-Кане, а не где-то у нас) проснулся в сумерках; потом оказалось, вечерних, а поначалу спросонок решил, что светает, не разобрал.

Не просто проснулся, а подскочил от звонка телефона, как путник от львиного рыка в Шадомских степях. И сразу, конечно, понял, какая зараза его разбудила, не так уж много в мире героев, способных дозвониться мне на выключенный телефон, — думал он, таращась в зеленоватую темноту. — Интересно, а если разбить телефон и закопать обломки? Или утопить его в море? Или просто оставить в Лейне, дома, в кармане пальто? ШиКоНах до меня дозвонится? Наверняка, он упёртый. Но надо будет попробовать всё равно.

На дальней окраине Лейна, куда не забредают ни любопытные туристы, ни вездесущие продавцы сладостей, живет заклинатель книг. Люди приносят ему книги, которые показались им бессмысленными, непонятными, или просто слишком печальными. Одним книгам заклинатель играет на флейте, с другими о чем-то шепчется, а иногда просто кладет закладку — птичье перо, обрывок записки, засушенный цветок. После этого история, записанная в книге, о чем бы она ни повествовала прежде, становится историей о великолении и чудесах мира, хотя, как рассказывают те, кто не поленился проверить, все слова остаются прежними и даже не меняются местами.

Это, конечно, просто городская легенда. Но как все легенды в Сообществе Девяноста Иллюзий, она — правда, просто не вся, а её разрозненные фрагменты, сумма случайных свидетельств; все мы знаем, что иногда это даже меньше, чем ничего. Но в данном случае разве что флейта вызывает большие вопросы, сам адрэле Ший Корай Аранах утверждает, что отродясь на духовых не играл; с другой стороны, он вполне мог однажды дунуть для смеха в детскую деревянную дудку, или во время разговора с клиентом в его доме

веселились приятели музыканты, этого он точно не помнит, но скорей всего было как-нибудь так.

Дарование высокого смысла – работа Ший Корай Аранаха. То есть, больше, чем просто работа, призвание, дело жизни, как в таких случаях говорят. Когда-то лет четыреста с лишним назад он взялся исследовать механизмы возникновения и иссякания смыслов, собирался писать диссертацию, поставил ряд экспериментов, похожих на описанные в легенде, всё-таки с книгами получается проще и наглядней всего. Но так увлёкся практикой, что забил на теорию. И на карьеру учёного тоже забил. В общем, правильно сделал, потому что когда у тебя открылся удивительный дар силой слова адрэле возвращать, а порой создавать с нуля высокие смыслы (не только для книг, книги – просто вершина айсберга, которая у публики на виду), глупо заниматься чем-то ещё. Ший Корай Аранах – сильнейший адрэле, если не за всю историю, то, как минимум, в своём поколении. И что он так подвинут на высших смыслах, это его современникам повезло.

Но одному из его современников от всего вышесказанного не легче – вот прямо сейчас, когда спозаранку (в вечерних сумерках) звонит его телефон, предусмотрительно выключенный, чтобы ни одна зараза не дозвонилась. А она дозвонилась! В смысле, он. ШиКоНах. Лучший друг, злейший враг (нет, конечно, но Анн Хари сейчас не вслух говорит, только думает, а какими ещё словами думать о том, кто тебя настолько невовремя разбудил). Самый близкий человек в мире после того, как не стало отца, злодей каких мало, – думал Анн Хари, глядя на экран телефона – какие-то незнакомые цифры, но явно местный Грас-Канский номер... Так. Местный номер. Он что, приехал? Из Лейна?! Да ну, быть не может. Он здесь? Вот же гад.

– Сам догадайся, что я о тебе сейчас думаю. Вслух такое не говорят, – сказал он, взяв наконец телефон, вместо «здравствуй», или «как же я рад». И услышал самодовольный, так и стукнул бы, смех.

– Чуть не сдох, пока до тебя дозвонился, – наконец сообщил ШиКоНах.

В его устах это была не жалоба, а комплимент. Дескать, оцени, как сильна твоя воля, аж самого меня едва не угробил, такой молодец.

– Ну и зачем? – уныло спросил Анн Хари. – Я бы сам через несколько дней включил телефон. А потом бы приехал. У меня есть обратный билет.

– Соскучился, – беззаботно ответил друг. И помолчав, добавил: – Каждый день говорил, что ты жив и в полном порядке. С переменным успехом. Позавчера «жив» кое-как получилось, а «в полном порядке» я даже внятно подумать не смог. Это мне не понравилось. Так уже было однажды, когда ты в своей ТХ-19 на несколько лет пропал. Поэтому я нанял самолёт и прилетел.

– Так в Грас-Кан же, вроде, никто не летает. Мы для этого слишком зыбкие. Расположение неопределённое. И в окрестностях на моей памяти не было ни одной взлётно-посадочной полосы.

– Теперь есть. Надеюсь, так и останется навсегда. Отлично мы с ребятами приземлились возле Грас-Кана. Всего в получасе неторопливой ходьбы до окраины, где сплошные сады и какой-то одинокий завод. Лётчики в шоке. Говорят, внукам будут рассказывать. Или не внукам. Кому получится. Никогда не знаешь заранее, найдётся ли для твоих интересных историй хотя бы один готовый их выслушать внук. Короче, всё это неважно. Важно другое. В самолёте есть свободное пассажирское кресло. Это значит, что в Лейн мы с тобой возвращаемся вместе, хочешь ты того, или нет.

– Надеюсь, однажды мне приснится, как я тебя убиваю, – вздохнул Анн Хари. – Мечты должны сбываться. Не наяву, так хотя бы во сне.

– Ничего не имею против. Хочешь видеть во сне кошмары, кто ж тебе запретит. Но самой ужасной новости ты пока не услышал. Потому что я не сказал. Исправляюсь: я звоню из кафе «Адессина». Не представляю, что означает это причудливое название...

– Адессина – курортный посёлок на берегу Зелёного океана. Вроде хозяйка оттуда родом, или её родители, точно не помню. Короче, всё в порядке с названием. Географию надо было в школе учить.

– Ясно, спасибо, – невозмутимо поблагодарил ШиКоНах. – Но важно другое. Это кафе всего в двух кварталах от твоего дома.

– Я в курсе.

– И только попробуй мне не открыть!

– Кофе сначала там выпей, – сказал Анн Хари. – Он в «Адессине» хороший. Или водки. Или съешь что-нибудь. Короче, раньше, чем

через час, я тебя на порог не пушу. Дверь у меня крепкая, ломать задолбаешься. На самом деле я тебе уже почти рад. Увижу – ещё больше обрадуюсь. Но сначала мне надо в душ.

– Вот это нормальный уже разговор, – обрадовался Ший Корай Аранах, гад, зараза, злодей каких мало, какое же счастье, что он приехал, хотя лучше бы всё-таки не сейчас.

Попрощавшись, Анн Хари поцеловал телефон, а потом со всей дури швырнул его в стену. Совершенно нелепый поступок, но на душе наконец-то стало почти хорошо. Он во всём любил точность, а это было очень точное выражение обуревавших его сложных и противоречивых чувств.

Огляделся – бардак, конечно, ужасный. Хотя, вроде, иногда убирал. Собрал пустые бутылки, отнёс их на кухню, сложил в специальный ящик для мусора и отправился в душ.

ШиКоНах, невысокий и почти невесомый, похожий на облако из-за копны серебристых кудрявых волос, такой темнокожий, словно сотню лет загорал на пляже (где на самом деле вряд ли хоть день пролежал), выглядел так, словно выскочил на минуту из дома, а не прилетел в специально нанятом самолёте на другой континент. Впрочем, скорей всего, как-нибудь так и случилось: вышел в домашней куртке и шортах через дорогу в кофейню, или на угол газету купить, по дороге его осенило, что можно обзвонить окрестные аэродромы и узнать, летают ли их самолёты в Шри; слово за слово, договорился о срочном полёте, вызвал такси и поехал как был.

– Выглядишь как чучело, – сказал гостю Анн Хари.

– На себя посмотри.

– Смотрел только что. У меня в ванной зеркало в полный рост. По-моему, я красавчик. Можно снимать в рекламе. Осталось придумать, чего.

– Того, что ты пил, по моим прикидкам, примерно с начала весны.

– Да ну тебя. Всего двадцать дней; последний, кстати, явно был лишним, – усмехнулся Анн Хари. – Так и запишем в инструкции по использованию моего тела: больше девятнадцати дней подряд не поить. А всё остальное время я сюда добирался. На корабле, потом на поезде до Черраны. С Грас-Каном что плохо: будь ты хоть триста раз его уроженцем, а прямо на берегу океана он тебя никогда не ждёт.

Обязательно надо забраться куда-нибудь вглубь континента; спасибо хоть не приходится подолгу блуждать, как туристам, в худшем случае, день-полтора. Ты конечно круто провернул с самолётом! Мне почему-то ни разу в голову не пришло. Но мне бы наверное и сил не хватило посадить его прямо рядом с Грас-Каном. Хотя пока не попробуешь, не узнаешь...

– Вот именно, – согласился Ший Корай Аранах. – Я и сам не знал заранее, как получится. Просто взял и сделал, потому что мне припекло. А это ваш местный обычай – подолгу стоять на пороге? Если надо, я буду. Но не уверен, что это действительно обязательно, ни о чём подобном прежде не слышал и не читал.

– Прости. Заходи. Ты учитывай, я же растерян.

– И, подозреваю, в похмелье.

– От местных вин его не бывает, сколько ни выпей. Никакого ущерба здоровью от них. Я за этим сюда и приехал, а не из каких-то сентиментальных соображений. И при всём уважении, не затем, чтобы спрятаться от тебя. Так что вряд ли это похмелье. Просто организм отвык быть трезвым... и настолько живым. Весь мир как будто звенит, мигает и куда-то несётся, и я вместе с ним. И кажется, что на улице слишком светло, хотя объективно уже стемнело. И ты припёрся чуть ли не в тапках, как будто мы в Лейне, а не в двух декадах пути от него.

– Это не тапки, а нормальные уличные сандалии. Я всегда весной в них хожу.

– Выглядят так, словно ты в них родился. И прожил непростую долгую жизнь.

– Долгую, – согласился Ший Корай Аранах. – Но кстати довольно простую, спасибо моей судьбе. И большую её часть – без этих сандалий, им всего-то лет семь.

Он наконец вошёл. И обнял Анн Хари так крепко, словно тот собирался вырваться и убежать.

Мелкий-мелкий, а сильный, зараза такая. Жалко, он потусторонних языков никогда не учил и не хочет, – привычно подумал Анн Хари. – А как было бы здорово ругать его вслух любыми словами! И чтобы он всё понимал.

– Что у тебя случилось? – спросила зараза. В смысле, лучший друг. ШиКоНах.

– Да ничего выдающегося. У меня случился только я сам.

– Тогда ладно. Это знакомое бедствие. Переживём. Веди на кухню, сварю тебе кофе. Я зёрна купил в «Адессине». Не был уверен, что у тебя дома есть.

– Я сам ни в чём пока не уверен, – вздохнул Анн Хари. – Может и есть, только где? Спасибо, что купить догадался. И что вообще прилетел. На самом деле это фантастика. Как в какой-нибудь книжке. Трудно было вот так, в самолёте, которым управляешь не ты сам, а лётчики, приземлиться в пригороде Грас-Кана?

– Подозреваю, по-настоящему трудно лётчикам было бы не приземлиться в пригороде Грас-Кана со мной на борту.

– Что касается лётчиков, – сказал Ший Корай Аранах, разжигая огонь под кофейником. – По справедливости, платить за перелёт должен ты. Я надеялся, они с тебя за наши интересные приключения три шкуры сдерут, чтобы впредь nepовaдно было драматически пропадать. Но лётчики меня подвели. Наотрез отказались выставить тебе счёт. Сказали, плата за полёт до Грас-Кана – сама возможность здесь побывать. Ребята в восторге, что тут оказались; один рассказал, что когда был студентом, ездил с друзьями в Шри, лето напролёт катались по всему континенту автостопом и в поездах, Грас-Кан искали, но не повезло, не нашли. Ну зато теперь получилось. Счастливая у него оказалась судьба! Я им сейчас из кафе звонил спросить, как устроились, так они умоляют задержаться тут ещё дня на три. Я сказал, чёрт с вами, гуляйте. И мы с тобой тоже будем гулять. Я же сам впервые в Грас-Кане. И мне здесь так нравится, словами не описать! Оказалось, низкий коэффициент достоверности – это такой особый разлитый в воздухе кайф. Отличный город. Зря ты меня никогда сюда в гости не звал.

– Так я сам здесь в последнее время почти не бываю, – неохотно ответил Анн Хари. – Хотя очень люблю Грас-Кан. Но с тех пор, как папы не стало, мне тут тяжело. Раньше я ездил к нему, а теперь, получается, приезжаю к его отсутствию. В дом, где больше нет ни его, ни того меня, которого он любил. Это даже не то чтобы плохо. Просто слишком сложное чувство, как с ним жить, я пока не решил... А твоим лётчикам, раз они от денег за перелёт отказались, давай оплачу хотя бы гостиницу и остальные расходы. У нас тут многое можно бесплатно,

но когда ты турист и вовсю развлекаешься, беспечно платить приятней, чем договариваться и просить.

– На твоём месте я бы тоже так сделал. Хороший жест. Позвоню им, скажу, что мы с тобой так решили, возражения не принимаются. И посоветую, пользуясь случаем, неукротимо кутить... Всё. Кофе готов. И не вздумай к нему придирааться.

– Когда это я придирался? – удивился Анн Хари.

– Всегда. Спасибо, конечно, что только мысленно. Но ты пьешь мой кофе с таким выражением, как будто сейчас закричишь.

– Об этом и речи быть не может. Кричать не стану. Я, если ты до сих пор не заметил, любые трудности стойко переносу.

– Ты-то – да-а-а-а, – вздохнул ШиКоНах. – Я бы предпочёл, чтобы ты переносил их чуть менее стойко. Мне бы мог пожаловаться, например. А то делаешь вид, будто всё отлично, а потом исчезаешь с концами на какую-то невыносимую вечность, отключив телефон.

– Ладно, – кивнул Анн Хари. – Договорились, пожалуюсь. Раз уж ты в такую даль прилетел. Кофе, кстати, отличный. Раньше ты так его не варил.

– Ну так раньше я варил, как мне нравится. А сейчас – как тебе. Это просто. Сложно другое – перестать стремиться всегда настоять на своём. Впрочем, и это легко, когда так сильно устал.

– Ты устал?

– Ну а как ты думаешь? Больше суток не спал. Посадил самолёт в предместье Грас-Кана, где у нас на глазах любезно материализовалась отличная взлётно-посадочная полоса. А потом тебе дозвонился. Тоже, знаешь, не сахар. То есть, только это и было не сахар, остальное как раз ерунда... Но ты учти, усталость не повод немедленно укладывать меня спать. Твой Грас-Кан обалденный. Я совсем мало видел, но уже влюблён в него по уши. Хочу хотя бы пару часов ещё погулять. Покажешь мне что-нибудь самое распрекрасное. Или ладно, не самое, что угодно, какое-нибудь. И ты обещал, что будешь жаловаться. Интрига! В таких обстоятельствах невозможно лечь и спокойно уснуть.

– Так спокойно не обязательно, – улыбнулся Анн Хари. – Можно спать, ворочаясь с боку на бок, вскрикивая и бормоча проклятия на неведомых языках. Но если хочешь гулять, не вопрос, я-то как раз с

удовольствием. Так странно! Выйду с тобой на улицу, а вокруг не Лейн, а Грас-Кан.

– Этой дорогой, мимо Пустого Дома я любил ходить в школу, – сказал Анн Хари, перелезая через забор. – У нас почти на каждой улице есть Пустой Дом, непременно окружённый забором, одолеть который, впрочем, довольно легко. Иногда частный дом, как этот, иногда многоквартирный, большой. Это считается важным – чтобы в городе были пустые дома без хозяев, где никто не живёт. Вроде, для равновесия и гармонии обязательно должны быть тайна и пустота. И как символ несовершенства, незавершённости, потому что жизнь – движение к идеалу, а не он сам. Есть ещё много разных версий, они удачно дополняют друг друга, ничего толком не объясняя. Но это, наверное, и хорошо. Мне кажется, в рассуждениях тоже должно оставаться место незавершённости, тайне и пустоте. И в людях. Вообще во всём.

– Никогда не думал об этом с такой точки зрения, – отозвался Ший Корай Аранах. – А ведь да... Слушай, а это нормально, что мы перелезли через забор? Я имею в виду, мы своим присутствием не оскорбляем святыню, или чем там у вас считается Пустой Дом?

– Наоборот! – рассмеялся Анн Хари. – Мы проявили к нему уважение. Это важная часть традиции. Мы в Грас-Кане с детства знаем, что приблизиться к тайне непросто, но можно, если сумеешь. А не умеешь – учись. И что любые препятствия на нашем пути нужны не затем, чтобы беспомощно на них таращиться, а чтобы преодолевать. Ты прости, что я тебя сюда потащил первым делом, а не нормальной дорогой повёл. Но я захотел, чтобы ты стал – ну, как бы своим в Грас-Кане. Местным, насколько это возможно. Словно ты тоже здесь детство провёл.

– Спасибо. Это, как минимум, очень красиво.

– Ну! – горячо подтвердил Анн Хари. – А хочешь, заглянем в окно? Я в детстве часто так делал. Чтобы стать ещё ближе к тайне. Боялся тогда ужасно. И даже сейчас немного робею. Хотя уже давно взрослый и знаю, что там нет ничего особенного. Просто темно.

– Точно-точно нет ничего особенного? – спросил ШиКоНах так вкрадчиво, словно обладал проверенной информацией о поселившихся в пустом доме чудовищах. У Анн Хари даже сердце ёкнуло,

совершенно как в детстве. Но тот сам испортил эффект – заржал. Потом они ещё и лбами столкнулись, пытаясь разглядеть темноту за пыльным стеклом, хором взвыли и вцепились друг в друга, пытаясь удержать равновесие, но так смеялись, что это не помогло.

– Наши святыни оскорбить невозможно, конечно, – наконец сказал другу Анн Хари. – Но ты честно сделал что мог.

Всё ещё смеясь, вышли на улицу через калитку, запертую изнутри. Анн Хари ловко просунул руку в щель между прутьями и аккуратно задвинул щеколду, как делал в детстве; уж насколько он тогда был мечтательный и рассеянный, а закрыть за собой калитку Пустого Дома ни разу не забыл.

– Вот это собственно и есть моя школа, – он указал рукой в сторону приземистого здания странной формы, слегка мерцавшего в темноте. – Сейчас плохо видно, завтра рассмотришь как следует. Она в виде головы великана, чьё тело как бы зарыто в земле. У нас считается, детям должно быть интересно не только учиться, но даже мимо школы ходить.

– Голова великана? Ай, точно. Уже вижу уши и нос. Ничего себе!

– Это ещё что. У меня была не особо крутая школа. В Грас-Кане пара десятков таких голов. Мы страшно завидовали детям с северной окраины. У них была школа в виде морского чудовища с какой-то старинной картинки. Такая, знаешь, рыба-дракон. Можно будет завтра съездить туда, я бы глянул, как у этой рыбы дела. Тем более, в северной части города полно интересного. Найдётся что тебе показать.

– Командуй, – кивнул ШиКоНах. – Куда скажешь, туда и пойдём. Мне здесь пока вообще всё нравится. Говорю же, влюбился по уши. Теперь понимаю, почему все так упорно ищут Грас-Кан.

– А я больше не понимаю, почему никогда не звал тебя сюда в гости, – вздохнул Анн Хари. – Просто в голову не приходило, что будет так здорово гулять по Грас-Кану вдвоём. Я всё-таки... скажем так, странный. Не стоит себя вслух ругать.

– Ты-то – у-у-у-у! – согласился друг. – Не то слово. Но всё равно отличный. Примерно как твой Грас-Кан.

– Есть теория, будто люди похожи на города, в которых прошло их детство, – сказал Анн Хари. – В разной степени, кто насколько поддаётся влиянию. Я в детстве легко поддавался, наверное. Сам

теперь вижу, что Грас-Кан даже больше, чем папа, меня воспитал. Но кстати ты-то на Лейн совсем не похож!

– Так и не должен. Я же вырос в Шамхуме, в Лейн приехал уже почти взрослым, в Тёмный Университет, который потом с какого-то перепугу переименовали в Гуманитарный; по-моему, зря... Я, представляешь, наивно думал, что если он «тёмный», значит там учатся по ночам. Когда узнал, что в обычное время, страшно разочаровался, чуть не забрал документы и не уехал домой. Но в приёмной комиссии мне сказали, что тьма в названии символизирует нераскрытые тайны существования, и перед этим я конечно не устоял.

– Надо же, – вздохнул Анн Хари, – ты вырос в Шамхуме, а я об этом не знал. Потому что не спрашивал. Ни разу за столько лет! Типа зачем разговоры о прошлом, когда у нас есть настоящее? Слушай, я действительно странный. Даже слегка перебор.

– Да почему же «слегка»? – удивился Ший Корай Аранах. – Будь здоров, на всю голову! Я, собственно, тоже. Просто в другую сторону. И это мне повезло! А что это за весёлая кутерьма творится там, в конце улицы? Ярмарка, или концерт?

– О. Удачно мы вышли! Тебе понравится. Это Ночной базар. За три часа до полуночи открывается и работает почти до рассвета. Всё как ты мечтал в детстве, только не университет, а базар.

– Он всегда тут был? Или специально для меня появился? Я уже не знаю, чего от этого города ожидать!

– Сложно сказать. Я студентом иногда ходил слушать лекции на философском; многие наши ходили, всем охота узнать, как устроен мир. Больше всего меня впечатлила лекция по теории овеществления, до сих пор как вспомню, так вздрогну. Согласно этой теории, когда объект, или феномен, возникает как бы из ниоткуда, повинуюсь созидательной воле творца, он проявляется во все стороны сразу. То есть, к любому новорожденному явлению автоматически прилагается его прошлое. И свидетельства этого прошлого тоже есть. И живые свидетели как ни в чём не бывало всё подтвердят! Человеческая память пластична и легко подчиняется необходимости – ничего кошмарней я в жизни не слышал и даже в потусторонних романах ужасов не читал! Так что если Ночной базар только что специально для тебя появился, вместе с ним у меня появились достоверные воспоминания о том, что он всегда был. Но вообще-то мой отец здесь

работал. Помогал сестре в павильоне закусок, а потом там же собственный бар открыл. Я к нему приходил после школы. И делал уроки в баре. На высоком табурете, за стойкой. С сигарой в зубах. Я её не курил конечно, а просто так грыз для смеха, как карандаш. Завсегдатаи умилялись. А я чувствовал себя страшно крутым!

– Ещё бы! Мне аж завидно стало. А он ещё есть, этот бар?

– Должен быть. Отец его оставил помощнику. Ин Тана – отличный. Они с папой крепко дружили. И меня он любил, как младшего брата. А я к нему, ты и сам уже наверное догадываешься, после папиной смерти ни разу не заходил. Но сегодня, кстати, зайду с удовольствием. Потому что ты здесь. Ты приехал, и всё сразу стало иначе. Нет больше папиного отсутствия. И моего отсутствия тоже нет. Есть продолжение нашей жизни – без него, в иных обстоятельствах, ну так это просто нормально... А тебе, могу спорить, давным-давно пора что-нибудь съесть.

– То есть в баре ещё и кормят? – обрадовался ШиКоНах.

– Естественно кормят, на то и бар. В Грас-Кане не пьют без закуски. Разве что я иногда.

Бар был на месте, хотя Анн Хари в последний момент испугался – а вдруг больше нет никакого бара? И сам Ин Тана – жив ли, здоров ли? Не сменил занятие? Никуда не уехал? Теоретически мог. Никто не обязан, дожидаясь моего возвращения, десятилетиями как приклеенный на месте сидеть.

Но бар работал, только сменилась вывеска. При папе бар назывался его именем «У Шар Нагори», а теперь романтично – «Звезда». Зашли, и правильно сделали. Хорошая вышла встреча, совсем не столь драматическая, как Анн Хари воображал. Ин Тана был рад, потому что любил его и соскучился, а обижаться ему даже в голову не пришло. Не упрекал, не расспрашивал, сам сказал: «Да понятно, из Лейна сюда путь неблизкий, а ты теперь Ловец книг, человек занятой!» Показал коллекцию книг, в разное время добытых Анн Хари, завсегдатаи «Звезды» общими усилиями собрали практически все; признался: «Я всем новым клиентам хвастаюсь, что ты в нашем баре вырос и вон на том табурете всегда сидел». Кормил их каким-то фантастическим сливочным супом из засушенных зимних грибов, жарил гренки из чёрного хлеба, вымоченного в топлёном

молоке, бегал к соседям-торговцам за ветчиной, потому что припасы закончились, подливал им вина, Ший Корай Аранаху щедро, а Анн Хари – почти символически, опытный бармен сразу чувствует, когда ты не в настроении выпивать. Короче, могли бы просидеть до утра, но не стали: Анн Хари заметил, что друг уже практически сидя спит. Он, конечно, скорее под стол упадёт, чем признает, что с него на сегодня хватит, чуть ли не силой пришлось уводить.

Впрочем, за порогом «Звезды» ШиКоНах мгновенно утратил желание спорить, а дома сразу упал на кровать. Вцепился в руку Анн Хари, сказал:

– Без тебя не усну, оставайся. А то, чего доброго, решу спросонок, будто мне всё приснилось, и теперь придётся снова тебя искать.

– Что, и грайти попить не отпустишь?

– Может быть. Посмотрим на твоё поведение. Сначала сказку на ночь мне расскажи.

– Какую сказку? – удивился Анн Хари. – Тебе что, книжку вслух почитать?

– Да ну тебя. Какие могут быть книжки. Рассказывай, как дошёл до жизни такой. Зачем ты уехал в Грас-Кан, не спрашиваю. Сам бы на твоём месте при всяком удобном случае сюда уезжал. Но всё остальное, радость моя, ни в какие ворота. С чего вдруг этот мрачный тайный запой? Ты же не любишь быть пьяным.

– Терпеть не могу, – согласился Анн Хари. – Мне скучно быть пьяным мной. Но у меня сила воли, ты знаешь.

– Знаю. Твоя сила воли – страшное дело. У-у-у-у! Но она объясняет, как ты смог это сделать, а не почему.

– Я не знаю, какими словами рассказывать. Как об этом вообще говорить? Ладно. Когда я на несколько лет пропал в ТХ-19, а потом внезапно оказался там в городе, где прежде никогда не бывал и местного языка не знаю; у нас на курсе, мне кажется, монгольский вообще никто не учил... ай, сейчас это точно не важно! Факт, что когда я пришёл в себя чёрт знает где, в тесной комнате, с документами непонятного происхождения и фальшивым именем «Казимир», я был пьян, вернее, уже в похмелье. Тяжёлом даже по меркам ТХ-19, а там похмелье страшная вещь.

– О похмелье ты раньше мне не рассказывал.

– Потому что не придавал значения этому обстоятельству. А оно может оказаться важным. Это я совсем недавно сообразил, когда один мой приятель, напившись, нашёл кольцо, которое пьяным же спрятал. А трезвым, как ни бился, не мог его отыскать.

– Понимаю. Да, память привязана к состояниям сознания. Это как во сне вспоминаешь другие сны, а наяву их не помнишь.

– Вот именно.

– И ты надеялся вспомнить, что по пьянке творил Казимир, чьим похмельем ты мучился в-как-его? – Улан-Баторе?

– В нём. Да, для начала хотя бы это. Что было перед тем, как я очнулся, осознал ситуацию, взвыл и бросился искать телефон? Счастье конечно, что этот лже-Казимир жил в хорошем отеле для командировочных специалистов! В те годы в столице Монголии было не то чтобы много мест, откуда можно сделать международный звонок. А что домой Ловцы возвращаются без посторонней помощи, я тогда даже не вспомнил. Хотя не факт, что мне бы хватило сил...

– Скорее всего, потому и не вспомнил. Оно так работает, когда мы слабы и больны. Что не можешь сделать, о том обычно даже не думаешь. Своего рода защитный механизм.

– Да, наверное. Ладно, тогда хорошо всё закончилось. За мной почти сразу пришла Лестер Хана, пусть она всегда будет счастлива, и увела домой. Но не помнить несколько лет своей жизни – невыносимо! Я был уверен, что это вообще не проблема, я сильный, приду в себя, окрепну, возьму своё. Но так ни черта и не получилось! Почти полвека прошло, а я до сих пор ничего не вспомнил. Даже ты не смог мне помочь.

– Да, пока не вышло, – вздохнул ШиКоНах. – Прости.

– При чём тут «прости». Ты же не нарочно. Просто бывают такие провалы в памяти, которые даже нашей волей не победить.

– Не тяни, – попросил ШиКоНах. – Я уже засыпаю. Ты напился и вспомнил?

– Ну так, кое-что. Не то, что хотел бы. А может быть, то? Но вспомнил ли? Может, просто приснилось? Хрен разберёт.

– Не тяни! – повторил ШиКоНах. И ещё крепче вцепился в его руку. Сильный, зараза. До синяков.

– Не сердись, – вздохнул Анн Хари. – Всё-таки я не готов. Мне бы было гораздо проще об этом с тобой разговаривать, если бы ты был

Ловцом.

– Зачем Ловцом? – удивился тот. – История что, про книги? Так я их довольно много читал.

– Не в книгах дело. А в языке. Когда рассказываешь то, в чём совсем не уверен... Короче. Не хотелось бы мне своим словом всё это дополнительно утвердить. И не потому что оно плохое. Нет, не особо. Неоднозначное, это да. Но если это мои фантазии, не хочу подменить ими правду и не узнать её уже никогда.

– Так, стоп, – попросил ШиКоНах. – Не тараторь, я понял. Ты, к сожалению, прав. Я на тебя сердился, что ты мне ни черта рассказываешь. А ты поэтому, да? Все твои секреты такого рода, что не стоит облекать их в слова?

– Вот именно. Знал бы ты какой-нибудь язык ТХ-19, я бы всё тебе выложил прямо сейчас. Но ты всегда говорил, что не хочешь учить чужие лживые языки.

– Не хотел. Но могу передумать. Никто не обязан всю жизнь одного и того же хотеть или не хотеть.

– Было бы здорово. Тебе же не надо годами зубрить, постепенно тренируя сознание, ты не юный студент с хрупкой психикой. Что тебе какой-то потусторонний язык. За пару сеансов освоишь. Только сразу много языков не учи, одного нам достаточно, у новичков, когда берут группу одним пакетом, поначалу страшная путаница в голове.

– У меня уже тоже путаница, – вздохнул ШиКоНах. – Без языков и пакетов, тебя достаточно. Ладно, иди пей свой грайти. И мне принеси. И вспоминай давай колыбельные. Все, сколько знаешь. Потому что ты зажал сказку на ночь, а мне всё-таки надо поспать.

• *Что мы знаем о Грас-Кане?*

Что, как уже было сказано выше, из всех городов и стран Сообщества Девяноста Иллюзий у Грас-Кана самый низкий коэффициент достоверности – одиннадцать. Это значит, что его создавали – видели в снах или грёзах, рисовали в воображении и на холстах, бормотали в бреду его имя – всего одиннадцать человек (или похожих на нас существ). Поэтому Грас-Кан не стоит на месте, как нормальные города, а свободно перемещается по всему Третьему Континенту Шри. Угадать, где найдёшь его, невозможно. Даже если удачливый путешественник позвонит из Грас-Кана друзьям и подробно объяснит им дорогу, нет никаких гарантий, что им удастся прийти по его следам. Точно известно только (Анн Хари это мельком упомянул), что на берегу океана Грас-Кан искать бесполезно, там он никогда не стоит. Возможно, как раз по причине недостаточной достоверности: океан – необузданная стихия, тому, кто нетвёрдо стоит на ногах, с ним не стоит шутить. Но других подсказок для путников нет. Даже уроженцы Грас-Кана, возвращаясь домой из поездки, находят его не сразу, им тоже придётся поехать куда-нибудь вглубь континента, и там по лесам или пустошам день-другой погулять. Правда для них, в отличие от туристов, это беспроегрышная лотерея. Уж они-то точно домой попадут.

- Что мы знаем о Грас-Кане?

Что нестабильность положения Грас-Кана в пространстве – временное явление, пройдёт после того, как его ещё несколько раз увидят во сне, сочинят, полюбят, умрут от тоски по нему; по крайней мере, так предполагают учёные Сообщества Девяноста Иллюзий, а как будет на самом деле, никто не знает. В Сообществе Девяноста Иллюзий больше нет городов с настолько низким коэффициентом достоверности. Считается, одиннадцать – слишком мало для полного овеществления. Правильно, в общем, считается. Натурально чудо господне этот Грас-Кан!

- Что мы знаем о Грас-Кане?

Что он красив фантастически даже с точки зрения всякого жителя Сообщества Девяноста Иллюзий, где каждый город по сути и природе – мечта. Плюс, как сразу заметил впервые попавший туда Ший Корай Аранах, невысокая степень достоверности это ещё и

разлитый в воздухе ни на что не похожий кайф. Для местных это просто нормально; поэтому, кстати, при всей любви уроженцев Грас-Кана к путешествиям и приключениям, мало кто из них приживается в других городах. Ну вот Анн Хари в Лейне прижился. И Дилани Ана. Но они оба даже по меркам Ловцов очень странные (каждый по-своему), это вам все их друзья подтвердят.

- *Что мы знаем о Грас-Кане?*

Что даже жители Сообщества Девяности Иллюзий знают о нём очень мало. И признаются в этом с присущей им прямоотой. Но каждый, кто побывал в Грас-Кане, втайне уверен, что на каком-нибудь из неизвестных пока языков далёкой потусторонней реальности его название означает «любовь».

(Поэтому я не буду рассказывать, как Анн Хари и Ший Корай Аранах ещё три дня там гуляли, то и дело обмирая от счастливого детского ощущения, словно кто-то огромный бережно несёт их в руках, как глазели на старинные здания, вырубленные в скале, как бежали – просто так, от избытка сил – вдоль узкой быстрой реки, которая в Грас-Кане иногда по весне появляется и течёт с таким видом, будто всегда была, сколько выпили кофе и грайти в киосках под пёстрыми тентами, сколько потискали и покормили уличных коз, о чём шептались, осторожно подбирая слова, как возвращались домой на рассвете, поужинав в баре «Звезда», вусмерть пьяные от впечатлений и слегка протрезвевшие от вина. Прогулки по Грас-Кану – очень личное переживание, такое, даже если знаешь в подробностях, не стоит болтать о друзьях.)

Вильнюс, Ноябрь 2020

Я говорю:

– Меня беспокоит, что у вас не осталось никаких развлечений. Ни поездок, ни выставок, ни кино, ни, прости господи, баскетбола, ни клубов, ни дискотек. И бары с кабаками закрыты. Даже безобидные оргии всего на пару десятков участников сейчас, наверное, тоже нельзя.

Группа ошеломлённо переглядывается – типа, а надо бары, дискотеки и оргии? Это полезно? А для чего?

Они новички, им со мной пока трудно. Непонятно, в каком месте смеяться (ничего, потом поймут, что примерно в любом).

Первой хихикает Анэличка, сообразительный помидорчик в красной куртке, за ней ещё две девчонки. «Да, без оргий живётся непросто», – нарочито трагическим голосом подтверждает длинный, мрачный с виду мужик; имя пока не помню, только что оно совершенно ему не идёт. Но важно не имя, а то, что теперь наконец-то все улыбаются. А кое-кто в голос ржёт.

Я говорю:

– С оргиями выкручивайтесь как знаете, тут я вряд ли вам помогу. Но пару новых способов развлекаться всё-таки подскажу. Например, можно ходить по улице, закрывая и открывая глаза. Можно идти на счёт, скажем, пять, или десять шагов, зажмурившись, столько же – обычным образом. А можно открывать глаза всего на секунду, чтобы посмотреть на дорогу, и опять закрывать. Кому как больше нравится. Главное, чтобы вы не падали. А ещё важнее – чтобы не боялись упасть.

– Или врезаться в столб, – добавляет кто-то из группы. – Или столкнуться с прохожим. Или выйти на проезжую часть.

– Или ваш сыночек пойдёт в погреб за пивом, – подхватываю я. – Бояться – деньги на ветер. Ни пользы, ни удовольствия. Придётся

учиться себе и всему вокруг доверять.

Я говорю:

– Ещё можно ходить, слегка наклонившись, и смотреть строго себе под ноги. Такая простая штука, казалось бы. Но сами увидите, какой будет эффект.

– А можно сейчас попробовать? – спрашивают сразу несколько человек.

– Давайте, чего тянуть.

Они разбредаются в разные стороны. Кто-то передвигается медленно и осторожно, кто-то почти бежит. Это не имеет значения, лишь бы им нравилось. Лишь бы захотелось потом повторить. И ещё, и ещё, больше, чаще. Ни дня без моих развлечений. В этом смысл.

– По-моему, мы сейчас здорово сэкономили на психоделиках, – говорит раскрасневшаяся Анэличка, остановившись рядом со мной.

– Да, – киваю. – Рачительность и экономия! Чему ещё молодых хозяйшек в трудные времена учить.

Я говорю:

– И самое шикарное развлечение – идти, скосив глаза к переносице. Смотреть на раздвоившийся мир. Держать картинку как можно дольше. На психоделиках столько сэкономите, что усадьбу можно купить! А самое главное, миру нравится, когда мы так на него смотрим. Он очень любит чувствовать себя двойным. И каждого, кто в этом ему помогает. Это вам вместо оргий. Невероятное, лучшее из доступных нам ощущений – когда тебя любит весь мир.

Чистую правду говорю, между прочим. Я всегда говорю только правду. И от этого становится правдой всё, что я говорю.

Вильнюс, Ноябрь 2020

– А это у нас вообще когда-нибудь издавали? – спросил Тим. – Ух какая странная книга!

Он зачарованно крутил в руках потрёпанную «Мудрость вымысла» Орбелиани^[14], издание шестидесятого года прошлого века, на русском языке.

– Понятия не имею, – пожал плечами Самуил. – Но по моим ощущениям, добыча, знаешь, не очень. Явно не супер-хит.

– Издавали в «Адарэ», в пятом году Таэра, то есть, получается, уже почти сто семьдесят лет назад, – сказала Надя, которая в книгах не рылась, а сидела на стопке ветхих томов всемирки^[15] в обнимку с поработившим её волю и разум рыжим полосатым котом. – Тогда книга прошла незамеченной. Думаешь, надо попробовать переиздать?

– Я вообще ничего не думаю, – признался Тим. – Просто очень странная книга, я от подобных текстов совершенно отвык, и теперь они меня завораживают. И такое смешное название! «Мудрость вымысла» – так могло бы называться какое-нибудь старинное эссе о пользе работы Ловцов, написанное в ту пору, когда мода на книги из потусторонних реальностей только-только начала зарождаться, и учёные ещё спорили, впрок нам это пойдёт или нет. Но конечно самое главное – запах. Вдыхал бы его и вдыхал!

– В том-то и дело, – подмигнул ему Самуил. – Запах старых книг это страшная сила. Вот и тебя он околдовал.

– Да. Но я ни о чём не жалею. Хорошее колдовство. Я, пожалуй, куплю эту книгу. Не для издательства, а себе. Буду с ней спать, как дети спят со своими игрушками. Нюхать и видеть очень странные сны.

– Отлично, – сказала Надя. – Если ты будешь спать с этой книжкой, значит акула моя!

– Забирай на здоровье, – улыбнулся Тим. – Хочешь, хоть навсегда.

– Спасибо! – просияла она. – Но навсегда наверное не обязательно. Дома у меня Туча есть... если Хатан его мне отдаст, конечно. Он вообще-то признался, что мечтает Тучу украсть. Что ещё

полбеды, какой из него похититель. Но он вполне может за это время так Тучу очаровать, что придётся отдать добровольно, нельзя же чтобы кот тосковал.

(Тэко Машши всего один раз побывал в ТХ-19 во время студенческой практики, провёл три недели в Париже и попросил преподавателей впредь по возможности отправлять его в любые другие реальности, лишь бы не в ТХ-19, пожалуйста, хватит с меня. Так и сделали, если человеку где-то настолько сильно не нравится, зачем его заставлять, тем более, что желающих специализироваться по ТХ-19 и без него полно. Но того визита хватило, чтобы у Тэко Машши появилось местное имя Хатан, почему-то якутское, больше ни у кого из Ловцов такого редкого имени нет. Теперь, когда друзья и коллеги здесь его вспоминают, называют Хатаном, и всем сразу понятно, о ком идёт речь. Больше скажу, если бы Тэко Машши вообще никогда не бывал в ТХ-19, у него всё равно появилось бы местное имя в тот момент, когда кто-нибудь из знакомых впервые на территории ТХ-19 его в разговоре упомянул. Но кстати, кот Туча так и остался Тучей, и пса бы назвали как дома, и птицу, и прирученного ужа, кого угодно, на представителей фауны этот странный выверт реальности почему-то не распространяется, скорее всего потому, что они сами не разговаривают на человеческих языках. Логично было бы проверить эту версию на попугаях, но с попугаями такая беда: в Сообществе Девяноста Иллюзий они только бессвязно орут и чирикают, иногда скрипят как двери, или шумят, как вода, а по-человечески не говорят.)

– Хатан может, – со знанием дела подтвердил Самуил. – Он такой! Как старая книга, очаровывает самым фактом своего бытия. Мой тебе совет, дорогая: запасайся котами впрок, чтобы легче было смириться с потерей. Да хоть этого рыжего с собой унеси!

– Этого нельзя, – вздохнула Надя. – Во-первых, ему и так хорошо живётся. А во-вторых, он тут главный начальник. Это его магазин.

– Как – его? – удивился Тим. А Самуил укоризненно покачал головой, что в его исполнении означало: «Не морочь человеку голову, он же верит любым словам».

– Вы просто не слышали, о чём мы говорили с хозяйкой, – улыбнулась Надя. – Она рассказала, что подобрала этого рыжего котёнком на улице, принесла домой, а домашние кошки его не приняли. Так бывает, не знаю уж почему. И что в такой ситуации

делать? Возвращать на улицу жалко, а у родни и знакомых своё зверьё. Но выход нашёлся. Она давно мечтала о букинистической лавке, но не решалась её открыть. Так себе бизнес в эпоху электронных читалок, когда стало модно избавляться от старых бумажных книг. Но аргумент, что в лавке можно будет поселить кота, оказался сильнее прагматических соображений. И – вуаля.

– Ух ничего себе! – присвистнул Самуил. – Какой удачливый зверь! Уважаю.

– У этого кота и его хозяйки всё будет отлично, – сказала Надя на родном языке.

– На еду и аренду в любых обстоятельствах заработают, – присоединился к ней Тим.

Самуил снова укоризненно покачал головой. Теперь это означало: «Вы обалдели, мои дорогие – так подставляться по пустякам».

– Они мне нравятся. И кот, и хозяйка, – твёрдо сказала Надя. – Это не пустяки.

А Тим признался:

– Я каждый раз, когда здесь бываю, что-нибудь хорошее про них говорю. Очень люблю эту лавку. У нас дома такие – обычное дело. Много их. А в ТХ-19 она – драгоценность. Историю про кота я раньше не знал. Но и без неё отличное место. Дух, атмосфера! Столько старинных книг! И вот прямо сейчас работает как ни в чём не бывало, хотя вокруг всё закрыто на карантин. Чудо, на самом деле, здесь так не бывает. А она есть! Вы оба по дороге сюда говорили, что этот город не похож на другие города ТХ-19, и это правда. Он особенный, очень странный, я поэтому иногда тут сижу месяцами. Но такие оазисы даже здесь наперечёт.

– Ладно, вы оба правы, – кивнул Самуил. – Тогда с меня тоже взнос. Я денег хозяйке оставлю. Коту на консервы. Так же можно? Я не буду выглядеть как совсем конченный псих?

– Не будешь, – улыбнулся Тим. – Здесь посетители чаще скидываются на еду для кота, чем покупают книги. Подозреваю, на сдачу хозяйка как раз оплачивает аренду. Лучший в мире бизнесмен этот кот!

– В этом городе вообще потрясающие коты, – сказала Надя. – Все, кого мы сегодня видели, один другого прекрасней. Хоть действительно домой их тащи... А это идея! Здешние книги меня давно перестали

радовать. Пора менять специализацию. Стану первым в мире Ловцом котов.

– Вот это поворот! – восхитился Тим. – А что, кота из потусторонней реальности многие захотят завести. Домашних только не трогай. Им и так отлично живётся, здесь люди любят своих зверей. Но в городе есть приют для бездомных. Мой сосед там взял своего кота. Если хочешь, найду тебе их сайт в интернете. И телефон, и адрес приюта там есть.

– Спасибо, – вздохнула Надя. – Ты прости, я опять забыла, что ты шутки не всегда понимаешь. С другой стороны, может, это мне только кажется, будто я так смешно пошутила? А через несколько дней поволоку домой мешок бездомных котят.

– Только в мешке их таскать не надо, – серьёзно сказал ей Тим. – Лучше купить нормальную переноску. Я знаю один не закрывшийся на карантин магазин.

* * *

Диспозиция такова: кот Раусфомштранд лежит на буфете и внимательно смотрит на Дану, которая варит глинтвейн в здоровенной, литров на двадцать кастрюле (она знает что делает, в такую погоду глинтвейн улетит мгновенно, ещё, чего доброго, и не хватит, зябкий у нас ноябрь). В глинтвейне плавают пряности и так прельстительно кружатся на поверхности, что глаз кошачьих не оторвать.

Куница Артемий сидит на плече Артура, страшно довольный таким обстоятельством. Они с Артуром большие друзья. На практике это, в частности, выражается в том, что Артемий скачет по Артуру, как по дереву, но при этом его ни разу не поцарапал и одежду на нём не порвал. С другими людьми этот фокус у Артемия получается не так часто, как хотелось бы всем заинтересованным сторонам. То ли Артур какой-то особо неуязвимый, то ли Артемий так его любит, что при всяком контакте с Артуром когти куницы перестают быть острыми сами собой.

Артур читает вслух «Вавилонский разговорник»^[16], который нашёл в одном из книжных ящиков по дороге в бар. Эта книга состоит из абсурдных реплик, переведённых на разные иностранные языки. У

«Вавилонского разговорника» только один недостаток: в нём всего сто семьдесят шесть фраз, а не, к примеру, три миллиона восемьсот сорок тысяч двести семьдесят семь. То есть книга довольно быстро закончится. Не хватит, чтобы читать всю жизнь.

– Как пройти прямо? – зачитывает Артур. – Могу я называть вас Иннокентий? Я всю жизнь мечтал купить два билета, пожалуйста. Да это самая старая шлюха в городе! Наша секта ближе к метро.

Дана хохочет, сам Артур тоже смеётся, но сдержанно, чтобы не уронить куницу Артемия. Ну, ему легко себя контролировать, он по дороге уже всё прочитал и вот тогда хохотал в голос, пугая редких прохожих, которые думали, поспешно переходя на другую сторону улицы: «очередной бедолага от карантина сошёл с ума». И это я ещё проявил милосердие, – мог бы сказать им Артур. – Не гонялся за вами и вслух не выкрикивал всё, что написано там!

Арунас по прозвищу Три Шакала уже не смеётся, а стонет, певица Наира закрыла лицо руками, у соседа Андрея и молчаливого завсегдатая, которого Дана называет «поэтом», слёзы текут по щекам. Только старуха Мальвина слушает очень внимательно, как серьёзная школьница – такая полезная книга, такие важные фразы, чего смеяться, вот же глупая молодёжь! И Труп не смеётся, потому что, во-первых, доброй половины не понимает, для него большинство разговоров в «Крепости» примерно такой же абсурд, а во-вторых, он сейчас разбирает свои отпечатанные фотографии, смотрит на них, как будто впервые увидел, его разум панически мечется между «всё ужасно» и «я чёртов гений»; короче, Труп не до того.

Дверь «Крепости» открывается. На пороге стоят сразу трое. Вроде бы незнакомые, – думает Дана; впрочем особо гостей не разглядывает, следит за глинтвейном. – Интересно, кого это к нам принесло?

– Здравствуйте, земляне! – читает Артур, и все взрываются хохотом. Это, вероятно, называется «второе дыхание». Только что никто больше смеяться не мог.

– Вы с Марса, или с Юпитера? – сквозь смех спрашивает Дана.

Вошедшие растерянно переглядываются, наконец ослепительно бледный темноволосый мужчина в ярком (зелёное! оранжевое! лиловое!) полосатом длинном пальто отвечает:

– Сложно вот так сразу сказать. У нас нет служебной инструкции, а без неё непонятно, как лучше соврать. Войдите в наше положение, мы сами не местные, бедные космические пираты без бластеров, нам бы просто бессмысленно забухать.

«Хорошие! – думает Дана. – Вот как надо с нами знакомиться!» А вслух говорит:

– Бессмысленно забухать – именно то, чем мы здесь занимаемся. Это вы удачно зашли.

– Так это я их привёл. В смысле, нас, – говорит один из троих. – Ты что, меня не узнала?

– Ой, Тимка! Действительно не узнала. Богатым будешь, – улыбается Дана. – Ты куда так надолго пропал? Заходи. Все заходите немедленно! И дверь закройте, дует же. За это я дам вам глинтвейна. Не особо пиратский напиток, но раз вы без бластеров, для начала сойдёт.

– Не пиратский, зато совершенно космический. Офигенный глинтвейн! – говорит, попробовав, Тим.

– Какой кот прекрасный! – восхищённо вздыхает Надя. И сообщает Раусфомштранду: – Ты кот!

Тот, в общем, сам в курсе, что он кот и прекрасный. Таким откровением Раусфомштранда не удивишь. Но он всё-таки переводит взгляд с кружащихся в кастрюле бадьяновых звёзд на Надю. Спрыгивает с буфета, неторопливо подходит к гостье и бодает в голень лобастой серой башкой.

– Ой, он меня забодал, – радуется Надя. И торжествующе повторяет: – Забодал!

– Вот сколько я слышала про любовь с первого взгляда, – смеётся Дана. – И в книжках читала. Да чего уж, сама в этом смысле не без греха. Но что однажды такая беда случится с моим Нахренспляжиком, в страшном сне вообразить не могла!

– Как-как, вы сказали, его зовут? – заинтересованно переспрашивает Самуил.

– Раусфомштранд, – отвечает Дана. – Нахренспляжа это детское имя. Сейчас невозможно представить, каким он лютым антихристом был!

Самуил кивает, сохраняя подобие невозмутимости, но глаза его сияют, как два голубых фонаря. Он смотрит на Дану, кота, Артура с

куницей Артемием, старуху Мальвину с искусственными маками в седых волосах, стены цвета бледной поганки, потолок, разрисованный разноцветными рыбами, щербатую кружку с глинтвейном и всё остальное примерно так же, как Дана на его пальто. То есть, с выражением «спасибо, господи, что такое бывает на свете, и ты мне это сейчас показал».

– Я люблю козинаки, бабушку и бластеры, – громко, с выражением зачитывает Артур.

– Вот молодец какой! – умиляется старуха Мальвина. – Бабушку любит. Хороший внук.

* * *

Из «Крепости» ушли сильно за полночь и только потому, что Дана всех разогнала. Объявила: всё, баста, я живой человек, мне иногда надо спать. Дольше всего пришлось уговаривать Раусфомштранда, который был недоволен, что Дана не забирает Надю домой третьим домашним питомцем, а как было бы хорошо! Но Дана твёрдо сказала: «Она не поместится в переноску», – а Надя пообещала, что завтра придёт опять. Обычно звери не признают никаких «завтра», им непонятны такие абстрактные категории как «будущее», но мало ли что обычно, Раусфомштранд настолько прекрасно всё понимает, что Наде пришлось перенести свидание на день позже, потому что завтра у Раусфомштранда с Артемием выходной. После этого Раусфомштранд наконец согласился занять своё место рядом с коллегой в переноске, закреплённой на багажнике специального трёхколёсного велосипеда для взрослых; в наших краях такая большая редкость, но Артур для Даны где-то его раздобыл, чтобы возила свой зверинец с комфортом (на обычном переноске крепилась ненадёжно и неустойчиво, кота от качки тошнило, и вообще было совершенно не то).

Домой шли не то чтобы молча, но в основном обменивались жестами и междометиями: «А-а-а-а-а!» «Нет, ну надо же!», «Ух ты, смотри чего!». Не потому что ужрались вусмерть, глинтвейном особенно не ужрёшься, а у Даны сегодня был только он. Просто ночной незнакомый город, внезапно по-домашнему праздничное

настроение, эмоции через край. Плюс Труп, который носился с камерой, как расшалившаяся собака, то отставал от всех, то обгонял, фотографировал их отражения в пыльных стёклах витрин и силуэты в фонарном свете, восклицал, ругая любимую старую камеру: «Вот дерьмо!» – и «scheiße» в его исполнении звучало почти как «счастье», потому что это и было оно.

Дома открыли бутылку граппы, после первой рюмки Надя и Самуил заговорили одновременно, перебивая друг друга: «Какой бар! А какой у них кот! Ну и странное место! Ничего себе ты нас привёл! Дана! Кот и куница! Глинтвейн! Артур! А какая старуха! И кот! И тот молчаливый чувак совершенно как наш, но не наш, он же явно не местный, пришёл и сидит такой! А сосед твой реально же гений! И все они там непростые! Особенно кот!»

– Как из какой-нибудь хорошей книжки все вылезли, да? – улыбнулся Тим, страшно довольный, что друзьям понравился Данин бар. – И так в этом городе всё; ладно, не всё, кое-что, фрагментами. Но здесь очень много этого «кое-чего»... А круче всех сама Дана, конечно. Вы уже поняли, что у этого бара защита от посторонних примерно такая же как у нас? Причём она его очень хитро закрывала, не от всех подряд, а то там много лет сидела бы одна и та же компания. Но нет! Кому в «Крепости» будут не рады, её и не замечают. На вывеску обращают внимание только те, кому стоит туда зайти.

– Ну это вообще нормально, – сказала Надя. – Не будь у некоторых здешних людей силы адрэла, как, интересно, они смогли бы нашу реальность своими грёзами породить?

– Теоретически, да, – согласился Тим. – Но увидеть такое своими глазами я не рассчитывал. Ух как мне повезло!

– И нам, – подхватил Самуил. – Я вроде опытный, а тоже раньше здесь таких людей не встречал. А может встречал, да проходил мимо. Я вообще не особо интересовался местными жителями. Книжек хороших ещё написали? Давайте сюда, спасибо, пока-пока.

– Ну это вообще нормально, – снова сказала Надя. – С местными не получается близко дружить. – И помолчав, добавила: – А может, раньше не получалось. Прошедшее время. Посмотрим, насколько оно прошедшее. Сегодня я слишком счастлива, чтобы верить себе.

– Счастлива? – обрадовался Тим. – Ну, я на это надеялся, когда вас в гости заманивал! Но не был уверен... или всё-таки был?

– Да, ты нам сделал шикарный подарок, – улыбнулся ему Самуил. – Я сейчас ужасную вещь скажу. Еретическую! По-моему, этот бар интересней всех здешних книг вместе взятых, за исключением, разве что... ладно, положим, список исключений довольно велик. Но всё равно, дорогой, это шайзтье, как твой сосед в таких случаях говорит.

Потом, уже лёжа под одеялом на кухонном диване в обнимку с акулой, которую ей Тим уступил, Надя подумала: это же совершенно как в детстве, дома, когда засыпаешь на кухне, только вместо акулы у меня был плюшевый крокодил. И не только сейчас! – осенило её. – Вообще всё как в детстве. Весь день! Вот почему я сегодня так счастлива, – думала Надя. – Этот город очень похож на Грас-Кан. Не с виду, а атмосферой. И даже домашние запахи доносятся иногда. Чем они, интересно, топят камины и печи, что дым такой сладкий? У нас-то понятно, ветки кустарника кан, который растёт быстрее, чем мы его рубим, главное, больше трети веток за раз у него не брать. А здесь? Надо будет спросить эту Дану. Или нет смысла спрашивать? Дело, скорее всего, не в дровах, а в здешнем пьяном, совершенно весеннем воздухе. Из-за него такой сладкий медовый дым.

Открытие так воодушевило Надю, что ей хотелось вскочить, побежать, растолкать Самуила и Тима, сказать им: «До меня только что дошло, этот город похож на Грас-Кан!» Но не стала, конечно, потому что, во-первых, лень вылезать из-под тяжёлого тёплого одеяла, и акула отлично пригрелась на животе. А во-вторых, бессмысленно им рассказывать. Они оба родом из Лейна. Вежливо согласятся: «надо же, как интересно», – перевернутся на другой бок и уснут. Кто не вырос в Грас-Кане, не поймёт, какого рода сходство я имею в виду, – думала Надя. – Я и сама-то едва понимаю. Слишком давно уехала из Грас-Кана. Надо, что ли, съездить летом туда. И Тима с собой позвать, он там ни разу не был, а я местная, проведу. Иногда надо делать друзьям такие подарки: привозить их в Грас-Кан. Вот он обалдеет! А главное, после этого можно будет с ним про Вильнюс поговорить. Тим умный. И чуткий. Сто процентов тоже заметит сходство. При условии, что оно мне не примерещилось, а действительно есть.

И Самуила с собой позовём, – засыпая, думала Надя. – Поедем в Грас-Кан втроём, как сюда добирались. Он отличный, лучше всех в

мире. А что в меня не влюблён – ну, бывает. Важно не это, а что с ним не соскучишься. Что он добрый, как южный ветер, что надёжный, как слово. Ай, да всё на свете важней не-любви.

- *Что мы знаем о цивилизации TX-19?*

Может показаться, что всё, потому что мы тут живём. А на самом деле, не больше, чем, скажем, о том же Лейне. Или о древней культуре Хойна, на которой помещан Хатан, в смысле, уважаемый адрэле Тэко Маишии, великий любитель рукописей на стекле.

Иными словами, ни хрена о себе мы не знаем. Потому что с методами познания тут, будем честны, не очень. А с его (познания) инструментами – так и вовсе кранты. Всё, что можно сказать о TX-19 с полной уверенностью, – здесь жизнь иногда побеждает смерть, как у Хармса, неизвестным нам способом. И это красиво всему вопреки.

(На самом деле я про эту вашу; ладно, нашу TX-19 много могу рассказать такого, что не всякому врагу пожелаешь узнать. Собственно, поначалу был у меня такой план – рассказать читателям понятными простыми словами, с присущей мне интонацией доброго сказочника, что тут мёртвые хищные твари делают с живыми людьми, созданными, по изначальному замыслу, для радости и любви, по какой причине это стало возможно, что именно поломалось, почему уже практически нет надежды этот механизм починить. Даже если наяву не поверите – это же просто книжка, фантастика, вымысел, беллетристика, полная ерунда! – то во сне потом будете плакать от горя и от страха кричать. Но этого мне как раз и не надо – чтобы вы кричали и плакали. Даже когда пишешь на одном из

*лживых языков ТХ-19, не следует силой своего слова дополнительно ад
утверждать.)*

Лейн, Первая зима —го года Этера

Зима наступила внезапно в самый разгар весны, потому что подул ледяной горный ветер, и продолжалась три дня. Это огромная редкость, удивительное явление, в последний раз что-то подобное было лет двести назад. То есть, по идее, многие помнят, но удивились они не меньше, чем молодёжь, которая про такое только в «Хрониках Лейна» читала. Занесённые снегом пляжи! Сугробы! Чайки гоняются за снежными хлопьями! Цветущие черешни в снегу!

Впрочем, района Козни, где живёт Ший Корай Аранах, это – чудо? бедствие? происшествие? – не коснулось. Козни вообще своеобразный район. Ведёт себя так, словно он отдельный город, а не окраина Лейна. И небо там не зеркальное, и вместо черешен со сливами растут в основном апельсины, и погода вечно какая-нибудь своя, даже радуги в Козни трёхцветные: синий, зелёный, жёлтый, и хватит с вас. И большое пресное Белое озеро цвета топлёного молока, как альтернатива Тёмному морю, хотя справедливости ради, жители Козни как миленькие ездят на пляж, благо туда ходит трамвай. Белый, в честь озера, самый длинный из четырёх городских маршрутов «Козни – Приморский сад».

Анн Хари как раз ехал в Белом от Приморского сада и смотрел, не отрываясь, в окно, за которым снег валил такими крупными хлопьями, словно Лейну достался первый приз в лотерее, где разыгрывались общемировые запасы снегов. Температура была ощутимо выше нуля, но снега оказалось так много, что он просто не успевал растаять, всюду лежал. И вдруг – бац! – солнце жарит почти как летом, тротуары сухие, прохожие ходят в сандалиях, добро пожаловать в Козни, здесь у нас – так.

Он очень любил эту окраину, так нелепо, вызывающе нарядно застроенную, словно все архитекторы, которые работали в Козни, думали, здесь не настоящая стройка, а детский конструктор, игра. Между разноцветными многоквартирными зданиями причудливых

форм цвели апельсиновые сады и прятались деревянные, больше похожие на загородные дачи маленькие дома. В одном из таких домов на Тенистой улице жил ШиКоНах. Совсем дальний конец, от трамвайного кольца почти полчаса пешком. Здесь почти никто не живёт, очень уж неудобно, в соседних домах даже призраков не доищешься, и этот много лет пустовал, пока Ший Корай Аранах в него не въехал, давным-давно, почти вечность назад, когда был приезжим студентом, у которых выбор – или общежитие рядом с университетом, или отдельное жильё на окраине, в ректорате каждый год обновляется список квартир и домов, которые студентам разрешено занимать. На первых курсах все обычно хотят в общежитие, где тесно и шумно, и вечно дым коромыслом, зато весело и вокруг друзья. Но через несколько лет понимают, что в общежитие хорошо заходить в гости, а ночевать лучше дома, где никто не постучится к тебе с заманчивым предложением устроить в твоей комнате вечеринку – вот прямо сейчас, в четыре утра. ШиКоНах тоже прошёл этот путь и в начале пятого курса получил ключи от крошечного зелёного домика в Козни, наполовину из дерева, наполовину из кирпича. Два этажа, внизу кухня, наверху комната, большая веранда с навесом, вокруг – старый, как космос, и примерно такой же запущенный сад.

С тех пор многое изменилось, Ший Корай Аранах столько сделал для Лейна, что мог бы во дворце поселиться, городской совет был бы только рад. Но ему нравится жить в маленьком доме на дальней окраине Козни, и дом доволен хозяином, и сад от него в восторге, зачем куда-то переезжать. Анн Хари на его месте и сам бы отсюда не съехал. А на своём – поселился бы в Козни где-нибудь по соседству с другом, если бы не был Ловцом. Ловцу, – уверен Анн Хари, – не стоит жить в любимом районе, растить там сад и обустраивать дом, потому что уходить оттуда уже не захочется. Отложишь охоту на пару дней, на неделю, до осени, потом, чего доброго, возьмёшь отпуск на год, ну и всё, прощайся с профессией, кто не хочет уходить из милого дома в чужую реальность, тот никогда не уйдёт.

Может показаться, что Анн Хари – странный, этакий эксцентричный аскет. Но именно в этом вопросе он похож на большинство Ловцов. Многие из них живут – не то чтобы плохо, но далеко не так распрекрасно, как могли бы устроиться. Чаще всего арендуют небольшую квартиру где-нибудь в шумном центре, или

снимают номер в гостинице, у кого-то просто комната в родительском доме, или у близких друзей. Анн Хари предпочитает отели, причём даже там не засиживается, как почувствует, что привык и прижился, тут же переезжает в другой. Но уходить из Лейна в ТХ-19 ему всё равно с каждым разом трудней. Потому что здесь, дома – любовь и радость. А там – всего лишь азарт и долг. Знать бы ещё, – думал он, пока трамвай неторопливо ехал к конечной, Белому Козни-кольцу, – что за долг, откуда он взялся, зачем я себе его выдумал?

Отвечал себе: «Знаю. Не выдумал», – но упорно игнорировал этот ответ. Потому что знать его тяжело, легче продолжать неуверенно думать: «Я уже будь здоров поработал. На десяток хороших Ловцов хватило бы книг, которые я принёс. А сколько сам перевёл! Давным-давно мог бы остановиться. И хочу – хотел бы всем сердцем, если бы не этот мне самому непонятный (понятный! понятный!) долг».

Да и чёрт с ним, – думал он, пока шёл, на ходу снимая пальто и свитер, по улице Дальней, где между булыжниками тротуаров пробивается сизая тень-трава, – прямо сейчас-то я счастлив. Всё остальное – абстрактные размышления, на самом деле кроме этого счастья нет ни черта.

– В городе третий день зима, – сказал он другу, который вышел к калитке его встречать. – Снег не успевает растаять, сугробы всюду лежат.

– Я вчера ездил смотреть, – кивнул ШиКоНах. – Но из трамвая так и не вышел. Сам дурак! Поленился пальто и тёплую обувь в кладовке искать. Посмотрел на эти сугробы, подумал – да ну их на хрен, я в летних сандалиях! – сделал круг на кольце и поехал назад.

Анн Хари понимающе ухмыльнулся, – дескать, типичный ты, лентяй и растяпа, изнеженный житель Козни, что с тебя взять – прошёл через сад, где цвели апельсины, и только уже на пороге дома понял, что друг всё это время говорил с ним по-русски. Выучил, значит, потусторонний язык. Выполнил просьбу. Зараза такая. Твою же мать.

– Зараза такая, – сказал он по-русски, благо наконец-то стало можно ругаться вслух. – Ты это нарочно?

– Что – нарочно? – удивилась зараза.

– Выбрал самый тяжёлый для меня язык.

– Так предупреждать надо было. Ты сказал, сойдёт любой из основных языков ТХ-19. А на русском моя любимая книга написана, всегда хотел в оригинале её прочитать.

– Любимая книга?

– Ну да. Название вылетело из головы, давно читал. Лет десять назад, может больше. Теперь жду когда Та Ола вернётся, спрошу у него. Это он принёс ту книгу в СэньДэ. И даже, кажется, сам перевёл... О, а может, ты знаешь? Книга состоит из коротких рассказов, все про путешествия и поездки по разным городам.

– Не знаю, – неохотно признался Анн Хари. – Я чужие находки читаю только если надо помочь с переводом. Остальное не успеваю, откладываю на потом.

– Ладно, неважно. Та Ола вернётся, возьму у него оригинал. Сам перечитаю и тебе обязательно дам.

– Думаешь, надо?

– Уверен, что да. Я люблю книги из ТХ-19 и прочитал их гору, но ничего подобного до сих пор не встречал. Там главное – атмосфера. Не «что происходит», а «как». Пока я читал, мне казалось, эта книга не про людей ТХ-19, а про нас. Я сам в юности примерно так же мотался по свету, один и с друзьями, по делу и просто так, всё равно куда, потому что весь мир прекрасен, хочется самому всё увидеть, потрогать и обонять. И по дороге с нами тоже случались весёлые, страшные и просто дурацкие чудеса. Я читал и думал – ну надо же, они там в ТХ-19, оказывается, точно такие как мы!

– Это всё-таки вряд ли, – сухо сказал Анн Хари.

– Да я в курсе. Собственно, поэтому так удивлён. У меня впервые в жизни возникло ощущение настоящей душевной близости и родства с персонажами книги ТХ-19. И теперь я хочу узнать, как там было в оригинале. Переводчик передал настоящую атмосферу, или создал её сам? Ты знаешь, так иногда бывает...

– Знаю, – согласился Анн Хари. – Скорее часто, чем иногда. И это к лучшему. А то было бы чересчур тяжело читать. Авторский текст перевирать нельзя, но атмосфера-то создаётся порядком слов, интонацией, ритмом. Я сам всегда нарочно слегка её изменяю. Чтобы читателей не раздавила тяжесть оригинала. Это, знаешь, как ребёнка в тёмном парке обнять – заранее, не дожидаясь, пока испугается. Зачем

ему этот опыт глупого страха? Пусть лучше побыстрее войдёт во вкус и полюбит гулять по ночам.

– Отлично ты по-русски болтаешь, – заметил ШиКоНах, пропуская его на веранду. – А говоришь, тяжёлый язык. В чём заключается тяжесть? Чего ты ругался? Просто для удовольствия?

– Ну, обругать тебя вслух я и правда давно мечтал, – признался Анн Хари. – Буквально с первого дня знакомства. Невыносимо было столько лет тебя не ругать! А тяжёлый язык не в том смысле, что я говорю на нём плохо, или чего-то не понимаю. Учат-то всех всему одинаково, закладывают в сознание не просто слова и правила, а полноценный опыт носителя языка. Просто от языков славянской группы у меня быстро портится настроение. Сам себе становлюсь не рад. Но у остальных Ловцов всё нормально. То есть дело в каких-то моих тараканах, а не в самих языках. Ну ничего не поделаешь, у каждого свой заскок. Я поэтому со славянскими никогда не работаю, хотя много теряю, интересных книг в этом секторе дофига... Ладно, неважно. Просто я почему-то сразу подумал, ты выбрал русский язык специально, чтобы мне насолить. Хотя на самом деле я тебе никогда не рассказывал, что есть такая проблема. Зачем тебе мои профессиональные заморочки, ты не Ловец. Удивительно, с чего я вдруг взял, что ты знаешь...

– Нет, – возразил ШиКоНах. – Удивительно тут другое. Что ты решил, будто я нарочно выбрал для наших разговоров язык, от которого у тебя портится настроение. Откуда вообще взялась такая причудливая концепция? За кого ты все эти годы меня принимал?

– Слушай, не знаю, – честно сказал Анн Хари. – Прости. Вот только сейчас сам понял, как это дико. Как будто мы с тобой это не мы, а какие-то посторонние люди из ТХ-19, которые любят мучить друг друга просто так, потому что могут, хотя бы по мелочам. Это называется «профдеформация». Смешное слово. Но точное. Когда опыт так сильно тебя искажает, что разрушает самую суть, надо уходить из профессии. Я как раз по дороге думал, что пора мне в отставку. И уже очень хочется. Но пока не могу.

ШиКоНах обнял его, силой усадил в старое кресло и, как ребёнка, погладил по голове. Сказал:

– Ладно тебе. Раз не можешь, значит пока не пора. Ты мне лучше скажи, от чего у тебя настроение поднимается? Для равновесия.

Потому что ты мне задолжал сказку на ночь. И рассказывать её придётся по-русски. Сам виноват, что не сказал человеческим голосом про славянскую группу. Учить какой-нибудь новый язык – ещё два сеанса, как минимум. Скорее три. С перерывами! Не хочу. Ну его к лешему. Я и так слишком долго ждал.

– От тебя оно вполне поднимается, – почти невольно улыбнулся Анн Хари. – От самого возмутительного факта твоего ещё более возмутительного бытия. Так что может всё будет нормально. Главное, не предлагай мне вина. Такие сказки только на трезвую голову можно рассказывать. Сам поймёшь, почему.

– Да я вообще не особо гостеприимный хозяин. Грайти с утра остался, подогрею, и хватит с тебя, – ухмыльнулся ШиКоНах. И тут же добавил: – Вот чем прекрасны потусторонние языки! Можно вслух говорить о себе и других разные абсурдные вещи. Хороший способ шутить.

– Именно! Рад, что ты оценил. Я давно тебе говорил, что потусторонние языки – отличная штука. Но ты наотрез отказывался их учить.

– Ну слушай. Чего только не бывает. Раз в жизни даже я могу оказаться неправ.

– Раз в жизни! – с чувством повторил Анн Хари. – Раз в жизни! Вот же зараза самодовольная. Гад и засранец. Нет слов.

– А это что, не слова сейчас были? – невозмутимо спросил ШиКоНах и удалился на кухню. Крикнул оттуда: – Ты счастливчик! Кроме остывшего грайти у меня остались прекрасные чёрствые корки от позавчерашнего пирога!

– Я в Грас-Кане допился до прошлой жизни. То ли действительно вспомнил, то ли просто примстилось, сам никак не пойму, – сказал Анн Хари после того, как они выпили грайти, сварили кофе и тоже выпили – со свежайшим, явно специально испечённым к его приходу сливовым пирогом.

То есть откладывать исповедь было уже совсем некуда, больше не отговоришься, что невозможно рассказывать серьёзные вещи с набитым ртом.

– Ну так это вполне обычное дело, – заверил его ШиКоНах. – Многие помнят свою прошлую жизнь. Одни с раннего детства, другие

уже взрослыми вспоминают. Конечно не каждый второй, а примерно один из нескольких сотен. Но согласишься, в сумме ничего так число.

– Наверное. Я не знаю. Мне всё равно, что там помнят другие. Может, у них крепкая психика, или прошлая жизнь была похожа на нынешнюю. Или им тоже трудно, но это мне ничем не поможет. С собой-то каждый справляется сам. Я пока не особо справляюсь. На нетвёрдую троечку. Говорю себе, что просто спьяну приснилось, полная ерунда. С этой концепцией жить легко и приятно. Но...

– Но при этом ты знаешь, что на самом деле не приснилось, а вспомнил?

– Не то чтобы именно знаю, хотя... Ну, наверное да.

– На твоём месте я бы особо не парился, – сочувственно сказал ему друг. – Жизнь – это то, что происходит с сознанием. В этом смысле нет разницы между снами и тем, что случается наяву.

– Да, наверное. Теоретически. А на практике всё-таки есть. Мне, понимаешь, приснилась – ладно, предположим, что вспомнилась – совсем хреновая жизнь. И не где-нибудь, а в ТХ-19. Сколько раз там бывал, неизменно думал: какое же счастье, что я здесь не родился. А оказалось, родился. Спасибо, конечно, что когда-то давно, а не прямо сейчас. Жизнь получилась короткая и бессмысленная, как у всех там. Но при этом я, то есть, он... Короче, тот нелепый, несчастный, глупый, злой, потерянный человек, которым я был, или всё-таки не был, придумал Грас-Кан. Грезил им с детства. Он мне снился. И за окном мерещился иногда. Город-счастье. Вечный праздник, где всегда хорошо. Проснувшись, я записывал всё, что помнил, но этого было слишком мало, я начал сам сочинять. Придумывал, как там всё устроено. Рисовал его улицы и дома. Даже поступил в художественное училище, специально, чтобы научиться хорошо рисовать мой волшебный город, само по себе рисование меня совершенно не интересовало, как и все остальные занятия и дела. Причём, понимаешь. Обычно в ТХ-19 люди, повзрослев, выбрасывают детские фантазии из головы. А я – наоборот, хотел свой Грас-Кан всё сильнее. Даже если мне там оказаться не светит, чтобы он хоть где-нибудь по-настоящему был. Но его нигде не было. Я ненавидел весь мир за то, что в нём нет моего Грас-Кана. И себя – за то что родился не там... Вот примерно на этом месте мне надо бы выпить водки. Залпом, стакан. Упасть под стол и заплакать. Но ты мне, пожалуйста, не давай.

– Так вот оно что, – присвистнул Ший Корай Аранах. – Я в шоке, конечно. Но при этом совершенно не удивлён. И готов спорить, что это твоя настоящая память, а не сон, не фантазия. Чувствую, что это так.

– Папа говорил, я в раннем детстве часто плакал от счастья. На вопрос: «Что болит? Тебе плохо?» – отвечал: «Чересчур хорошо». Я сам не помню; неважно. Раз он говорил, значит было именно так. Чем не косвенное доказательство. Хотя я всё равно не уверен. Потому что не хочу быть уверен. Наоборот, хочу твёрдо знать, что это просто моя фантазия, помноженная на манию величия и опыт работы в ТХ-19. И на третий ящик вина.

– Но почему? По-моему, здорово о себе такое узнать. Не представляю, что может быть круче, чем сделать вклад в овеществление новой реальности. Я бы на твоём месте от радости прыгал до потолка.

– Ну если только сам факт узнать, без подробностей, то круто, наверное. А с подробностями – беда. Я был... я приснился себе очень жалким. Бесталанным художником, горьким пьяницей, злым неудачником, который мстил за свою паскудную жизнь всем, до кого дотягивался. Слабым. Тем, кто был ко мне привязан. Всех своих женщин мучил и унижал. Правда, не получал от этого ни малейшего удовольствия. Но продолжал в том же духе – ну, как бы назло себе, в наказание. Раз не родился в прекрасном Грас-Кане, будь дерьмом, чем хуже, тем лучше... Господи, я что, правда рассказываю всё это тебе?

– Рассказываешь, – подтвердил ШиКоНах. – И правильно делаешь. Ещё не хватало, чтобы ты и дальше в одиночку терпел. Эй, ты чего? Это было в другой, прошлой жизни. Больше нет того чувака, который маялся дурью, мучил себя и других. Он давным-давно умер. А ты родился в Грас-Кане. Из чего, кстати, следует, что по самому большому счёту, он правильно жил.

– В конце концов он... я принёс себя в жертву, – вымученно улыбнулся Анн Хари. – Умер, вернее, покончил с собой как бы в обмен на Грас-Кан. Чтобы чудесный город однажды где-нибудь появился. Спьяну, конечно, на трезвую голову не решился бы. Я... он был не то чтобы большим храбрецом. Но допившись до полной утраты рассудка, придумал такой обмен. По-моему, это самый неправдоподобный момент в истории. Превращает её в глупый сон. Всё-таки человеческая жизнь это слишком мало, чтобы получить за неё аж целый Грас-Кан.

– Тем не менее, жизнь – единственное, что есть у человека. Поэтому ценность её велика. Тем более, в ТХ-19, где смерть, говорят, так мучительна, что не каждое сознание может после неё уцелеть.

– Не знаю, – вздохнул Анн Хари. – Наверное. По всему выходит, ты прав. К тому же, я не один такой молодец. На сегодняшний день нас одиннадцать. Хотел бы я знать про всех! Интересно, у них теперь тоже всё хорошо? Я имею в виду, они тоже потом родились в Грас-Кане? И прожили там счастливую долгую жизнь? Или живут вот прямо сейчас? И ни черта не помнят? Или помнят, но никому не рассказывают, как я сам не рассказывал? Хотя тебе-то уже рассказал.

– Есть теория Большой Справедливости, – сказал Ший Корай Аранах. – Как подавляющее большинство старинных философских теорий, ни доказать, ни опровергнуть её нельзя. На всякий случай вслух её не высказывают, только читают и переписывают с обязательной ссылкой на оригинал. Но слушай, если уж кто-то однажды её записал, значит ложью она не является.

– А то бы создатель теории просто не смог довести свои записи до конца, – подхватил Анн Хари.

– Вот именно. Но всё равно я рад, что теперь имею возможность пересказать её на потустороннем языке. Так вот, согласно теории Большой Справедливости, каждое существо, намеренно или даже невольно сделавшее вклад в овеществление новой реальности, при наличии соответствующего стремления может родиться там. А понравится ему, или нет, то разговор отдельный. Смотря во что делал вклад.

– Ну, это честно, – оживился Анн Хари. – Вселенная – молодец.

– Да, – подтвердил ШиКоНах. – Чем больше узнаёшь о тайном устройстве жизни, тем сильнее ощущение, что с Вселенной нам скорей повезло. – И помолчав, добавил: – Хороший у тебя Грас-Кан получился. То есть у всех вас.

– Это факт, – улыбнулся Анн Хари. – Хочешь, осенью съездим туда?

– Хочу. А почему именно осенью?

– Потому что осенью там невероятно красиво. И это всегда непредсказуемая, неповторимая красота. Деревья в Грас-Кане и его окрестностях каждый год сами решают заново, какого цвета у них будет листва. Наймём твоих лётчиков. И на подлёте увидим сверху

наши радужные леса. Не факт, что после этого зрелища выживем... вот на нашем языке я бы так ни за что не сказал! А ведь это часть правды о красоте осеннего мира и об остроте нашего восприятия, хотя мы, конечно, не собираемся умирать.

– Потусторонние языки здорово расширяют возможности, – согласился Ший Корай Аранах. – Я попробовал, мне понравилось. А всё-таки, знаешь, лучше обходиться без них. Правда – клей бытия, а ложь его разрушает. Ясно, что от нашей с тобой болтовни ничего не разрушится, не тот масштаб. Но всегда следует осознавать, в какой процесс ты делаешь вклад.

– Сам часто об этом думаю. Скорее всего, ты прав. Поэтому Ловцы, за редким исключением, дома на потусторонних языках не говорят. Только новички, пока учатся. Но сам теперь понимаешь, свою историю я только на лживом чужом языке мог тебе рассказать. Она мне не нравится. И при этом слишком похожа на правду. Не хочу её дополнительно утверждать.

– Да, понимаю. Мне тоже так легче. На родном языке было бы слишком больно слушать. А так нормально, как будто ты просто книжку мне вслух читал... Знаешь что? Не надо тебе сегодня возвращаться в отель. Оставайся. Погости у меня несколько дней.

– Спасибо, – сказал Анн Хари. – Я бы наверное сам напросился, если бы ты не предложил.

– В Белом вода уже градусов двадцать, – сказал ШиКоНах. – Вполне можно купаться, особенно если взять с собой тёплый банный халат. Ужинать будем в Ба Бери-Гали, я помню, они тебе нравятся; если хочешь, можно совсем без вина. И самое главное: я страшную гору сухих веток в саду собрал.

– То есть, ночью будем палить костёр?

– Вот именно. Я их нарочно не жёг, ждал тебя.

– Я сейчас заплачу, – улыбнулся Анн Хари. – Как в детстве. Потому что чересчур хорошо.

– А всё остальное расскажешь, когда сам захочешь, – заключил Ший Корай Аранах.

– Вот же зараза, – почти беззвучно сказал Анн Хари. – Всё остальное ему подавай.

В предрассветных сумерках, лёжа в траве у догорающего костра, потому что сил сидеть уже не осталось, а идти сейчас в дом и валиться в кровать ищи дурака, Анн Хари сказал, на всякий случай снова по-русски, потому что сам пока представлял очень смутно, какие слова сорвутся с его языка:

– Нет ничего «остального». Только сон, который мне часто снится, полная ерунда. Один и тот же, с упорством, достойным лучшего применения. Особенно когда выпью. Но и на трезвую голову иногда.

– Он тебе начал сниться после того, как ты пропал и вернулся, – не спросил, а с утвердительной интонацией произнёс Ший Корай Аранах.

– Да, примерно с тех пор. Сон о том, как я еду в поезде. Один в двухместном купе. У меня раздёрганное настроение. С одной стороны, рад, что удрал; откуда именно, я не помню. Причём в самом сне тоже не помню, не только сейчас. И одновременно очень собой недоволен. Вроде, от чего-то страшного спасаю. Но без этого страшного всё как-то сразу утратило смысл. Я смотрю в окно, за которым чёрные распаханые поля до самого горизонта, и над ними стелется поземный туман. Выглядит так, словно на этих полях выращивают туманы, и как раз созрел урожай. Наконец я поднимаюсь, выхожу из купе, иду через добрый десяток вагонов. В поезде пусто. В купе, в коридорах, в тамбурах, нигде никого. Прихожу в вагон-ресторан, там тоже ни других пассажиров, ни повара, ни буфетчика, или кому при кухне положено быть. На столах куча бутылок с выпивкой, везде лежат какие-то вафли, копчёная колбаса, что-то ещё; неважно, не помню. В этом сне я никогда ничего не ем, только пью коньяк, или виски, а может и то, и другое. Потому что хочу отключиться. Не думать о том, что сделал ошибку. Что зря удрал, слишком рано сдался, всё могло получиться, не надо было мне уезжать. Спиртное во сне странно действует. Иногда первый же глоток срабатывает как будильник, я подскакиваю, пью воду, чуть не плачу от облегчения: не сбежал, не спасаю, не сдался, просто приснилась какая-то ерунда. А иногда мне снится, что я пью стакан за стаканом, поезд едет быстрее и быстрее, свет постепенно меркнет, мой разум тоже, и снаружи, и внутри меня темнота. Потом всё равно просыпаюсь, конечно, а то кто бы сейчас тут рядом с тобой лежал. В похмелье, хуже, чем в ТХ-19, вот честное слово, лучше бы наяву бухал. И в такие моменты, сам понимаешь,

начинает казаться, что это был не просто дурацкий сон. Похмелье-то настоящее. И значит, всё остальное тоже. Но что именно «всё остальное», не помню. Никогда, ничего. Только что чудом спасся, уехал на поезде, и всё утратило смысл.

– А в Грас-Кане ты вспомнил больше? – нетерпеливо спросил ШиКоНах.

– Да не то чтобы сильно больше, – скривился Анн Хари. – Только что это часть моего договора – не вспоминать.

– Договора? С кем?

– Понятия не имею. Только сам факт, что был договор. Что я взялся делать работу, а потом отказался. Она показалась мне непосильной, я захотел вернуться домой. Не помню, что за работа. Ну и не должен; неважно. То есть важно, наверное, но дело в другом. После Грас-Кана я больше не могу от этого отмахнуться. Сколько бы ни твердил: «ерунда, просто сон», – а знаю, что всё это правда. И поезд, и спасение, и договор. И утрата какого-то очень важного смысла, хотя, по уму, мне должно быть достаточно того, что остался при мне. Я счастлив в Лейне. Чем дольше живу, тем больше, ну или просто чувствую это острее. И был очень счастлив в Грас-Кане, когда мы с тобой там гуляли; ты вернул мне мой город, ты знаешь? Я тебе говорил?

– Не говорил. Но и так всё было понятно. Совет на будущее: почаще со мной гуляй.

– Вот же зараза, – невольно улыбнулся Анн Хари.

– Самодовольная, – подхватил ШиКоНах. – И этот, как его? Гад и засранец. Ты меня очень деликатно ругаешь, спасибо. Могу представить, какой у тебя словарный запас!

– Ну уж нет. На мой словарный запас ты не нагрешил. Хоть и позволяешь себе быть настолько прекрасным в моём присутствии. Вот ты смеёшься, а это бывает совершенно невыносимо. Как на солнце смотреть.

– Я не нарочно. Просто таким уродился. Надо терпеть.

– Теперь-то мне стало полегче. Можно ругаться. Постепенно, бережно расширяя твой лексикон.

– То есть некоторые ругательства не входят в курс обучения? Серьёзно? Настолько ужасные, что их надо скрывать от студентов?

– Да не то чтобы. Просто именно в этой области языки развиваются быстрее, чем мы обновляем программу. Что в ТХ-19 действительно в совершенстве умеют, так это ругаться. Ну, их можно понять... Слушай, как же с тобой хорошо! И утрата какого-то неизвестного высшего смысла мне сейчас кажется пустой болтовнёй. А поезд – что поезд. Подумаешь, ну приснился. Даже если на самом деле когда-нибудь был.

– Я тебе уже много раз говорил, ты можешь остаться. Не на несколько дней. На год, на сто лет, навсегда. В моём доме, или в любом соседнем, они пустые, собственность города, звони в мэрию и занимай. А ты на это всегда отвечал что-то вроде: «Это лучшее предложение в моей жизни, но я пока не могу».

Анн Хари закрыл глаза и слегка опустил подбородок, считай, лёжа кивнул. Наконец сказал:

– Это же правда лучшее предложение в моей жизни. Всё, что мне нужно для полного счастья – иногда наезжать на тебя из-за кофе, потому что других причин поругаться мы, хоть тресни, не сыщем, и жечь по ночам костры у тебя в саду. Какие книги, какая ТХ-19? Да я от слова «работа» с воплями убегу. А мне нельзя не работать. Я это ощущаю как некий долг. Не думаю! Я не дурак, умом понимаю, что нет у меня никаких долгов. Но понимание почему-то ничего не меняет. Чувствую, что он есть, этот долг.

– То есть, всё-таки дурак, получается? – заключил ШиКоНах.

– Наполовину, – вздохнул Анн Хари. – Не целиком! Но пока дурак принимает мои решения. Не знаю, как будет потом... Ты лучше вот что. Сунь мне закладку за ухо. Или репей за шиворот. Или жёлтую пуговицу на штанину пришей. Или какие ты делал фокусы с книгами, чтобы они исполнились нового смысла и радости? Я же не застал тот период. Только слышал от разных людей.

– Мы когда-то с этого начали, – усмехнулся Ший Корай Аранах. – Ты поймал меня в баре в лирическом настроении и весь вечер расспрашивал про мои давние опыты с книжками, что я делал, да как. И прозрачно намекал, что хорошо бы проверить, можно ли так с людьми. И предлагал себя в качестве добровольца. Типа бескорыстная жертва ради науки. Очень меня насмешил.

– Ну да, я решил подружиться с тобой ради выгоды. Кто же знал, что ты такая зараза. Нового высшего смысла не выдашь, займёшь всё

сердце без всякой хозяйственной пользы, просто так... Ладно, если не будешь совать мне камни в карманы и угли за пазуху, гони меня спать.

(«Тебе кажется, – сказал ШиКоНах, укрывая его одеялом; по-русски сказал, не стал рисковать, и это он молодец, – что если ты так удачно сбежал из ТХ-19, умер по собственной воле, родился в прекрасном мире, в городе, который выдумал сам, значит должен помогать сюда перебраться всем, кто немного похож на тебя. Раз живьём привести никого не получится, надо хотя бы их книги нам передать, чтобы мы здесь узнали, что были в потусторонней реальности такие люди, мечтали, боялись, любили, орали от боли, иногда взлетали до неба, писали об этом, и у них получалось вот так. Каждая книга – как бы памятник автору. Только гораздо больше, чем памятник. Их дела продолжают жить в наших мыслях и снах». «Да», – лаконично ответил Анн Хари, потому что слишком устал и был слишком счастлив, чтобы спорить: «я не настолько дурак, всё гораздо сложнее», – и в подробностях объяснять. «Это совершенно чудовищная концепция, – вздохнул ШиКоНах. – Голову тебе оторвал бы, чтобы больше такой ерунды не придумывала. Но не могу не признать, что по какому-то беспредельно дурацкому, но очень большому счёту, ты прав».)

• *Что мы знаем о Ловцах книг?*

Что так называемая «профдеформация», о которой говорил другу Анн Хари, в какой-то мере затрагивает каждого Ловца. Опыт (любой, а не только работы в потусторонней реальности) действительно изменяет личность. Но вовсе не обязательно искажает самую суть. Опыт опыту рознь; отчасти это зависит от особенностей цивилизации, с которой работает Ловец. Ясно же, что

опыт регулярного пребывания, скажем, в РБ-14, Хойна, где Тэко Маиши (кур Дэхо) вот прямо сейчас пьёт айрабан в «Территории Лайко», хрен твою суть исказит. Ещё и укрепит дополнительно, особенно если ты пришёл туда по любви.

«По любви» – это, собственно, главное правило техники безопасности, одновременно ключ к успеху; оно и есть сам успех. Ловцы книг выбирают для постоянной работы цивилизацию, которая чем-то тронула сердце; ну, это просто нормально, жители Сообщества Девяноста Иллюзий во всех вопросах поступают именно так. По ходу дела любовь обычно растёт, но бывает и так, что гаснет; в последнем случае имеет смысл сменить направление, благо выбор велик. Потому что без любви не будет ни радости от работы, ни удачи в поиске книг. И полученный опыт станет разрушительным опытом, даже если ничего неприятного и опасного с тобой не будет происходить.

- Что мы знаем о Ловцах книг?

Что куча народу – да те же Тим с Самуилом (Та Ола и Шала Хан) – прекрасно себя чувствуют в ТХ-19, потусторонней реальности наивысшей категории сложности (наивысшая категория сложности присвоена всем цивилизациям группы ТХ; Ловцы, учившие славянские языки, предсказуемо шутят, что «ТХ» означает «такая херня», хотя можно спорить, члены Большого Издательского совета, для удобства создавшие эту классификацию, ничего подобного не имели в виду). А покойный Там Кин (генерал Бла Саваши) даже от любимой жены регулярно уходил в Шигестори, хотя хуже ТХ-04 вообще ничего не придумает, там постоянно воюют, без остановки, без перемирий, в самой основе их культуры – война, но чем-то его приворожила эта реальность, сердцу не прикажешь, даже силой слова адрэле нельзя его обуздать.

Известно ещё много историй Ловцов, влюблённых в цивилизации, которые любому нормальному жителю Сообщества Девяноста Иллюзий показались бы страшным сном. И не меньше историй Ловцов, бросавших работу в безопасных, приятных для жизни реальностях, буквально на пике успеха, или только на подходе к нему, без каких-то причин, которые здесь у нас считаются вескими,

исключительно по велению сердца, потому что оно перестало любить.

Так что в этом смысле Анн Хари со своим иррациональным долгом, который не даёт ему выйти в отставку, хотя он ТХ-19 давным-давно разлюбил, глаза бы его эту реальность не видели, если можно, во все стороны сразу, чтобы просто не было в его жизни её никогда; в общем, он – уникальное исключение, никто из Ловцов в таких обстоятельствах не стал бы работать. Но Анн Хари действительно очень странный, уж насколько все Ловцы эксцентричные, а таких психов среди них больше нет.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Сначала с улицы доносится крик: «Вас тут нет!» – скорее даже команда, отданная таким громким голосом, что оконные стёкла звенят. Потом открывается дверь и в бар влетает Юрате, одетая настолько не по сезону, что Дана невольно ёжится, – в белом спортивном костюме, без шапки и шарфа, на ногах тряпичные кеды, спасибо, конечно, что хотя бы не босиком. Такая злющая, словно всех сейчас поколотит, потом догонит и ещё нападёт. Но Юрате же не дерётся, – неуверенно думает Дана. – Ни разу такого не было... по крайней мере, не у меня на глазах.

– Какие-то стрёмные типы рядом с «Крепостью» ошивались, спорили, как правильно записать адрес бара; я в таких делах не особенно разбираюсь, но сразу подумала: «Собираются донести». А когда в мою голову лезут подобные глупости, они сто процентов правда, сама я такое не выдумаю, хоть стреляй, – сердитой скороговоркой сообщает Юрате. – Главное, они сразу исчезли, раз, и нет, как в кино! Я сама удивилась. Забыла, что так бывает. Ух вам всем со мной повезло!

– Да не то слово, – вздыхает Дана, а Артур повисает на шее Юрате, как бы от имени всех присутствующих, благо ему всё сходит с рук.

– Ты – супергерой! – говорит он. – Круче всех в мире! А они только отсюда исчезли, или отовсюду вообще?

– Понятия не имею, – смеётся Юрате, уже не злющая, а довольная; Артур в этом смысле не хуже кота и куницы Артемия, кого хочешь умиротворит. – По идее, это зависит от наличия бессмертной души. Если что-то такое у них осталось, значит где-нибудь да окажутся. Может аж в Южной Америке? Или всего лишь в Северном Городке^[17]? А если нету, ну тогда извините. Просто парой мороков меньше. Надеюсь, никто не станет по ним причитать.

– Ты это серьёзно? – спрашивает Арунас по прозвищу Три Шакала. – Бывают люди без бессмертной души?

– Ты бы лучше спросил, остался ли за пределами «Крепости» хоть кто-нибудь с ней, – холодно отвечает Юрате.

Но тут же вспоминает, что Три Шакала, во-первых, уже очень старенький. Во-вторых, профессиональный философ с полувековым преподавательским стажем. А в-третьих, как ни крути, католик. Не надо с ним шутить о душе. И немедленно исправляется:

– Извини, дорогой. Это я сгоряча. Почти у каждого человека, даже самого распоследнего гада есть живая душа. Просто очень маленькая и слабая. И крепко спит. Но после смерти, даст бог, прочухается. И пойдёт куда-нибудь дальше учиться жить.

– Да точно прочухается! – улыбается Три Шакала.

Он – нестигаемый оптимист.

– Просто сейчас, – продолжает Юрате, – такое смутное время, слишком много мелкого морока развелось. Знаю я эту породу. Шастают всюду, пакостят, пугают, дёргают нервы, а присмотришься – померещилось, нет ничего.

– Слушай, – хмурится Дана, – а этот морок мог на нас по-настоящему настучать?

– Да мог конечно. Жалоба это же просто буквы на бумаге, или экране компьютера. Или голос из телефона. Полицию легко провести. Там, знаешь, не принято проверять всех доносчиков на наличие бессмертной души. Их бы самих не помешало проверить, честно-то говоря.

– Вот это номер, – растерянно говорит Дана. – Раньше такого не было. Кому к нам не надо, тот шёл себе мимо, даже дверь нараспашку не замечал. И вдруг нате пожалуйста. Что я стала делать не так?

– Ай, не парься, – отмахивается Юрате. – Всё ты как надо делаешь, просто в человеческом мире развелось слишком много мелкого зла. Как комаров на болоте, когда их такие тучи, что с голодухи жрут даже тех, кого обычно облетают за метр. На самом деле это я виновата, – неожиданно заключает она. – Почти неделю не приходила. Не то настроение, ещё и по горло была занята. Ну ничего, сама напортачила, сама же исправила. Больше не повторится! Буду каждый день как на работу ходить. Меня эта мелкая сволочь боится, как чёрт табака. Ну слава богу, хоть кого-то ещё могу напугать!

Юрате смеётся так заразительно, что Дана тоже с облегчением улыбается:

– Серьёзно, что ли? Каждый день? Красота! Ты скажи, чем тебя задабривать? Какие приносить жертвы? Я могу сколотить из фанеры алтарь.

– Алтарь не надо, пожалуйста. Ты лучше муку покупай. И сахар, и яйца, и яблоки. Или не яблоки. Остальное я буду делать сама. Для начала испеку вам шарлотку, а там поглядим, как пойдёт. Мне, понимаешь, трудно подолгу сидеть на месте. А если делом заняться, вполне ничего.

– Я могу прямо сейчас сгонять в супермаркет, – предлагает Артур. – До десяти работает, рядом здесь, под мостом.

– Под каким мостом? – заинтересованно спрашивает Юрате.

– Под Новым Жверинским^[18].

– Не припомню, чтобы там был супермаркет. Небось появляется из ниоткуда, когда тебе припечёт.

– Такое вполне возможно, – кивает Дана. – Правда, я там и без Артура бывала. Но Труп однажды искал, не нашёл.

– Да он бестолковый, мосты перепутал, – встревает Наира. – Зачем-то аж под Белый пошёл.

– Я тоже бестолковая, – смеётся Юрате. – А ты, дорогой, продукты выбирать не умеешь. Тем лучше! Вместе пойдём.

Одной рукой она хватается под локоть Артура, другой берёт с подоконника его куртку, миг, и нет никого.

– Я толковый, – вдруг раздаётся глас свыше. – Просто в тот раз забыл, как называется нужный мост.

Труп, который монтирует выставку, сидя на стремянке под потолком, всё это время пытался понять, что Наира о нём сказала, наконец вспомнил значения большинства слов и решил, что наверное надо обидеться. Хотя, конечно, не до того.

– Это я пыталась привлечь твоё внимание, – объясняет Наира. – Полчаса назад пришла, сижу тут нарядная, а ты до сих пор не заметил. Как умею, так и кокетничаю. Прости, дорогой.

– Ты гений, – говорит ему Дана. – Фотографии обалденные. Чем дольше смотрю, тем сильнее нравятся. И как развесил отлично! Какая разница, чего ты там под мостом не нашёл.

– Это она! – почти беззвучно прошептал Тим Самуилу в затылок. Получилось неразборчиво, зато щекотно и горячо. Но Надя, хотя Тим шептался не с ней, почему-то всё прекрасно расслышала и сразу поняла, кто такая «она». Странная дама с коллекцией неопубликованных книг. Видимо – все остальные лица ей были уже знакомы – носатая коротко стриженная блондинка в белом спортивном костюме, которая стоит у плиты. Даже не столько стоит, сколько крутится, как небольшой, но опасный смерч.

– Марсиане! – обрадовался гостям Артур. – С Юпитера!

– Космические пираты! – подхватил Борджиа.

– Надеюсь, сегодня тоже без бластеров? – строго спросила Дана. – С бластерами нельзя!

И только Труп, уже спустившийся со стремянки на грешную землю, сказал им просто «Привет». Потому что всё сложно. Вроде удачно снимки повесил, хорошая композиция, но снизу не видно деталей, всё-таки лампы в баре – дерьмо. И куда теперь лепить остальные? На ту стену, где окна? Или наоборот? И грызёт беспокойство: вдруг отклеится этот подозрительный, купленный в супермаркете, потому что нормальные канцтовары закрыты, двусторонний скотч? И от смеси литовского с русским сейчас голова взорвётся. И ещё этот чёртов пирог. Так пахнет, злодей, хоть в обморок падай. Но почему-то до сих пор не готов.

Короче, Труп сейчас не до шуток про космос, пиратов и бластеры. Он художник. У него подпольная выставка в тайном баре с отвратительным светом. Ему тяжело.

– Вот не зря я на вторую шарлотку тесто мешаю, – не оборачиваясь к вошедшим, сказала блондинка-смерч. – А все говорили: «Одной нам хватит!» Ни хрена не хватило бы. Пираты пришли! – и рассмеялась так торжествующе, словно только что победила дракона и написала неприличное слово на его чешуйчатом лбу.

– Это Юрате, – сообщила им Дана. – Она у нас – локальное божество. Или даже не особо локальное? Я не знаю. Жрица из меня так себе.

– Да нормальная жрица, – заверила её блондинка. – Жрёшь, как надо... в смысле, кушаешь хорошо. Всё, готово, уже вынимаю. Говори, куда ставить. Можно прямо на стол?

– Ставь, чего ему сделается. Он неубиваемый.

– Это он молодец. Всем пример... Значит так. За пирог чур не драться! Всем достанется. Но сначала пусть немного остынет. А я пока поставлю в духовку второй.

Шарлотка и правда была изумительная. Как дома, – думала Надя, доедая доставшийся ей кусок. – Точно, как дома. Как в детстве, в Грас-Кане, у бабушки Кити (конечно не Кити, но в потусторонней реальности даже те, кого молча, без слов вспоминаешь, получают новые имена).

– Сколько лет тебя знаю, а что ты пироги печь умеешь, даже вообразить не могла, – сказала Дана Юрате, которая отодвинула в сторону Трупа и теперь развешивала его фотографии над стойкой, прямо с куском в зубах.

– И такие крутые! – вставил Артур.

Остальные были с ним совершенно согласны. Общее восторженное мычание слилось в одобрителный гул.

– Так я и не умею, – пожала плечами Юрате и легонько пихнула Трупа: – Ещё липучку давай!.. В жизни пирогов не пекла, просто руки не доходили. Но этот пирог, как мы только что выяснили, отлично испёк себя сам. И кстати твои фотографии, – сказала она Труп, – шикарно сами себя развешивают. Только смотри внимательно, слушай и делай, как они говорят. Ну, в них я не сомневалась. Ты настоящий художник, у таких все работы обычно получаются умные, даже если автор дурак. А вот пирог меня удивил и обрадовал. Не каждый день среди наиболее вероятных возможностей появляется обещание настолько умелого пирога! Даже двух. Вероятность осуществления второго пирога пришла с небольшим опозданием, но произвела на меня столь сильное впечатление, что я решила позволить второй порции теста моими руками себя замешать.

– Себя замешать твоими руками! Чокнуться с тобой можно! – вздохнул Три Шакала. – А эта великолепная вторая возможность ещё себя не допекла?

– Допечёт минут через десять. Совсем немножко осталось нам потерпеть, – улыбнулась Юрате. – Данка! У тебя есть уникальный шанс угостить меня кофе из этой вашей ужасной машинки и увидеть, как я его, не поморщившись, пью.

– Можно не из машинки, – сказал ей Артур. – Мне родители френч-пресс подарили. Здоровенный, литровый. Я как раз вчера сообразил, что в «Крепости» он нужнее. И сюда приволок. И в Taste Mar^[19] зашёл по дороге, купил какую-то супер-мега-элитную Эфиопию под названием... так, сейчас покажу тебе пачку, выговорить это я не могу.

– Ещё и кофе купил нормальный? – недоверчиво спросила Юрате. – А ну покажи. Иргачиф, ну надо же. Вообще зашибись.

– Его даже смололи правильно, под френч-пресс, – заметил Артур. – Учти, если тебе и сейчас не понравится, я сделаю харакири. То есть, буду грозиться, что сделаю, размахивая хлебным ножом. Но конечно позволю присутствующим меня отговорить.

– Ещё чего не хватало! – возмутилась Дана. – У нас тут не хипстерская кофейня, чтобы убивать себя из-за неудачного кофе. Из-за тёплой водки и дешёвого рома – ещё туда-сюда.

– Даже из-за виски с диетической колой не буду. Мне что-то, знаешь, чем дальше, тем больше нравится жить.

– Так, фотографии я развесила, – сказала Юрате, один за другим разгибая пальцы сжатого кулака. – Пироги испекла, поделила, себя не обидела, кофе выпила, Артура до харакири не довела. Что-то ещё оставалось важное... А! – она повернулась к Наде и Самуилу, всё это время следившим за ней, как меломаны за оперной примадонной, которая пока просто ходит по сцене, но ясно же, что вот-вот запоёт.

– Ещё подружиться с вами, – сказала она. – Так крепко, словно мы целую вечность знакомы. Ну это как раз не проблема. Тимку я уже давно знаю. Это же он вас сюда привёл?

– Я! – подтвердил Тим с вершины стремянки, на которую залез вроде бы просто так, потому что ему интересно, как выглядит «Крепость», если смотреть на неё с потолка, а на самом деле, в надежде договориться с лампами, чтобы они светили, как надо художнику. И теперь прикидывал, как правильно сформулировать. И пытался понять, хватит ли сил. И что именно ему пригрозит оторвать Самуил, если, не дай бог, догадается; впрочем, это как раз неважно, – утешал себя Тим. – Он же не взаправду, а на здешнем языке пригрозит.

– Значит, считается, – заключила Юрате. И то ли очень тихо сказала, то ли так громко подумала, что Тим её мысли услышал: «А

лампы оставь в покое, я завтра нормальные им принесу».

Он так удивился, что сразу слез со стремянки. И получил в награду полную чашку пунша, или как это правильно называется, когда в чай с лимоном добавили ром^[20].

– Встретьте меня завтра где-нибудь в городе, – сказала Юрате Наде и Самуилу. – Я люблю случайные встречи, когда в человеческие отношения вмешивается судьба. Но если не встретимся, это не страшно. Можно просто прийти ближе к ночи сюда.

С этими словами она взяла со спинки стула полосатое пальто Самуила, набросила на плечи и вышла так быстро, что можно сказать, исчезла. Хотя дверь всё-таки хлопнула, значит кто-то её открыл и снова закрыл.

– Хренасе Юратичка выступила, – вздохнула Дана. – Пальто у тебя стащила! Её, конечно, можно понять.

– Да не стащила, – рассмеялся Артур. – Просто на вешалку перевесила. Вон туда.

Пальто и правда как ни в чём не бывало висело на вешалке. На специальных широких плечиках, чтобы форму не потерять.

– Даже жалко, что не стащила, – растерянно сказал Самуил. – Она такая... нет, эпитет не подбирается. Но пальто я бы ей с удовольствием подарил.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Им отлично жилось у Тима, причём даже не вопреки тесноте, а благодаря ей, по крайней мере, отчасти. Получилось примерно как в детстве на праздники, когда родни и друзей полон дом.

Всем троим в этом смысле было что вспомнить. Самуил – единственный сын у родителей, зато отец у него из большой семьи, разбросанной по всему Содружеству, поэтому на каникулах дом наполнялся многочисленными кузенами и кузинами всех возрастов. Он ужасно любил гостей, водил их гулять своими секретными тропами, придумывал новые игры, а по ночам в тёмной спальне шёпотом пересказывал взрослые книжки, которые таскал из шкафа родителей, специально для поддержания в нём интереса прятавших их туда. Надя выросла в доме бабушки, где всегда крутилась соседская детвора. В Грас-Кане так принято, там за детьми всем кварталом понемножку присматривают – кто дома, и у кого есть желание. И обедом кормят всех, кто под руку попался, не разбирая особо, где чужие, а где свои. А у Тима старшие сёстры и куча племянников в разных городах, все вместе весёлым табором катались на праздники из Лейна в Шаль-Унаван, оттуда в Адани и снова обратно в Лейн, потому что ездить друг к другу в гости на поезде в сто раз веселей, чем жить в одном городе, – были уверены дети. Впрочем, взрослые тоже так думали, а то бы иначе организовали свою семейную жизнь.

Жизнь втроём в маленькой тесной квартире оказалась похожа на затянувшиеся каникулы: спать до полудня, заказывать завтрак по телефону, звать в гости соседа-фотографа, у которого вечно шаром покати, бесцельно гулять, глаза по сторонам, читать не для дела, а просто для удовольствия – находки Тима из интернета и старьё из букинистической лавки, где теперь дружно скупали, не разбираясь, пачками всё подряд. Ходить вечерами в секретный бар, заключать по дороге пари, привезут ли сегодня кота и куницу, возвращаться домой кругами, варить глинтвейн по ночам, обсуждать впечатления, спорить о самых важных вещах на свете, как в юности, только не заботясь о

точности выражений, благо слова не имеют силы, когда говоришь на чужих языках.

Самуил восхищался: «Лучший отпуск за многие годы, я так отлично даже дома не отдыхал». «А я отдыхала! – смеялась Надя. – Но очень давно. У своих стариков в Грас-Кане. Вот вернёмся домой, планируйте длинный отпуск, я хочу отвезти вас обоих в Грас-Кан». Тим соглашался с обоими, думал: «Какой же я молодец, что заманил их в гости!» Но при этом немного нервничал, потому что странная дама с книжной коллекцией, знакомство с которой он обещал Самуилу и Наде, за всю неделю в «Крепость» так ни разу и не пришла. А спросить у Даны, где её отыскать, стеснялся. Думал: «Не до такой же степени мы друзья».

Выдохнул только увидев в баре Юрате. Не исчезла, не растворилась в ночном тумане, не подвела! Тим не то чтобы всерьёз сомневался в Юратином существовании, не настолько она похожа на сон. Но почти поневоле вспоминал публичные философские лекции о зыбкой природе реальности, из которых мало что понял, однако ощущение стопроцентной уверенности в чём бы то ни было потерял после них навсегда.

По дороге домой Самуил и Надя молчали, но так выразительно, что можно было ни о чём не расспрашивать, и так понятно, что они очарованы и сражены. В задумчивости забрели чёрт знает куда; то есть, что это за место, Тим сразу понял, а вот как их туда занесло, неизвестно, и «Крепость», и дом совсем в другой стороне. Здесь текла река, а под мостом висели качели, ярко раскрашенные, со спинкой, широкие, как минимум, на двоих. Чтобы на них забраться, пришлось разуться, закатать штаны и войти в реку, мелкую, всего по щиколотку, но такую быструю, что запросто могла бы сбить с ног. Но они устояли, добрались кое-как до качелей, залезли, все втроём поместились: Тим тощий, Надя миниатюрная, а Самуил обнял их обоих, и это решило вопрос, куда его широченные плечи девать.

– А это точно ТХ-19? – наконец спросил Самуил. – Мы в чей-нибудь сон по дороге не въехали? А свою квартиру ты случайно не заколдовал?

– А так вообще можно? – удивился Тим. – Заколдовать квартиру, чтобы выходить из неё в чьи-то чужие сны? Я бы хотел! Но, к

сожалению, не умею. С другой стороны, будь это не настоящая ТХ-19, здесь бы были открыты все лавки и кабаки. А так только «Крепость». И кофейни на вынос работают. И продуктовые супермаркеты. И вроде бы, всё.

– Это было иносказание, – улыбнулся ему Самуил. – Просто такой хитро выкрученный комплимент.

– Ну вот даже не знаю, – вздохнула Надя. – По-моему, никакое это не иносказание. А констатация факта. Здесь не совсем ТХ-19. Так мне говорят мои органы чувств. Местами она, а местами что-то другое. Иногда даже в большей степени дом, чем Лейн. Вот прямо сейчас, например. И в том баре. И в маленьком парке с прудами, где мы гуляли позавчера. И на улице с аркой. И в проходном дворе, где мы в первый день заблудились. Да много где! Только не спрашивайте, что я имею в виду. Я не знаю! Даже себе пока объяснить не могу... А кстати, эту Юрате из бара я и в Лейне не очень-то представляю. Не человек, а сказочный персонаж! Хотя у нас она всё-таки больше к месту, чем в ТХ-19. С Лестер Ханой, к примеру, могла бы дружить.

– Разве что с Лестер Ханой, – хмыкнул Самуил. – А кстати, ты с ней знакома?

– Бог миловал, – рассмеялась Надя. – В такие неприятности я до сих пор не влипала. Хотя может быть стоило – специально ради знакомства с ней.

– Так не обязательно именно неприятности. Можно же просто жить по соседству. Или иметь общих приятелей. Или в одно и то же кафе ходить.

– Теоретически, да. А на практике я никого не знаю, кто бы с ней просто дружил.

– Саша, вроде, с ней дружит, – неуверенно сказал Самуил. – Я дважды видел их вместе. Один раз сидели в баре, шептались. Второй – по трамвайным рельсам в обнимку шли.

– Ну – Саша, – пожала плечами Надя. – Я имею в виду нормальных людей... И как тебе Лестер Хана?

– На расстоянии очень понравилась. А близко я не стал подходить. Оба раза было понятно, что им сейчас не нужна дополнительная компания. Я наглый, конечно, когда мне надо. Но против таких двух воля не попрёт.

(Читать сплетни о каких-то невнятных чужих знакомых вряд ли кому-нибудь интересно, поэтому надо тут рассказать, что Сашей Ловцы называют Ший Корай Аранаха; говорю же, каждый получает новое имя, когда о нём вспоминают в потусторонней реальности, тем более, если вслух говорят. Сидишь себе дома в Лейне, варишь кофе для друга, который наконец-то надолго остался в гостях, и ни сном, ни духом не ведаешь, какими именами тебя сейчас поминают знакомые в разных мирах. И расспросить их потом не получится, потому что дома они это имя забудут. Даже если специально в блокноты запишут: «Саша», в Лейне всё равно прочитают: «Ший Корай Аранах»).

Лестер Хана – единственное известное исключение из этого правила. Её имя не изменяется в потусторонних мирах. Это, видимо, связано с её профессией – то ли следствие, то ли причина, то ли просто побочный эффект. Как, кстати, и номер её телефона, который работает во всех двадцати восьми известных науке реальностях, где есть телефонная связь. Бывалые Ловцы говорят, там, где нет телефонов, Лестер Хана приходит на молитву жреца, или бубен шамана, который окажется рядом и возьмётся тебе помогать. Но можно обойтись без молитвы и бубна, если достаточно громко её позвать.

В общем, Лестер Хана – служба спасения. На всё Сообщество Девяноста Иллюзий она такая одна. Имя Лестер Ханы, номер её телефона, на худой конец, сам факт её существования – первое, что вспоминает любой путешественник в иные реальности, угодив в неприятности, потому что такова её воля. Никому нельзя её забывать.

Но и для тех, кто её забудет (например, потеряет сознание, станет жертвой экспериментальных злых чар, или просто нажрётся каких-нибудь психоделиков, которых хватает в потусторонних мирах), всё равно ничего не потеряно. Лестер Хана умеет искать.

Она не особо давно начала работать, примерно лет шестьдесят назад, поэтому многие ещё помнят, как было без Лестер Ханы. Техника безопасности техникой безопасности, а почти каждый год кто-нибудь пропадал с концами в одной из потусторонних реальностей. Чаще исследователи-любители, но и с опытными Ловцами такое случалось не раз. И даже силы общего хора Издательского совета редко хватало, чтобы помочь пропавшим вернуться домой. А теперь заблудиться в потусторонней реальности – невелика проблема. Лестер Хана вернёт домой любого, кто жив.

Если добавить, что о себе Лестер Хана ничего не рассказывает – как всему научилась, откуда вообще такая взялась – станет примерно понятно, какая у неё репутация в Лейне. О Лестер Хане даже легенды не ходят, потому что в основе легенды должна содержаться хоть какая-то достоверная информация. А тут и списка тех, кому она помогла, не составишь: о своих ошибках и неприятностях Ловцы предпочитают молчать. И в городе Лестер Хана появляется редко. И никто до сих пор не похвастался, что она живёт в соседней квартире, или вместе с мамой в школе училась, или стрижётся у знакомого парикмахера за углом. Поэтому некоторые предполагают, что у Лестер Ханы дом в какой-нибудь потусторонней реальности. И, к примеру, весёлый летающий лис из Хой-Брохха в мужьях. А другие – что она, закончив дела, исчезает, как призрак, и возвращается только когда в ней есть нужда. А третьи – что она в кого-нибудь превращается. Или даже во что-нибудь. Может вон тот тополь на площади, или белый дом на обрыве, или облако в форме дракона на самом деле – она.)

Слезать с качелей им не хотелось, но пришлось, потому что Ловцы из Лейна, конечно, не очень-то люди, но это не означает, что они не могут замёрзнуть, сидя босыми на ноябрьском стылом ветру. Ещё как могут! А Тим в этой номинации чемпион. Он стоически терпел и намеревался продолжать в том же духе, не хотел быть первым, кто скажет: «пошли домой». Но Самуил, которому было плевать на холод, почувствовал, как Тима колотит, и великодушно сказал:

– Всё, пошли варить глинтвейн, я замёрз.

Снял обоих друзей с качелей, по очереди доставил в охапке на берег, к носкам и ботинкам, чтобы не шлёпали лишний раз по ледяной воде. Подумал насмешливо: «Что-то я совсем расслабился в отпуске, ни в чём себе не отказываю, вон как бросился всех опекать». Впрочем, и Тим, и Надя были настолько не против чрезмерной опеки, что хором орали: «Спасибо! Ты нас спас от всего!»

Дома Тим уснул после первой же кружки глинтвейна, прямо на полу, на ковре. Надя – только после второй и не на полу, а на своём кухонном диване, но переодеться в пижаму уже не смогла. Самуил отнёс Тима в спальню, укутал обоих дополнительными одеялами,

допил глинтвейн в одиночку, больше половины кастрюли, но остался трезвым и бодрым, сна ни в одном глазу.

Вышел на балкон, закурил сигару из Тёнси, «мира весёлых духов», как они сами называют себя. Отличные чуваки живут в Тёнси, жалко, книжек не пишут, нечего там делать Ловцам. Зато с музыкой у них всё настолько в порядке, что меломаны из Лейна дарят друг другу билеты на тамошние концерты в знак дружбы, любви, признательности, короче, как величайшую ценность, не просто так. Понятно, что эти концерты посещают только адрэле, нормальный человек при всём желании в Тёнси не попадёт.

Самуил часто слушает музыку в Тёнси; ну как – часто, максимум раза три в год. Но с учётом глубины потрясения, которое неизбежно испытываешь на тех концертах, где ты сам как будто весь – струны (не «как будто», а так и есть), это действительно очень часто. Другие меломаны из Лейна выбирают в Тёнси, в лучшем случае, раз в пару лет, специально взяв заранее отпуск, чтобы потом было время прийти в себя. Самуил просто очень выносливый. Как он сам в таких случаях выражается, здоровый лось. А сигары из Тёнси, от которых нормальные люди примерно на середине падают в обморок, не выдержав ошеломляющей полноты блаженства, он курит, когда так счастлив, что кажется, вот-вот взорвётся, и других способов успокоиться нет.

Короче, сейчас сигара из мира весёлых духов – натурально спасение. Никогда раньше не курил их в ТХ-19, и представить не мог, что однажды понадобится. Хорошо, что запас всегда при себе, – думал Самуил, затягиваясь зеленоватым дымом, и мечтательно улыбался, прикидывая, какие сладкие сны приснятся сегодня жителям этого дома. А может, даже всего квартала? Или никто ничего не почувствует? Ну, кроме Нади и Тима, с ними всё ясно, всем нашим отлично спится, когда кто-то рядом курит сигару из Тёнси, им со мной повезло. Интересно, на жителей ТХ-19 этот дым хоть как-нибудь действует? Надо будет соседа спросить, как спалось.

- *Что мы знаем о Тёнси?*

Уж точно гораздо меньше, чем Шала Хан (Самуил), который часто ходит туда на концерты, курит тамошние сигары, а однажды притащил из Тёнси домой бутылку местного голубого ликёра с двуногой рыбой на этикетке; правда до сих пор её не открыл.

- *Что мы знаем о Тёнси?*

Что «мир весёлых духов» – неточный, плохой перевод. Это вполне неизбежно: с языка обитателей Тёнси, который представляет собой не речь в привычном нам смысле, а поток мыслеобразов, устремлённых от сознания говорящего к сознанию слушателя, даже совсем простые вещи хрен нормально переведёшь. Зато и зубрить не надо, если окажешься в Тёнси и там к тебе кто-нибудь обратится, всё сразу поймёшь. Внятно ответить сложнее, для этого нужно умение концентрироваться, сила воображения, плюс дисциплина ума, да и просто практический опыт, но местные жители терпеливы с гостями и всегда готовы помочь. К тому же, адрэле из Сообщества Девяноста Иллюзий подобным вещам обучаются быстро, а никто другой хотя бы условно похожий на человека в Тёнси и не попадёт.

В любом случае обитатели реальности Тёнси – не бесплотные духи. Всё нормально там с плотью, в смысле, с материальностью, хотя разница в свойствах наших материй, конечно же, есть, но это такие нюансы, которые словами не объяснишь. Зато их легко ощутить на практике – если ходить туда, слушать музыку, или сигары курить. У Самуила (Шала Хана, Ловца из Лейна) там даже однажды случился роман. Очень счастливый, потому что в Тёнси других не бывает. Очень короткий – дольше бы он и не выдержал. Но в каком-то смысле (не абстрактном, вполне практическом, не

поймёшь, пока не попробуешь) длится с тех пор и длится, наполняя собой каждый миг.

- *Что мы знаем о Тёнси?*

Что даже с точки зрения путешественников из Лейна, баловней судьбы, любимых внуков богов, быть в Тёнси, слушать их музыку, курить их сигары, пить вина, ходить по тамошним мостовым, да просто дышать этим воздухом – практически невыносимо, потому что чересчур хорошо. Опыт пребывания в Тёнси – величайшая драгоценность, но только для тех, кому хватит сил её взять. Ну это известное правило – горе и боль в любого вмещаются, а для счастья надо выращивать сердце. А высокое ликование, которое в Тёнси буквально разлито в воздухе, по силам только тому, кто сам беспредельно велик.

- *Что мы знаем о Тёнси?*

Что этот бесконечно от нас далёкий, недостижимый, непостижимый мир, ладно, пусть будет «весёлых духов», если уж путешественники из Лейна так их самоназвание перевели, внезапно тут появился в качестве мельком упомянутого источника успокоительных сигар Самуила, чтобы на миг озарить нас всех своей невозможной радостью – вопреки воле автора, логике повествования, здравому смыслу, необходимости, да вообще всему вопреки. Потому что Тёнси любит озарять своим светом всё, до чего дотянется, нет никаких иных причин.

Вильнюс, Ноябрь 2020

Встали так поздно, что из дома вышли практически в сумерках; впрочем, здесь в ноябре всё сумерки, что не ночь. Пока пили кофе и собирались, Тим удивлялся: «Я же часто подолгу живу в ТХ-19, но ещё никогда тут так сладко не спал! Чуть ли не лучше, чем дома. До сих пор ощущаю, как счастье течёт по телу. И сны совершенно волшебные, как в детстве, когда читаешься сказок, и потом снятся такие прекрасные чудеса, что просыпаться жалко, даже если наяву тебя ждёт путешествие, школа, или игра. Это мы вчера так хорошо погуляли? Или дело в качелях над той рекой? Или наш глинтвейн настолько удался? Или просто такой лунный день? Или так действуют разговоры о Лестер Хане? Или сработало, что ты меня пляжной подстилкой укрыл?» – а Самуил помалкивал, ухмыляясь в несуществующие усы. Не потому что сигары из Тёнси такая великая тайна, просто если уж Тим решил, что порой при стечении разных удивительных обстоятельств в ТХ-19 спится так сладко, что счастье течёт по телу, не стоит его разубеждать. Чем чёрт не шутит, может от его заблуждения и правда так сделается, как минимум, в этом городе? Язык языком, но то, в чём адрэле уверен без тени сомнения, иногда становится правдой – как бы само. Тим в этом смысле сокровище, очень сильный и очень доверчивый, как и положено молодым.

Надя, конечно, помнила сигары из Тёнси и догадывалась, кому говорить спасибо за не в меру сладкие сны, но тоже помалкивала, примерно из тех же соображений. А ещё потому, что говорить ей сегодня с утра было лень.

В общем, вышли. Тим здорово волновался, потому что помнил, как Юрате вчера сказала: «Встретьте меня случайно где-нибудь в городе». Раз получили такое задание, ясно, что лучше встретить, чем нет. Но как эту встречу подстроить? Где её среди дня искать? Разве что затаиться в подворотне у «Крепости» и, дождавшись Юрате, выскочить ей навстречу: «Ой, какая приятная неожиданность! Ты в бар? Мы тоже туда!» Но вряд ли друзья согласятся полдня просидеть в

засаде. Да и просто нечестно получится. Это уже не случайность и не судьба.

Так задумался, что сперва не понял, кому Самуил кричит: «Добрый вечер!» – а Надя: «Доброе утро!» – и оба ржут. А когда понял, так и сел – на лавочку у подъезда, благо она там была. Это Юрате, мамочки! Сама к нам пришла. Стоит такая вся в белом, с картонным стаканом из «Брю», смеётся и говорит: «Доброй ночи, она же день».

– Ну ничего себе! – наконец сказал Тим.

– Да, – согласилась Юрате. – Смешно получилось. Вы что, тоже к Трупку пришли?

– Нет, мы из дома вышли. Мы же с Трупком соседи. Я тебе разве не говорил?

– Ай, точно! Тем лучше. Я зачем-то вчера вам сказала, что люблю случайные встречи, и тут же прибежала наглядно продемонстрировать, чем они хороши. Как специально! Но нет. Я просто лампы добыла. Для «Крепости». Если уж затеяли выставку, пусть будет нормальный свет. Надо выбрать и вкрутить подходящие, а мне в таких делах веры нет. Я в постановке света не разбираюсь, по мне, и как есть – хорошо. Надо чтобы художник сам выбрал. А он всё проспал. Дозвонилась с пятого раза. И по голосу поняла, что без грубого насилия Труп до ночи из дома не выйдет. Но это не страшно, я люблю бесцеремонно вторгаться в чужую частную жизнь. Вот, несу ему кофе. Американо с апельсиновой цедрой. Не пробовали? Отличный! От такого и Труп воскреснет. Ну, я надеюсь, что он воскреснет. Не хотелось бы его в бар на руках нести.

То есть она вот настолько ангел, – потрясённо подумал Тим. – Мало того, что лампы для Трупка где-то достала, когда все магазины закрыты, так ещё и кофе ему принесла.

– Кофе на дом! С апельсиновой цедрой! Как же жалко, что я не художник! – сказал Самуил.

– Да у тебя и так вполне ничего профессия, – рассмеялась Юрате. – У всех троих. А кофейня здесь рядом. Практически за углом. Короче, возле музея, Тимка знает, или найдёт. Требуйте апельсиновый американо, и будет вам счастье. А я побежала, пока Труп не уснул по новой, и кофе не остыл.

Когда за Юрате захлопнулась дверь подъезда, Надя спросила Тима:

– Ты что, ей рассказывал, чем занимаешься и откуда сюда пришёл?

Тот даже не стал отвечать, только рожу скорчил, типа – за кого ты меня принимаешь? Не настолько же я идиот.

– Тогда какую, интересно, профессию она имела в виду?

– Да нашу, конечно, – беспечно сказал Самуил. – Такой ничего не надо рассказывать, достаточно просто рядом побыть.

– Мне тоже так кажется, – кивнул Тим. – Но вслух мы с ней об этом не говорили. И вообще мало о чём. Я там обычно помалкивал, больше слушал других, влезал в основном только в обсуждения книг, просто не мог удержаться. И как оказалось, правильно делал. У нас с Юрате внезапно нашлось много общих любимых писателей, о которых кроме нас никто даже не слышал. Потом я дал ей ссылку на «Лучшее лето»^[21], она его каким-то образом пропустила. Юрате в ответ начала делиться своими находками; собственно, я вам уже признавался, что всё стоящее за последние годы с её подачи нашёл. Мы бы наверное подружились, но она на меня примерно как тиршские благовония действует. Скучно дружить с тем, кто при виде тебя впадает в протрацию, – печально заключил он.

– Если так, – усмехнулась Надя, – у неё должно быть очень мало друзей!

* * *

В «Крепость» они собирались прийти попозже – такое кокетство, «я так сильно хочу тебя снова увидеть, что давай ты меня подождёшь». Но погодный отдел местной небесной канцелярии действовал грубо и прямолинейно, ледяной дождь, от которого никакие зонты не спасают, загнал их в бар ещё в начале восьмого. Собственно, правильно сделал: когда пришли, Артур как раз вынимал из духовки противень с бутербродами, обидно было бы их упустить. И Дана, склонившись над здоровенной кастрюлей, наливала туда кальвадос. И Раусфомштранд метнулся с подоконника к Наде, чтобы немедленно её забодать,

обмурлыкать, хитроумно заманить в самое уютное кресло, улечься сверху, лишить воли и обездвижить, в идеале – навек.

За время их отсутствия вчерашняя любительская развеска, способная разве что умилить – такие хорошие, картинок везде налепили для красоты, – успела превратиться в настоящую выставку. Великое всё-таки дело – свет. Новые лампы вносили в происходящее ясность, указывали, на что здесь надо первым делом смотреть, выгодно высвечивали каждую деталь фотографий, даже висящих под потолком.

– Фантастика! – сказали хором все трое. Причём Тим про лампы, Самуил про бутерброды, а Надя, естественно, про кота.

– Das ist fantastisch! – подтвердил Труп, сиявший ярче, чем лампы. И добавил по-русски, чётко, почти по слогам, чтобы не вышло, как обычно, похоже на «scheiße»: – Счас-тье!

– Наши хипстеры решили купить полдюжины его фотографий, – гордо сообщила им Дана. – И даже заплатили аванс.

– Какие хипстеры? – удивилась Надя.

– Симон и Степан, – напомнил ей Тим. – Такие красивые, бородатые. Ты ещё в первый момент решила, они близнецы.

– Да, – нетерпеливо кивнула Дана. – Они сначала хотели купить всего две для общей гостиной, но пока выбирали, дело как-то незаметно дошло до шести. Заберут после выставки, мы с Трупом решили, что если уж так заморочились, пусть всё повисит хотя бы до Рождества. А если эта дрянь, – она неопределённо махнула рукой в сторону улицы, – когда-нибудь рассосётся, они ещё и в свой офис купят пустой вокзал в разных ракурсах. По крайней мере, сказали, что очень хотят. И убежали страшно довольные; у них в это время, как я понимаю, ещё разгар рабочего дня.

– Счас-тье! – снова повторил Труп и с облегчением перешёл на немецкий, вспомнив, что соседи отлично на нём говорят. – Чем я только в жизни не зарабатывал! Но как настоящий художник – ещё никогда. Собственно и не рассчитывал. Просто захотел свои фотографии всем показать. И вдруг их купили! Чужие люди! Не богатые родственники, не близкие друзья, чтобы меня поддержать. Мы с этими чуваками едва знакомы, просто пересекаемся здесь иногда. И было видно, что им очень нужны мои фотографии. Выбрать никак не

могли. Я был готов отдать по себестоимости, просто окупить печать, но пока бекал-мекал, Дана сказала: «Сотня за отпечаток, только как для своих». Я чуть не помер на месте, так испугался, что они передумают. Но они даже торговаться не стали. Это почему-то так окрыляет! Я не жадный, и на жизнь мне пока хватает. То есть дело не в самих деньгах...

— ...а в том, что им настолько понравились фотографии, что они готовы потратить настоящие деньги, не фантики. Всё взаправду, — подхватил Самуил.

— Точно. Всё стало взаправду. Как будто я получил справку, что не зря на свете живу. И наконец-то, задним числом поверил каждому, кто раньше хвалил мои фотографии. До меня дошло, что я крут!

Дана, которая учила немецкий давно, ещё в школе, и почти всё забыла (кроме имени своего кота), укоризненно покачала головой, дескать, что вдруг за секреты. Нормально давай говори.

— Я гений, мне всё можно! — по-русски сказал ей Труп.

Все присутствующие дружно заржали.

— Это Юрате его научила, — вздохнула Дана. — И велела впредь на любые претензии так отвечать.

— Я плохому не научу, — флегматично заметила Юрате, которая всё это время тихо сидела в дальнем углу с телефоном. Как подменили. Не её стиль.

— Текст отличный прислали, — сказала Юрате уставившемуся на неё Тиму. — Тебе сто пудов понравится. Потом покажу.

— Если хотите ещё бутербродов, надо сбегать за хлебом, — громко объявил Артур. — И тёртого сыра совсем мало осталось. Я бы сам пошёл, но на мне куница сидит.

Куница Артемий важно кивнул, всем своим видом показывая, что не отпустит любимца в ужасную мокрую тьму.

— В рюкзаке у меня поройся, — сказала Артуру Юрате. — У тебя рука лёгкая. Может найдёшь батон.

— Кефирный! — открыв рюкзак, обрадовался Артур. — Для горячих бутербродов лучше всего. И сыр нашёлся. Маасдам. Не тёртый, куском, но это вообще не проблема. Можно его тоже взять?

— Аж сам Маасдам? — удивилась Юрате. — Ладно, за три твоих бутерброда я, пожалуй, его уступлю.

Спорим, ни батона, ни сыра у неё в рюкзаке изначально не было. Появились, когда Артур туда заглянул, – весело подумала Надя. – Как у бабушки в буфете сами собой появлялись мука и сахар, когда мне было лень за ними в лавку идти.

Вот вроде бы ничего особенного не происходит, – думал Самуил, допивая горячий яблочный сок с кальвадосом, обманчиво мягкий напиток, Дана сказала, старинный нормандский рецепт. – Ну бар, предположим, не хуже, чем дома. Где-нибудь в Козни вполне мог бы быть такой. Ну выставка; отличный, кстати, фотограф сосед. В ТХ-19 вообще очень много хороших художников, у нас бы их на руках носили, а они зачем-то с упорством, достойным лучшего применения, рождаются в ТХ-19, где почти никто им не рад. Неужели сами, выбирая место рождения, не понимают, что сюда устремляться не надо? А почему им никто не подскажет? Как так?! Для баланса они тут, что ли, необходимы? Уравновешивать созиданием новых высоких смыслов возведённое в норму унылое зло? Ладно, чего гадать, всё равно никогда не пойму наверное, теоретик из меня как из свечки весло... Хороший фотограф, договорились. И этот внезапно пьяный компот. И музыка, кажется, из тех времён, когда я впервые попал в ТХ-19 на практику, и был во всё сразу авансом влюблён. Да, музыка – это важно. Wish You Were Here, почти «Как жаль, что вас не было с нами»^[22], Тим недавно дал почитать, я заперся в ванной и плакал, лет сорок такого со мной не случалось, невероятный рассказ. Но даже это не объясняет, почему я сейчас себя чувствую, как... нет, не дома. Не знаю. Местные в таких случаях говорят «как в раю».

Вильнюс, Ноябрь 2020

– В этом доме, – сказала Юрате, – жил художник. Очень хороший; вообще у нас тут много таких. Но с этим конкретным что интересно. Пару лет назад он пропал с концами. Может, конечно, никому не сказавшись, уехал на край земли, или просто утоп в болоте. Факт, что никто о нём ничего не знает, и тело нигде не нашли. Поэтому дом до сих пор его собственность, других совладельцев нет, а чтобы пропавшего без вести официально признали мёртвым, должно пройти много лет. Но интересно не это. А то, что вместе с ним исчезли все его картины, которые он щедро раздаривал, а изредка продавал. В частности, тому же МО^[23], куда я вас отправляла в кофейню с апельсиновым американо. Полезный музей! Они, было время, у всех местных художников и их наследников скупали картины пачками. Так вот, его картины отовсюду пропали, как не было. Из музейных запасников и из квартир друзей. Никаких следов взлома не обнаружили. Хотя владельцы музея точно обращались в полицию. И племянник художника, и кто-то ещё.

Юрате внезапно вызвалась показать им город. Сказала, у неё свободен весь день. И водила какими-то хитрыми петлями, то и дело возвращаясь к узкой быстрой реке. И говорила, практически не умолкая. От этого Тиму казалось, что его голова вот-вот куда-нибудь улетит. Уйдёт гулять в мире духов, одна, без тела, как у людей Аймым^[24], про которых он где-то когда-то читал – не с Юратиной ли подачи? Или это эпос малых народов потусторонних реальностей, который на пятом курсе учили? Вот от чего можно было с ума сойти! Ладно, голова вернётся и вспомнит, а пока чёрт с ними, с Аймым, – думал Тим, то и дело украдкой щупая свою голову. Вроде на месте, твёрдая как обычно. А кажется, что вместо неё над плечами клубится туман.

– Полиция, – продолжала Юрате, – в ходе следственных действий решила заглянуть в дом художника. Не знаю, зачем. Видимо для порядка. И когда следователи подошли к дому, увидели через окна, что

внутри на стенах висят картины. Пропавшие из музея, или какие-то другие, через грязные стёкла было не разглядеть. Открыли, вошли, а в доме пусто. Ну то есть стены пустые, а мебель, сколько там её было, вся есть. И по следам на обоях видно, что картины тут когда-то раньше долгое время висели, но больше их нет. То есть, картины, которые хранились в доме художника, тоже пропали. Но через окна до сих пор можно на них посмотреть.

— Картины пропали, но посмотреть на них всё-таки можно? — переспросила Надя. — Я чего-то не поняла?

— Не поняла! — жизнерадостно подтвердила Юрате. — И те полицейские тоже не поняли. Почему с улицы видно, что в доме на стенах висят картины, которых на самом деле там нет? Ответа на этот вопрос они естественно не нашли. Я, кстати, тоже его не знаю. То есть технологию создания этого удивительного оптического эффекта не опишу. Но посмотреть на картины можно. Снаружи. Идёмте. Я вам покажу.

Надя до сих пор не особо интересовалась картинами. Ни в ТХ-19, ни дома в Лейне, ни даже в Эль-Ютокане, где в Потустороннем Художественном музее хранятся работы художников из разных реальностей, и все мастера Перехода считают своим культурным долгом время от времени его посещать. Однако Надя (Дилани Ана) в Эль-Ютокане предпочитала шляться по барам, а в Потустороннем музее только покупала красочные альбомы и постеры по заказам лишённых возможности посещать иные миры друзей. Но оказалось, смотреть на картины через пыльные стёкла — совершенно другое дело! Или художник такой гениальный попался. Или всё вместе. Факт, что даже её проняло.

— Ух какие! — сказала она. — В жизни такой красоты не видела... То есть, положила руку на сердце, видела. Но всего пару раз. И это были не картины! А северное сияние и закат в... неважно. Короче, когда песчаная буря и одновременно закат.

— Не пытайся сфотографировать, — улыбнулась Юрате Тиму, который, как самый настоящий местный подросток, сразу схватился за телефон. — То есть, делай что хочешь, просто толку не выйдет. С другой стороны, лишний раз удивишься. И то хорошо.

– Да, на фотографиях нет картин, – кивнул Тим. – Понятно, что стёкла грязные и камера слабенькая. Но хотя бы цветные пятна должны были получиться. А их нет, только серая пыль и светлые стены. Ничего себе, а.

– Хотел бы я знать, где сейчас на самом деле картины, которые нам тут мерещатся, – вдруг сказал Самуил, смотревший в окна и слушавший с интересом, но без особого удивления.

Про себя он уже решил при первой же возможности метнуться в Эль-Ютокан и расспросить в музее про новые поступления. Даже если там концов не найдётся, всё равно остаётся надежда. Эль-Ютоканский музей не единственный во Вселенной. Просто самый известный. А ещё есть частные коллекционеры. Тот же Суран Ба Шимей...

– Есть у меня пара версий, – улыбнулась ему Юрате. – Но таких фантастических, что их я, пожалуй, даже тебе не скажу.

* * *

– В этом дворе, – сказала Юрате, – раньше торговали крадеными снами.

– Чем-чем? – переспросила Надя.

Они бы все трое хором переспросили, но Самуилу нравится казаться невозмутимым, а Тим от удивления временно онемел.

Юрате рассмеялась, страшно довольная.

– Здесь торговали снами. В этой подворотне крутились старухи, которые умеют воровать сновидения. Не знаю, как именно, сама не пробовала. Но бабки отлично справлялись. И предлагали краденое всем прохожим, которых было немало, двор-то проходной.

А это точно-точно ТХ-19? – подумала Надя, за время прогулки уже наверное в сотый раз. – В ТХ-19 много врут, но совершенно иначе. И шутят не так!

– И что, прохожие покупали? Чужие сны? За настоящие деньги? – наконец спросил Самуил.

– Некоторые покупали. Не то чтобы кто-нибудь в это верил. Просто всегда находятся люди, которые любят абсурд. А другие просто жалели нищих старух. Благо те высоких цен за сны не заламывали, брали, сколько дают. Одной монетки было вполне достаточно. Любого

номинала, хоть цент. За туфли для сна старухи, конечно, брали дороже. В зависимости от качества и настроения продавщицы, от двадцати до сорока лит^[25]. Что справедливо: всё-таки туфли материальны. На них тратятся нитки, кожа, время и труд...

– Туфли для сна, – повторила Надя. – Чёрт знает что! Это чтобы ноги во сне не мёрзли? Вместо носков?

– Это, в общем, и были носки, – подтвердила Юрате. – Короткие носки с подошвой из тонкой кожи. Довольно тёплые. Но спать в них надо не ради тепла. А потому что на подошвах начерчены специальные знаки, которые оставляют следы в любом сновидении. И если заблудишься, или просто забредёшь в опасное место, в таких туфлях легко вернуться назад. Может показаться, это излишняя предосторожность. Но она совсем не излишняя! В этом городе такие сны порой снятся, что никогда не знаешь заранее, на каком проснёшься яву.

– Чёрт знает что! – снова сказала Надя.

– Сомневаюсь, что черти знают так много, – рассмеялась Юрате. – Хотя возможно я здорово недооцениваю чертей.

– А что на самом деле получали люди, которые давали старухам деньги за сны? – спросил Самуил.

– Так сны же и получали! Чужие. Они покупателям снились как миленькие в ближайшую ночь. Дану при случае расспросите. Она в своё время часто на этот рынок ходила. Данка обожает и благотворительность, и абсурд. И ей всегда после этого снилась полная ерунда. То какие-то формулы, то как будто она солдат, которому изменяет невеста, то детский сад, куда она никогда не ходила, потому что с бабкой росла, что-то ещё, сейчас уже и не вспомню; неважно, много всего. Сновидения – дело тёмное, не проверишь, но если человек утверждает, что сны были явно чужие, проще принять на веру, сновидцу видней.

– А где теперь эти старухи? – К Тиму наконец вернулся дар речи, и он сразу взял быка за рога.

– Хороший вопрос, – вздохнула Юрате. – Давайте будем считать, что их разогнала полиция. За незаконную торговлю в неподобающем месте. Например.

– Здесь, – сказала Юрате, остановившись на пешеходном мосту через реку, – раньше был другой, старый мост. Не точно на этом месте, а чуть выше по течению, буквально в паре десятков метров. Считался аварийным, был увешан табличками «опасно», «запрещено», а на самом деле чего там опасного, просто весь в трещинах и почти без перил. Люди, конечно, ходили – в основном старожилы, их тут было на пальцах пересчитать. Жилому комплексу на том берегу три года от силы, а этот квартал только-только начали заселять. Когда-то здесь стояли заводы, а потом много лет оставались какие-то склады, подозрительные мелкие офисы, заброшки и бескрайние пустыри... Неважно. Я про старый мост говорила. Он был непростой. Точнее, река в этом месте у нас непростая. Мне рассказывали, что если прыгнуть, зажмурившись, в реку с того моста, можно попасть в поток не воды, а времени. И приплыть к совсем другим берегам.

– В прошлое, или в будущее? – спросил Тим, большой любитель научной фантастики.

– Куда выносило, туда выносило, – пожала плечами Юрате. – В разные времена.

– Но прошлого не существует, – неожиданно возмутился Самуил, и сам удивился силе охвативших его эмоций. – Время, – добавил он, – это же не коридор, по которому можно бегать туда-сюда, а изменение материи, череда перемен. Как мгновенно попасть в будущее, я хотя бы теоретически представляю: если прийти в такое особое состояние, в котором ни одна переменная тебя не затрагивает, а потом снова в нормальное, может оказаться, что для всех остальных уже прошло много лет. Но прошлое просто каждый миг превращается в настоящее. Оно не хранится в тайном кармане Вселенной. Нечему там храниться! Прошлого больше нет.

– Да, конечно, – легко согласилась Юрате. – Именно так и есть. Но у нас, понимаешь, такая речка. С такими непростыми течениями. И с таким тяжёлым характером. Хрен ты ей объяснишь, как правильно. Она тебя и слушать не станет. А если даже услышит, сделает наперекор. Так что отдельных счастливиц всё-таки уносило в прошлое. Я даже была знакома с одним. Римасом звали. Дед как дед, ничего особенного. Я имею в виду, не мистик, не эзотерик; с другой

стороны, если вспомнить, какие тут эзотерики, это ему только в плюс. Факт, что две своих жизни одну за другой он прожил.

– Это как? – изумилась Надя.

– Чисто технически? – уточнил Тим.

А Самуил только скорчил негодующую рожу. Всем троим.

– Ну как. Сперва дожил почти до семи десятков, был крайне недоволен итогами, одинокой старостью, близостью смерти, своим самочувствием и в целом собой. Обычная история, к сожалению. Исключения по пальцам можно пересчитать. Уж не знаю, от кого он услышал байки про мост и почему им поверил, но решил попытаться. Терять-то нечего. Всё равно уже ноги почти не носят и не радует ничего. Однажды ночью выпил для храбрости, доковылял до моста и прыгнул в реку. Она в этом месте мелкая, едва ли по пояс, но быстрая. Закружила и унесла. Дед практически захлебнулся, но всё-таки как-то вынырнул. Удивился, что сил заметно прибавилось, посмотрел на руки, а они без морщин. В общем, вылез на берег уже молодым. Сел, поплакал от счастья и ужаса, более-менее успокоился, подумал, да и пошёл домой.

– Домой? – ахнул Тим. – И встретился там с прошлым собой?

– Да ну, нет. Не было никакого второго его. Вообще никаких спецэффектов. Как будто долгая трудная жизнь оказалась сном, приснившимся впервые хлебнувшему водки подростку. А теперь он проснулся – сам как новенький, всё на месте, на дворе шестьдесят первый год.

– Скорее всего, так и было. Бывают такие сны, в которых за считанные часы проживаешь целую долгую жизнь. Это всё объясняет, – обрадовался Самуил.

– Особенно, почему он самого себя в прошлом не встретил. Того мальчишку, из которого старик получился, – подхватил Тим.

А Надя только спросила:

– Что было дальше?

– Дома его ждали родители, устроили сыну разнос, что где-то шлялся полночи, вернулся с запахом перегара и мокрый, хоть выжимай, так можно заработать воспаление лёгких, не лето же, поздний октябрь. Ну ничего, раздели, растёрли, напоили наливкой. Очухался. И стал заново жить свою жизнь. Иначе, не так, как запомнил. Решил исправить поступки, которые ему на старости лет

стали казаться роковыми ошибками, и посмотреть, что получится. Много чего изменил. Не стал поступать в политехнический институт, выучился на судового повара, чтобы мир посмотреть. Не женился на той девчонке, с которой они в прошлый раз друг другу испортили жизнь. Не разругался вусмерть с отцом, потому что помнил, как тот умер в больнице, не успев помириться, и как он сам потом из-за этого до старости горевал. Да кучу всего! Помнил все свои крупные промахи и старался их не повторять.

— Но ничего не вышло? — печально спросила Надя, усвоившая из книг, что в ТХ-19 хорошо ничего не заканчивается. Разве что сказки, да и то только те, которые пишутся для детей.

— Почему вдруг не вышло? — удивилась Юрате. — Отлично всё получилось. Когда я с Римасом познакомилась, у него был свой ресторан. Недорогой и очень хороший по тем временам. И здоровье вполне ничего, особенно на фоне ровесников. Дочки выросли, обе уехали в Англию, он их там иногда навещал; правда жена умерла, но тут ничего не поделаешь, сколько в речку ни прыгай, а шансы жениться на бессмертной фее у человека невелики. В общем, хорошая у Римаса вышла жизнь со второй попытки. Не о чем было в старости сожалеть. Но однажды он мне признался, что хочет попробовать пожить в третий раз. Просто из любопытства. Что будет, если на некоторых развилках снова выбрать другой вариант?

— И?! — воскликнула Надя. — У него получилось?

— Понятия не имею, — улыбнулась Юрате. — Но факт, что свой ресторан Римас вскоре продал. И квартиру. И как мне говорили, уехал не то к детям в Англию, не то к друзьям в Аргентину. Но на самом деле, никто не знает, куда старик подевался. Писем он никому оттуда не пишет. И не звонит. Так что может и правда нырнул в третий раз. И живёт теперь, к примеру, в Италии. Сидит вот прямо сейчас под старой оливой с женой, козой и тремя сыновьями, хором матерят карантин.

— Этого быть не может, — твёрдо сказал Самуил.

— Теперь-то уже точно не может! — подтвердила Юрате. — Старый мост разобрали, а новый построили в стороне. В этом месте хоть обныряйся, только речной воды наглотаешься. В лучшем случае. Если судьба и река пощадят. А тогда... Ладно, ладно, хватит сердиться! — рассмеялась она.

Подошла к Самуилу, обняла, и Тим готов был поклясться, что в этот момент Юрате была выше того на голову. И чуть ли не шире в плечах. Впрочем, секунду спустя он моргнул и сразу увидел, что Юрате среднего роста и среднего же сложения. Как всегда и была.

– Я не придумала эту историю, чтобы тебя подразнить, – сказала она Самуилу. – Хотя своими глазами не видела. И рядом с Римасом на мосту не стояла. Тем более, не толкала его с моста. Просто сидела и слушала. И вина ему подливала, а сама, чтобы лучше запомнить, почти не пила. А твою концепцию времени как череды изменений я, если что, целиком разделяю. Просто жизнь иногда выходит за рамки любых концепций. Такое уж странное место у нас.

– Город? – спросила Надя с интонацией «я так и знала!»

– Город, – кивнула Юрате. – Да и в целом весь этот мир. Помнишь: «Если Бога нет, всё дозволено»? А от нас Бог как раз на минуточку отвернулся, кому понравится на такое смотреть. И реальность сразу распоясалась. Кот из дома, мыши в пляс. Совершенно не удивлюсь, если Римас, прыгнув с моста, угодил не в настоящее прошлое, а перешёл из вероятности в вероятность. В тот момент иной вероятности, где он молодой. Это гораздо проще, хоть и кажется ещё более невозможным. Но только на первый взгляд.

– Ни черта не понимаю про разные вероятности, даже не представляю, что ты имеешь в виду. Но всё что угодно гораздо менее невозможно, чем возвращение в прошлое, которого не бывает, – улыбнулся ей Самуил.

– На том и сойдёмся, – кивнула Юрате. – А понимать разнообразие вероятностей я и сама на голодный желудок не потяну. Пошли обедать... ай, чёрт, всё закрыто же! Вечно я забываю. Ничего, закажем доставку на дом. Я недалеко тут живу.

Вильнюс, Ноябрь 2020, никогда

«Недалеко» в устах Юрате означало, как выяснилось, не «близко», а что-то вроде «точно меньше суток пути». Шли быстрым шагом около получаса, почти не отвлекаясь на болтовню, Юрате только иногда говорила: «Смотрите, какой красивущий дом», – или: «Ой, там за углом интересное! Ладно, вернёмся потом».

Наконец свернули во двор невысокого двухэтажного дома. Думали, что пришли, но Юрате сказала:

– Это мы сокращаем путь. Выйдем на параллельную улицу через сквозной подвал. Там нормально. Сухо и чисто. Правда довольно темно. Но вы держитесь. За перила, или за стену. И с оптимизмом смотрите в будущее. Хотя бы в ближайшее. Мы уже, считайте, пришли.

– Через подвал! – обрадовалась Надя.

– Ух ты! – воскликнул Тим.

А Самуил, по дороге снова обретший утраченную было невозмутимость, предпочёл её сохранить.

Прошли в дальний угол двора и упёрлись в чуть приоткрытую ветхую деревянную дверь. Юрате её толкнула и остановилась, пропуская гостей.

– За перила держитесь, – повторила она. – Там лестница, потом поворот, а за углом сразу станет светлей.

Самуил пошёл первым. Решил: если кто-то из нас обречён споткнуться, грохнуться с лестницы, или вписаться в стену, пусть это буду я, что мне сделается. Я же практически... – как это было в местных северных мифах? – а, точно, ётун. Предвечный инеистый великан.

На самом деле в подвале оказалось не так уж темно. Не настолько, чтобы пришлось пробираться совсем вслепую. Стены вполне можно разглядеть. Но он всё равно спускался медленно и осторожно, чтобы притормозить идущих сзади друзей. И зачем-то считал ступеньки.

Насчитал двадцать семь. Много, вообще-то. Это уже не подвал, а какие-то катакомбы. Ничего себе «путь сократили»! Но ладно, спасибо, хоть не двести наверх.

Лестница наконец закончилась, Самуил прошёл по неровному земляному полу буквально метра три до угла, а за поворотом, как и обещала Юрате, сразу стало светлей, потому что дверь в конце коридора была нараспашку. А за дверью внезапно солнечный день. И от этого Самуила охватило такое знакомое спокойное счастье, словно сигару из Тёнси только что покурил.

Подумал: как же быстро здесь погода меняется, весь день небо было обложено низкими тучами, и по земле мы тоже как будто сквозь тучу шли. А теперь – раз, и солнце! И сразу стало теплее, – понял он, когда вышел наружу и оказался, вопреки здравому смыслу – всё-таки только что спускался по лестнице и насчитал двадцать семь ступенек, – на вершине небольшого холма, заросшего по-летнему яркой зелёной травой.

Пока гуляли, было максимум градусов пять, а теперь плюс десять, наверное, – неуверенно подумал Самуил, расстёгивая пальто и прислушиваясь к ощущениям. – Если не все пятнадцать на солнце. Охренеть.

– Охренеть! – сказал Тим, выходя из подвала. – Это дверь в лето, что ли, была?

– Мяу, – подхватила Надя, протиснувшись между ними. – Но не в лето. Примерно в начало октября. На деревьях все листья жёлтые, но только-только начали облетать. А ощущения почему-то весенние. Вот этот ни с чем не сравнимый победительно глупый восторг: «аааа, всё начинается прямо сейчас!» Каждая весна начинается как самая первая в мире, словно до неё ничего подобного не было. И в этом смысле здешняя тёплая осень – как наша весна.

– Лихо у тебя получилось, – сказала Самуилу Юрате. – Я конечно на это рассчитывала, пропуская тебя вперёд. Но не надеялась! Впрочем, так оно всегда и работает. Никакой надежды, один холодный расчёт.

– На что именно ты не надеялась? – спросил Самуил. – Что погода так резко изменится?

– На это, в частности. Здесь всегда ощутимо теплей, – она рассмеялась, явно довольная общей растерянностью. – Неважно.

Потом. Для начала мы пообедаем. Здесь рядом отличная пиццерия. Идём!

Спустились с холма по тропинке, оказались на мощёной булыжниками мостовой. Вполне обычная улица, каких в Старом городе много, просто упирается в холм. Невысокие, двух-трёхэтажные, навскидку примерно начала прошлого века, но недавно отреставрированные, ярко (для непривычного глаза – слишком) окрашенные дома. Впрочем, это было красиво – вишнёвый, терракотовый, алый и внезапно наглый оранжевый, как апельсин.

– Здесь, – сказала Юрате, остановившись перед вывеской «Голод и тётка».

– Смешное название, – одобрил Тим.

Вошли. Внутри были светло-серые стены, алые скатерти и занавески, красно-белый кафельный пол. Очень чисто, светло и пусто. Ни единого посетителя, и за стойкой никого. Что объяснимо, – вспомнила Надя. – У них же тут карантин. Удивительно, что вообще открыто. Тоже как «Крепость»? Только те, кто здесь к месту, могут войти?

– Нет никого, – сказала Юрате. – И не будет. Это нормально. Надо самим идти на кухню и выбирать из того, что найдём. Ничего, судя по запаху, голодными не останемся.

– Там явно есть пицца, – уверенно сказала Надя. – Пахнет, как будто только что испекли.

– Горячее тесто, томаты и сыр, – авторитетно приняввшись, подтвердил Самуил.

– Надеюсь, она без анчоусов. Потому что пицца с анчоусами – самое страшное гастрономическое разочарование моей жизни, – вспомнил Тим.

– Я с анчоусами вообще ни разу не пробовала, – улыбнулась Юрате. – Кто-то из друзей заранее предупредил.

– Меня тоже предупреждали. Но интересно же! Я тогда был глупый и молодой.

– Зато теперь зашибись какой мудрый стал старикашка, – фыркнула Юрате. – Ладно, пошли грабить кухню. Кто любит пожрать, за мной!

В кухне было так же пусто, светло и тихо, как в самом ресторане. Плита и посуда такие чистые, словно ими никто никогда не пользовался, зато дважды в день протирали пыль. Великолепная печь для пиццы тоже чистая и холодная, явно давно ничего не пекли. Но на большом рабочем столе были разложены круглые доски с горячими пиццами, уже разрезанными для подачи на шесть частей. На четверых – добрый десяток, есть из чего выбирать.

– И бутылка вина нашлась, – сказала Юрате, открыв холодильник. – Какое-то розовое сухое. Под пиццу, по-моему, самое то. Берите еду и идёте. В такую погоду грех сидеть в помещении. А у Тётки прекрасный укромный двор.

Вышли из кухни через заднюю дверь в небольшой внутренний дворик, с трёх сторон окружённый домами, а с четвёртой – зарослями самшита, где на траве, усыпанной золотыми кленовыми листьями, стояли четыре стола.

– Отлично! – обрадовался Самуил. – Если опять начнём обсуждать путешествия во времени и окончательно перессоримся, каждый сможет обедать за отдельным столом.

– Это вряд ли, – усмехнулась Юрате. – Я имею в виду, вряд ли мы перессоримся. Даже не потому что мы разумные взрослые люди, а просто в силу отсутствия причины раздора. Времени в привычном смысле здесь нет. Только иллюзия последовательности событий, скажем спасибо своим бедным умам за способность интерпретировать поступающую информацию привычным способом. Но подлинному положению дел наша интерпретация не указ.

– Чего? – растерянно переспросила Надя.

Она понимала все слова по отдельности, но смысл их суммы ускользал, оставляя во лбу подозрительно сладкий звон.

– Неважно, – отмахнулась Юрате. – Будем считать, я вас развлекаю. Я – мастер застольной беседы, практически тамада. Поэтому предлагаю сесть вместе. Вон за тот стол, он самый большой.

Стол был рассчитан на шестерых, поэтому вчетвером расселись привольно. Тим сразу впился зубами в пиццу, только что не рычал. Юрате снова сходила на кухню, вернулась со штопором и бокалами. Открыла бутылку буквально одним ловким движением. Разлила вино, подняла свой бокал, сказала, глядя на Самуила:

– Спасибо, дорогой, за шикарный подарок. Пью за тебя.

– А что ты называешь подарком? – осторожно уточнил Самуил.

– Ты из подвала крайне удачно вышел. Ну и мы все за тобой. Это так редко случается, что может считаться чудом. Давайте есть пиццу, пока не остыла. Если что, с ней всё в полном порядке. Я имею в виду вкус и воздействие на организм.

– «В порядке» – не то слово! – с полным ртом промычал Тим. – Лучшая пицца в моей жизни. Вот честно. А я ещё сомневался, не взять ли другую, потому что в этой грибы...

– А ты вообще чего такой невозмутимый? – спросил его Самуил. – С тобой здесь что, постоянно подобные штуки случаются? И ты привык?

– Я возмутимый! – заверил его Тим. – Просто очень голодный. Плюс читал слишком много фантастики. И в «Крепость» часто ходил. А «Крепость» всё-таки бар, не кофейня. Трезвым там остаться непросто. Выпьешь пару коктейлей, сидишь с куницей на голове, читаешь какой-нибудь старинный фантастический сборник, который Артур из ящика для книгообмена принёс, слушаешь краем уха рассказы старухи-соседки о деревенских проклятиях и приворотах, своими глазами видишь, как исчезает прямо из кресла Поэт. И от этого всё перепутывается. Что было и чего не было. Кексы, космос, глинтвейн, горячие бутерброды, травы с кладбища, машина времени, джин-тоник, невеста-утопленница, нуль-тэ.

– Отличная подготовка, – подтвердила Юрате. – Тебе повезло.

– Да не то слово. Я Труп по гроб жизни должен за то, что привёл меня в «Крепость». Только не представляю, чем отдавать.

– Не говори ерунду, – отмахнулась Юрате. – Во-первых, никто никому ничего не должен, просто так сложилась судьба. А во-вторых, ты ему всё равно с процентами отдаёшь.

– Разве? Я даже выпивку ему за всё время всего пару раз покупал.

– При чём тут какая-то выпивка. Отто – настоящий художник. Таким трудно живётся. Я сейчас даже не об успехе и признании говорю. А только о том, что в человеческом мире так себе атмосфера. А у художников обострённое восприятие. Постоянно смутно чувствуют общую тяжесть и боль, а в чём дело, не понимают. Обычно приходят к выводу, будто это с ними что-то не так. И Отто маялся, хотя ему всё-таки проще, чем многим. У него от природы лёгкий характер. И в «Крепость» дорогу знает, а там дышится хорошо. Но с тех пор как

ты поселился в соседней квартире, чувак натурально расцвёл. Мы с Данкой ещё гадали, что с ним такое случилось? То ли нашёл на автобусной остановке кошелек с чужим просветлением, то ли феи его по ночам таскают на вечеринки в волшебный холм? А когда он привёл тебя в «Крепость», всё стало ясно. С таким соседом за стенкой любой расцветёт.

– То есть я излучаю что-то настолько хорошее, что по соседству со мной становится легче жить? – обрадовался Тим, отправляя в рот последний кусок.

– Будь здоров излучаешь, – кивнула Юрате. – И кстати, если ты не наелся, в кухне осталось ещё несколько пицц.

Тим кивнул, убежал и тут же вернулся с добавкой, довольный, но озадаченный.

– Она горячая, представляете? Как будто из печки только что вынули. А предыдущая за то время, пока я её ел, успела остыть.

– Потому что находилась в зоне твоего внимания. И на неё воздействовали твои представления о времени и переменах, которые оно неизбежно несёт, – объяснила Юрате. – А объекты, на которые не направлено человеческое внимание, свободны от изменений, потому что здесь нет времени. Для этой пиццы с тех пор, как мы вышли из кухни, и мгновения не прошло.

– Этого я не понимаю, – вздохнул Тим.

– И я, – подхватила Надя.

– Лично я вообще ничего не понимаю, – утешил их Самуил. – Кроме того, что мы крайне удачно зашли.

– Да не то слово, – подтвердила Юрате. – Натурально сорвали банк.

– Это другая реальность? – прямо спросила Надя.

– Нннуу так, – неопределённо протянула Юрате. – Не то чтобы вот прямо реальность. И не настолько другая, как та, откуда вы к нам пришли.

– Но... – начала было Надя, сама не понимая, зачем и какими словами собирается возражать.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Юрате. – А то я типа не знаю, с кем говорю. Нет, если надо, я могу сделать вид, что неудачно пошутила. Просто мне кажется, это сейчас ни к чему. А так-то я вполне деликатная. Тимку вон годами не дёргала, решила, ну его к

чёрту. Поймёт, что спалился, уйдёт огородами и больше к нам ни ногой.

– Да, мог бы, – подтвердил Тим. – Меня так учили. Техникoй безопасности не стоит пренебрегать. Но если очень хочется, всё-таки можно. А мне так в «Крепости» нравится! Так что на самом деле я бы вряд ли сбежал.

– А втрoём тем более не сбежите, – заключила Юрате. – Что ж вы, совсем дураки? У нас тут такой шикарный подпольный бар с котом и куницей, туманы, качели над речкой, кофе с апельсиновой цедрой, постапокалиптические пейзажи, мистические явления чуть ли не в каждом втором дворе. И я, такая загадочная, с шикарнoй коллекцией неопубликованных книжек и захватывающими экскурсиями не пойми куда.

Взмахнула вилокoй крест-накрест, как бы перечёркивая не то сомнения собеседников, не то собственные слова. Разлила остатки вина по бокалам. Обвела их сияющими глазами. Сказала:

– Вы спалились, и я немножко спалюсь. Чтобы всё честно! Это место, где мы находимся, не какая-то другая реальность. И вообще, к сожалению, не реальность. Это всё существует условно, хотя уже могло бы – должно! – безусловно быть. Пиццерия, сад, дом и улица; она смешно называется – Двух Воробьёв. Город, фермы, которые его окружают, реки, озёра, холмы и леса. И всё остальное. Весь мир. Однако не получилось. Хотя пока, сами видите, окончательно не исчезло. Осталось. Как возможность всё-таки сбыться всем обстоятельствам наперекор. Давайте за это и выпьем. Не то чтобы тосты радикально чему-нибудь помогали. Но хуже-то точно не будет. За шанс!

– То самое разнообразие вероятностей, о котором ты на мосту говорила? – спросил Самуил.

– Ещё и умный такой, – усмехнулась Юрате.

– Был бы умный, сам себя понимал бы. А так – не особо. Просто сказал, и всё. В юности я увлекался истoрией развития гуманитарной мысли, читал всех наших древних философов подряд. Это было давно, и в голове у меня страшная каша. Но смутно помню гипотезу, что для некоторых реальностей характерно наличие нескольких вероятностей сразу. Вроде как они могут какое-то время существовать более-менее равноправно, уравнивая друг друга, но рано или поздно одна из

вероятностей входит в силу и вытесняет все остальные, саму возможность существования альтернативы, как бы стирает их. И становится обычной реальной реальностью. Такой, каких большинство. Причём это вовсе не обязательно плохо. Иногда в дополнительных вероятностях такой ужас творится, что ну их совсем.

– И такое бывает, – легко согласилась Юрате. – В нашем случае всё гораздо сложнее. Но ваши философы заранее помогли тебе сделать огромный шаг в сторону понимания. Крутые они!

– Были в древности, – вздохнул Самуил. – Я читал их запоем, как детективы. За уши не могли оттащить. К сожалению, попытки объяснять непознаваемое давным-давно вышли из моды. Мы – я имею в виду не присутствующих, а цивилизацию в целом – многое с тех пор повидали и стали мудрей. Чем больше узнаёшь об окружающем космосе, тем очевидней становится, до какой степени он непостижим. Отсюда следует заключение, что догадки, теории и рассуждения неизбежно упрощают подлинную картину мироустройства, подменяют жажду знания иллюзией обладания им, избавляют нас от попыток вообразить непостижимую сложность Вселенной во всей полноте. Так считают представители большинства современных школ философии. Я-то сам не согласен с подобным подходом. Мне кажется, человеку надо сперва узнать, что в принципе есть такая задача – вместить в себя бесконечность, объяснить себе мир. Заинтересоваться вопросом, выяснить, какие есть варианты ответов, удивиться их разнообразию, осознать, что раз ответы были записаны, значит в каждом содержится правда – хоть какая-то её часть. А уже потом призывать на помощь собственное воображение. Ну или не призывать... Ладно, древние-то остались, никуда их трактаты не денутся. Лично мне с головой хватило. Я скорее просто сочувствую современным философам. Огромное удовольствие упускают, отказавшись новые теории сочинять... Я зануда, сам понимаю. И обычно стараюсь беречь от себя окружающих. Но есть темы, на которых меня несёт.

– Да нормально, – улыбнулась ему Юрате. – Не зануда, а просто немножко маньяк. И тема как надо. О чём ещё волноваться, если не об устройстве Вселенной и людях, которые пытаются хоть что-нибудь в нём понять. В награду за это слушай. Все слушайте. Я попробую объяснить.

Она подобрала с травы и положила на стол два кленовых листа, жёлтый и алый. Накрыла рукой, усмехнулась:

– Это, если что, не часть грядущего объяснения. Просто хочу унести их с собой, а потом заговорюсь и забуду. И огорчусь, а это уже ни в какие ворота, мне нельзя грустить... Ладно. Вкратце, примерно так. Иногда у реальности в силу стечения ряда удивительных обстоятельств появляется шанс радикально измениться к лучшему. Вроде того, как обычный человек, попав в хорошие руки, может стать профессором математики, мастером дзена, или великим певцом. Ясно, что употреблять категории «лучше-хуже» в серьёзных рассуждениях не следует, но мы с вами до известной степени люди, а значит нам свойственно оценочное мышление и понятна эта шкала. Любой из вас подтвердит, что в Лейне живётся лучше, чем в как-мы-правильно-называемся?

– ТХ-19, – подсказал Тим.

– Да, спасибо. С номером почему-то ужасно смешно. Насчёт «лучше-хуже» согласны? Ну хорошо. Мы говорили про шанс. Так вот, столь глобальные изменения происходят не в линейной последовательности, а сразу во всех временах. Если совсем упрощённо, на условном луче, устремлённом в неизвестность, которая называется «будущим», появляется точка, где всё получилось, реальность окончательно изменила свою природу, бесповоротно и неотменяемо стала иной. И у этой новой реальности, конечно, есть своё прошлое. Бесконечное множество дел и событий, закономерным итогом которых является вот такой результат. Пока понятно?

Самуил бодро кивнул, потому что в юности неоднократно слышал что-то похожее на лекциях по теории овеществления, и с друзьями потом, напившись от ужаса, обсуждал. Тим сидел с видом старательного отличника: понял, не понял, потом разберёмся, но изложение близко к тексту, если что, напишу. И только Надя честно призналась:

– Ни хрена не понятно. Но так интересно, что ты, пожалуйста, продолжай.

– Продолжаю. Теперь попробуйте представить, как нити невообразимой новой общей судьбы вплетаются в ткань реальности, которую должны изменить. Сперва почти незаметно, крошечными фрагментами. Понемногу фрагменты складываются в зримые островки

чего-то явно иного, которого в этой реальности не может быть. Это, помимо прочего, очень красиво – когда реальность становится похожа на лоскутное одеяло. В одном моменте сосуществуют, пересекаются, взаимодействуют друг с другом фрагменты реальностей разной природы, с разными смыслами и возможностями, разным прошлым и будущим, но мир при этом – един.

– Охренеть как красиво! – вырвалось у Самуила.

– Да, – подтвердила Юрате. – Но красота, к сожалению, не спасла этот мир. Реальность так яростно отвергала фрагменты иных прекрасных возможностей, что у неё получилось. Почти. Я понятно? Ай, сама знаю, что непонятно. Но не представляю, как лучше вам объяснить. Процесс вплетения в ткань реальности новых прекрасных волокон пошёл по пи... не так, как хотелось бы. Реальность отторгла изменения, как организм отторгает инородное тело. Все, не все, но много. Сколько смогла. Таким образом её альтернативное лучшее будущее лишилось почти всех своих причин и опор. И перестало быть будущим. Теперь оно существует на правах одной из несбывшихся вероятностей. Их почти у всякой реальности множество; у этой, в основном, одна страшнее другой. К счастью, ни у одной из них нет силы сбыться. У нас, к сожалению, тоже. Мы не случились. Не получились. Обидно, но это так.

– Вы? – переспросила Надя.

– Ну так да, – пожала плечами Юрате. – А откуда ещё, по-твоему, я такая взялась. Я – одна из последних опор несбывшегося. Бывший его дух-хранитель, а теперь, когда хранить стало нечего – всего лишь воспоминание о том, чего не случилось. Упущенная возможность, неиспользованный шанс. Здесь мой дом, мой смысл, моё сердце. Я есть, пока это всё окончательно не исчезло. А оно до сих пор не исчезло, потому что такова моя воля. Баланс!

И рассмеялась так беспечно и беззаботно, словно только что рассказала им анекдот. А Надя заплакала, как в детстве рыдала над книгами с несчастливым концом.

– Невыносимо, – сквозь слёзы объяснила она. – И очень красиво. И всё абсолютно зря. И от этого ещё красивей. И так больно, как будто я сама должна исчезать.

– Ты точно не должна! – заверила её Юрате. – У вас-то, невзирая на крайне причудливое происхождение, совершенно нормальный

устойчивый мир. Да и я сдаваться не собираюсь. Что в итоге исчезнет, а что останется, это мы ещё поглядим.

– Ни хрена себе тут у вас фэнтези происходит! – восхищённо выдохнул Тим. – А казалось – ну, ТХ-19. Отличные книжки, скучнейший мир.

– Да так себе у нас фэнтези, – невесело усмехнулась Юрате. – Написать обо всём этом книжку, так никто ни хрена не поймёт. В чём вообще у этих придурков проблема? Где нарратив? Где конфликт? Куда подевалась любовная линия? Когда будет катарсис? Как – уже был?!

– В точку! Я тебя обожаю! – расхохотался Самуил.

– Взаимно. Причём всех троих. Описать не могу, как рада, что не с кем-то, а с вами сюда забрела! Нарочно такое не подстроишь; то есть, попытаться-то можно, но без гарантий. Я всегда на всякий случай пытаюсь, с кем бы мимо того подвала ни шла. За почти полвека всего в тринадцатый раз получилось. Чёртова дюжина! Хороший знак.

– Я внезапно страшно замёрзла, – пожаловалась Надя. – Хотя грех, конечно, капризничать. Отличная погода для балтийского ноября.

– Ты права, – сказала Юрате. – Похолодало. Какого чёрта так быстро всё?! Ладно, на самом деле не на что жаловаться, мы больше часа тут провели. – Поднялась, взяла со стола разноцветные листья, скомандовала: – Пошли.

– Куда? – спросил Тим, предвкушая предстоящие приключения в несбывшемся мире, который, согласно законам жанрового романа, им теперь явно предстояло спасти неизвестным пока, но сто пудов приятным и увлекательным способом. Обретая в процессе сокровища, верных друзей-драконов и прекрасных принцесс.

– Куда получится. Всё равно. Просто сейчас лучше идти, чем сидеть и стоять.

– А, мы должны срочно отсюда убратся? – сообразил Самуил.

– Да не то чтобы вот прям должны, – вздохнула Юрате.

Подхватила его под локоть, другой рукой обняла Надю и Тима и потащила всех за собой в пиццерию, а оттуда на улицу, в конце которой зеленел невысокий холм.

– Реальность, – говорила она на ходу, – сама распрекрасно справляется, подменяя одну вероятность другой, гораздо более вероятной. Как будто не было ничего. Но вы всё запомните, я в вас верю. Не забываете же вы свой дом. У Ловцов хорошая подготовка.

Плюс пицца и вино. Отлично, что мы у Тётки поесть и выпить успели. И в наших телах теперь содержится здешнее вещество. А идти надо, потому что на ходу перемены легче переносить.

– Ох ты господи! – воскликнула Надя, неожиданно ощутив приступ тоски столь сокрушительной силы, что сперва приняла её за физическую боль, или тошноту, непонятно, нет сил разбираться, просто стало очень плохо, и всё.

– Вот именно, – согласилась Юрате. – Я сама всегда тяжело выхожу. Ничего, сейчас станет лучше. Думай про что-нибудь однозначно хорошее. Да хоть про кота, который тебя в «Крепости» ждёт.

– Раусфомштранд вчера был в баре, – вспомнила Надя. – Значит сегодня он выходной.

– Ну не настолько же он выходной, чтобы о нём нельзя было даже подумать! – возразила Юрате.

– Или про рыжего в букинисте, – подсказал Наде Тим. И признался: – Мне что-то тоже не очень. Как будто с пиццей пару томов Достоевского проглотил и закусил Сологубом. Бр-р-р-р! Но я помню, что у меня в компьютере сейчас открыты три файла. Такие! Такие!!! – от избытка чувств он подпрыгнул, ускорил шаг, почти побежал, обогнал своих спутников, потом вернулся и неловко ткнулся лбом в плечо Юрате. – Тебе за них до неба спасибо! СъёДэ с руками все три оторвёт.

– Раусфомштрандик даже выходной помогает, – объявила Надя. – И рыжий немножко. И мой Туча, хотя он сейчас живёт у Хатана, и неизвестно, захочет ли от него уходить. Три кота это сила! Мне уже почти хорошо.

– А ничего, что у меня всё нормально? – спросил Самуил.

– Да тебе-то что сделается, – отмахнулась Юрате. – С сигарой из Тёнси за пазухой! Я, кстати, пару затяжек потом у тебя попрошу.

– Ты и про это знаешь? – опешил Самуил.

– Просто унюхала, – рассмеялась она. – Кто хоть раз курил сигары из Тёнси, не перепутает их ни с чем. И теперь я только о ней и думаю. Как я скромно попрошу затянуться, а ты галантно предложишь забрать её целиком. Самое приятное возвращение на моей памяти. С такой мотивацией! Красота!

– Да не вопрос, я весь свой запас отдам, – пообещал Самуил. – У меня три штуки осталось. Здесь, с собой. А потом, если хочешь, целый ящик тебе притащу.

– Жизнь налаживается, – обрадовалась Юрате. – Какая же я молодец, что до этого дня дожила! Вы как вообще? Помните, где мы были?

– И о чём говорили, – кивнула Надя. – Такое поди забудь.

– Ну и отлично. Потому что у разговора есть продолжение. А заводить всё с начала – я столько не выпью. Пошли к Данке в «Крепость». Там хорошо.

– «Крепость» – один из фрагментов, которые сохранились? – прямо спросил Самуил.

– Всё-таки ужас какой ты умный, – улыбнулась Юрате.

– В этом городе много таких фрагментов? – подхватила Надя. – Больше, чем во всей ТХ-19 вместе взятой? То-то мне здесь постоянно кажется, что я снова дома. Там, где в детстве жила.

– Да, – кивнула Юрате. – Здесь очень много. Больше половины того, что удалось сохранить. Я где-то когда-то читала, что Вильнюс пограничный город между сбывшимся и несбывшимся. И это ни хрена не метафора. Это факт. Вильнюс – наша опора, можно сказать, столица несбывшегося прекрасного мира. Сердце больного, впавшего в кому. Пока сердце бьётся, он жив.

• *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что это человеческий город. Но согласно легенде, он родился из сновидения (князь уснул, утомлённый охотой, увидел во сне железного волка, проконсультировался у шамана, тот сказал, надо строить столицу, и понеслось). А согласно историческим документам, город родился из слова (из писем, которые князь разослал ещё до начала

строительства с пометкой «*in civitate nostra Vilna*», и всех адресатов любезно пригласил приезжать).

- *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что имя города – Вильнюс (Вильна, Вильно, да как только его не склоняли, мне попадалась даже версия «Вылне», сейчас не припомню, где) – по спорному утверждению некоторых филологов происходит от слова *vilnis* – «волна». А по другому, ещё более спорному предположению – от Вялиса, чërта. «*Velnias*» в переводе с литовского «дьявол», но это дурное влияние католической церкви, у древних балтов Вялис был богом скота и загробного мира. То есть наш Вильнюс – город-волна и город-Аид! А для человека из Украины «Вильно» в первую очередь означает «свободно». Это уже конечно ни в какие ворота, абсолютно антинаучное объяснение (впрочем, с Вялисом-чërтом примерно та же беда). Так у меня тут, слава богу, не диссертация, а несерьëзная беллетристика. А перевод с украинского обнажает самую суть.

- *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что в силу своей природы (текста и сновидения) Вильнюс отзывчив, пластичен, изменчив и открыт к диалогу; иными словами, он всегда готов к удивительным превращениям под влиянием сказанного в нём, ему и о нём. Но не слепо подчиняется чужой воле, а использует её силу, как серфер волну. Город Вильнюс имеет собственные представления о прекрасном и должном. И волю их воплотить. И шикарный набор инструментов: кто только на него не работает. И стихии, и люди, живые и мёртвые, и невообразимые чудища, и древние духи этой (впрочем, не только этой) земли.

- *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что он пограничный город. Я, конечно, не государственную границу имею в виду. Хотя она здесь тоже рядом, примерно в тридцати километрах. Проходят столетия, войны перекраивают территории, победители рисуют новые карты и подписывают их на своих языках, но как бы ни изменялись очертания и названия государств, Вильнюс неизменно стоит на границе не только в высоком сакральном, но и в понятном житейском смысле. Большое

всегда повторяется в малом, а тайное отражается в явном. Так повелось.

- *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что он – источник нездешней силы и несбывшейся радости, тайное сердце живого мира – того, каким он мог бы и должен был быть. Это сердце всё ещё бьётся, хотя невыносимо болит.

- *Что мы знаем о Вильнюсе?*

Что я здесь сейчас.

Вильнюс, Ноябрь 2020

– Выглядите, как будто за вами гонятся демоны ада, которых вы уже победили, но почему-то не взяли положенный приз, – говорит Данка, встречая нас на пороге с горячим глинтвейном. – Затем и гонятся, собственно: отдать, что вам причитается. Чтобы всё почестному. А вам эту хрень неохота с собой таскать.

– Вот чего-чего, а демонов не было, – отвечает ей Тимка. А Самуил добавляет:

– Зато приз явно был.

– Нахренспляжика! – орёт Надя, обнимая кота, который выскочил ей навстречу. – О, великое чудо! Ты сегодня не выходной!

Данка кивает:

– Да, мы выбились из графика. Звери сегодня так на работу просились, что грех было не взять. Оба! Увидели, что я одеваюсь, сами залезли в переноску и смотрели оттуда пронзительно. Гипнотизировали меня.

– Я сырники сделал, – объявляет Артур трагическим голосом. – Дико вкусные. Но некрасивые, потому что я положил слишком мало муки. Потому собственно и вкусные! Вечно с ними такая беда.

– Если хочешь, мы можем закрыть глаза и съесть их наощупь, – предлагаю я.

– Можно выключить свет, – присоединяется Данка. – Все эти наши музейные супер-лампы. Объявить выходной в галерее и мрачно бухать при лучине. В смысле, культурно посидеть при свечах.

– Сегодня понедельник. В понедельник галереи обычно закрыты, – соглашается Труп, разобравший из её монолога, можно спорить, только «выходной в галерее» и страшно довольный, что понял смысл.

– Сырники не настолько страшные, чтобы прям невозможно было смотреть, – смеётся Артур. – Но выключить лампы – тема. При свечах мы тут давно не сидели. Кажется, аж с зимы.

– С твоего дня рождения, – напоминает Наира. – Это было специальное праздничное блюдо: свечи без пирога. Мы ещё с Андреем

тогда поспорили, ты уже рыба, или ещё водолей. И каждый тут же нагуглил свою правду. А Дана сказала, твой знак зодиака называется «Море По Колено». И длится всего один день.

– Вот как ты всё это запоминаешь? – изумляется Данка. – Мы же чёрт знает что непрерывно, не затыкаясь, метём!

– Не всё, к сожалению. Но знак зодиака запомнила. У меня папа тоже родился двадцатого февраля.

– Вот я думаю, куда их поставить? – хмурится Артур, извлекая откуда-то с полки свечи-стаканы. – Чтобы звери нечаянно не подпалили хвосты.

– Если не ставить свечу прямо мне на колени, Раусфомштрэнд в безопасности, – улыбается Надя, уже погребённая под котом.

– А, ну да. И мне на голову лучше тоже не ставить, – спохватывается Артур и бережно, одним указательным пальцем гладит куницу Артемия, который сидит у него на плече с возмущённым выражением морды: «сам ты, придурок, подпалишь свой хвост!»

Я беру сырник из миски – совершенно нормальный, кстати, не понимаю, что Артуру не так, – и не сажусь, а падаю в кресло рядом с Надей, смутно виднеющейся из-под кота. Надо же как я устала! До сих пор удивляюсь тому, что в принципе могу уставать. Но при мощности примерно в полтора человека (ладно, сверхчеловека) с моими привычками проще простого себя загонять.

Зато отдохнуть мне тоже проще простого. Вот как сейчас – молча сидеть, вытянув ноги, смотреть сквозь полуприкрытые веки, как гаснут лампы и загораются свечи, как от них становится оранжевой темнота, как кто-то проходит мимо и кажется не человеком, а порывом тёплого ветра – всегда бы так! – как пляшут и светятся наши прозрачные тени, взирая на нас с потолка. Слушать, как барабанит по окнам только что хлынувший дождь, как звенят стаканы и рычит кофемолка, заглушая божественный визг Нины Хаген, как Данка спорит с Артуром: «Джин-тоник нормально пойдёт под сырники, не буду я заваривать чай!» – а все остальные смеются, и улыбаются за компанию с ними краешком рта, ощущая сперва только сердцем, а после всем телом, всем домом, городом, миром, каждым слоем атмосферы планеты: как же я вас – нас! – сейчас и всегда люблю.

Любовь – моё топливо. Не в переносном смысле. Я работаю на любви, как автомобиль на бензине, или что ему там заливают в бак.

Пока я люблю, я продолжаюсь, а вместе со мной продолжается эта история, которую вы вот прямо сейчас читаете, такая у нас тут игра.

Наконец я встаю и беру с подоконника свой рюкзак. Он довольно тяжёлый. Тяжёлый! Какое же счастье, а.

Говорю Данке:

– Чуть не забыла. Я же с гостинцем. Будем считать, это приз от тех самых демонов ада, которых мы победили по дороге сюда, – и ставлю перед ней бутылку розового вина.

В кои-то веки догадалась стащить бутылку у Тётки, на всякий случай, вдруг она в рюкзаке останется. Теоретически, не должна бы, но листья-то у меня всегда остаются. Бутылка ничем не хуже. И – вуаля!

Данка хватается бутылку и смотрит на этикетку.

– Я такого не знаю, – наконец говорит она. Достает телефон, фотографирует этикетку. – И Vivino^[26] её не знает! То есть, пишет, восемнадцатый год, регион Саленто, но это вся информация. Предлагает быть первой, кто поставит оценку. Где ты такое взяла?

– В холодильнике.

В отличие от Ловцов, я не вру вообще ни на каких языках; как и они, я умею выкручиваться – сказать только часть правды, или пожать плечами и промолчать. К счастью, Данке моего ответа достаточно. Она сама великая мастерица трансового шопинга – зайти в супермаркет, думая о своём, купить, что подвернулось под руку, сунуть куда-нибудь и забыть, а полгода спустя обнаружить и удивляться: ой, а что это? Откуда оно у меня?

Говорю:

– Я тоже это вино не знаю. В одиночку пробовать неинтересно. Поэтому принесла. Подели между всеми. Будет совсем по чуть-чуть, но для дегустации в самый раз.

– А не так уж и мало вышло! – удивляется Данка, разлив вино в десять бокалов, по числу собравшихся в «Крепости» нас. – Некоторые бутылки не то, чем кажутся. Я давно заметила, как по-разному делится формально один и тот же литраж.

Так от тебя же зависит. От твоего настроения, – весело думаю я. – Когда ты хочешь, чтобы на всех хватило, всем и хватает. А когда тебе всё равно, физические законы вступают в свои права и делают, как

привыкли. (Говорить это вслух нет смысла, сколько раз уже обсуждали, Данка давным-давно всё знает сама.)

Самуил поднимает бокал и что-то бормочет себе под нос так тихо, что даже стоя поблизости не разобрать. Впрочем, мне не обязательно слышать, потому что, во-первых, языка Ловцов я не знаю, а во-вторых, и так же понятно, что он сказал. «С „Крепостью“ всё будет в порядке», или «этот бар здесь останется навсегда», или «желаю счастья и процветания этому прекрасному заведению»; вполне возможно, у них для подобных случаев есть какая-то специальная формула (надо, кстати, как-нибудь расспросить). Но сейчас важно только то, что он это сказал и с явным облегчением выдохнул – хватило сил, получилось! И пригубил вино.

«Спасибо», – не говорю, а думаю я, точнее, адресно испытываю глубокую благодарность; тому, кто часто бывает в Тёнси, это легко почувствовать и понять. А он смотрит на меня, как будто впервые увидел. Во все свои здоровущие голубые, как майское небо, глаза.

– Ты обещал мне сигару, – напоминаю. – Самое время. Давай!

* * *

Тим сразу понял, откуда взялось вино в Юратином рюкзаке, узнал этикетку, и сперва внутренне заорал от восторга: сейчас мы выпьем это вино и расколдуем ТХ-19, вот это будет великое волшебство! Буквально секунду спустя он опомнился, осознал, что вряд ли процессы, которые даже вообразить невозможно, запускаются одной бутылкой несбывшегося вина. Всё-таки слишком много фантастических сказок читал.

Но это, – думает Тим, – даже к лучшему. Во-первых, откуда бы ещё я узнал, как сильно можно обрадоваться, когда у тебя на глазах спасают целый прекрасный мир. А во-вторых, ну мало ли, вдруг моя сила, помноженная на мгновение веры, способна хоть капельку что-нибудь изменить. Может быть из-за меня Дана сейчас так мечтательно улыбается. И Труп, и Артур, и красивая, как сновидение, певица Наира, с таким же нездешним, как она сама, голосом; надо будет, кстати, дома поставить друзьям её диск. И старик Три Шакала выглядит – ну, не то что совсем мальчишкой, но вполне как

собственный сын. А Андрей, сосед из четвёртой квартиры, мастер по ремонту абсолютно всего, что может сломаться, кроме, разве что, судебных, внимательно разглядывает свои руки. Тим в курсе, что в ТХ-19 есть умеренно популярное суеверие, будто человек не может увидеть свои руки во сне. Короче, возможно, не зря я поверил, что всё может получиться как в сказке, – говорит себе Тим.

Самуил смотрит, как курит Юрате. Как клубятся над её головой зелёные облака, как дым сигары из Тёнси понемногу расплзается по всему помещению, наверняка надолго застрянет в щелях. Здесь и без этого дыма отлично, но пусть теперь будет с дымом, им пригодится, – думает Самуил. Видит, как восхищённо косится на него Надя, с выражением «ну вы все охренели!», – и мысленно соглашается: «Да».

Юрате курит сигару из мира весёлых духов и думает: вот спасибо! Именно то что надо. Мне. Вот прямо сейчас.

– Я хотел бы сделать гораздо больше, – почти беззвучно говорит Самуил.

Юрате молчит и думает: да уже сделал. Отличный у тебя получился тост. «Крепость» это самое драгоценное. Пограничная наша «Крепость». И вот прямо сейчас она почти совсем настоящая. Такая, как дома была.

Надо же, как у тебя здорово получается, – думает Самуил. – Как в Тёнси, только гораздо понятнее тому, кто привык к обычным человеческим языкам.

Просто я сама к ним привыкла, – молча вздыхает Юрате. – Я уже довольно давно человек.

Надя слышит их диалог – не нарочно, просто так получилось, дым сигары из Тёнси способствует обострению восприятия, особенно если её куришь не ты, а кто-то другой и при этом достаточно близко; короче, как сейчас – в самый раз. И обострению чувств этот гадский дым тоже способствует. Ну то есть, не гадский, прекрасный, просто когда сердишься и ругаешься, легче взять себя в руки и... эй, прекращай, ты сегодня уже рыдала, второй раз за день перебор! – говорит себе Надя, утирая скулу рукавом.

– Ты в порядке? – спрашивает Юрате.

– Ещё бы! – энергично кивает Надя, покрепче прижимая к себе тёплого, спросонок тяжёлого, такого успокоительного кота. – Если как сейчас не «в порядке», уж не знаю, что такое – быть в нём.

* * *

– Погода настолько наладилась, что я с удовольствием вас провожу, – сказала Юрате после того, как за углом скрылись Дана, Артур и звери, которых сегодня по случаю прекращения ливня и возвышенного настроения сопровождающих решили не везти домой в переноске, а отнести на руках.

– Наладилась – не то слово! – подтвердила Надя. – Дождь, молодец такой, перестал.

– Да, спасибо ему, что решил не мешать нам шляться по городу, – улыбнулась Юрате. – Хорошо говорить на ходу! Движение удивительным образом добавляет силы словам. Когда язык лжив, он слаб, это вы понимаете лучше, чем кто бы то ни было. Но есть хорошая новость: с этим можно работать. В частности, важно, кто говорит. И зачем. И как. У нас по всем пунктам отличные показатели. И я вполне ничего, и цель у меня – закачаешься. И каждому моему легковесному слову соответствует очень тяжёлый шаг.

Она топнула ногой для наглядности – хорошенько так топнула. Наде показалось, что задрожала земля. Ну или не показалось. Чёрт её знает, эту Юрате. Может быть все землетрясения на этой планете устраивает на досуге она.

– Во-первых, – сказала Юрате, когда они тронулись с места, причём пошли почему-то не в сторону дома, а вниз, к реке. – Это на самом деле совершенно не важно, но вдруг вам будет приятно узнать, что вы не спалились, никаких ошибок не сделали, и Тимка за столько лет ни разу не проболтался, даже слишком громко не думал, вообще ничем не выдал себя. Просто он был собой, дышал, как вы все дома с рождения дышите, и сиял, как сияете вы. Здешние люди ничего такого не замечают, можно не беспокоиться. Хотя самые восприимчивые расцветают в вашем присутствии, как Тимкин сосед. А мне сразу видно, что вы сами не местные, проездом из каких-нибудь высших

миров. Откуда именно, у вас на лбах не написано, но тут нам всем повезло. У меня был хороший приятель, ваш земляк. Дело давнее, но имя всё равно не скажу. Факт, что я от него очень много узнала про Сообщество Девяноста Иллюзий. Конечно не всё; ну так всё вы и сами не знаете. Это нормально. Тайна – дополнительный слой атмосферы. Окружает любую реальность. Без неё жизни нет.

– Профессор Перемещений Заборно на лекциях о методах познания природы потусторонних реальностей примерно то же самое про тайны нам говорил! – обрадовался Тим.

– Наверняка у Лайлы Меркуцио Трошкиной в «Первых простых парадоксах» вычитал, – снисходительно сказал Самуил, всегда считавший Юрай Заборно (профессора Да Гашамари) отличным исследователем-практиком, но при этом поверхностным (как большинство современных философов) болтуном, не способным к созданию собственных оригинальных концепций. Это довольно несправедливо по отношению к Да Гашамари, одному из величайших умов современности, но Самуил имеет полное право заблуждаться, быть предвзятым и даже говорить ерунду. В конце концов, он не ангел, причём сугубо технически: ангелы рождаются и воспитываются в реальностях другого типа и из совершенно иной материи состоят.

– Господи, да что ж вы такие умные?! – в сердцах воскликнула Надя. – Заборно и Трошкина, цитаты и комментарии! Нет чтобы просто по-честному охренеть!

– Мы охренели, не беспокойся, – заверил её Самуил. – И теперь справляемся с этим, как можем. Ум легче адаптируется в любой немыслимой ситуации, если разрешить ему умничать, как он привык. Без этой уловки я бы чокнулся уже тысячу раз!

– За сегодня?

– Нет, за всю жизнь. Я стойкий. За сегодня – всего-то раз пять.

– Во-вторых, – сказала Юрате, остановившись на пешеходном мосту, который называется Белым, как трамвайный маршрут от Приморского сада в Козни; ясно, что по случайному совпадению, мало ли в разных реальностях объектов белого цвета, но Тим всё равно всегда считал Белый мост тайным приветом из дома – лично себе.

– Во-вторых, – повторила Юрате и снова надолго умолкла. Щёлкнула портсигаром, скорчила скорбную рожу адресно Самуилу:

дескать, полюбуйся, что мне вместо сигар из Тёнси приходится тут курить.

Наконец продолжила:

– Моя коллекция неопубликованных книжек. Угадайте, откуда она взялась.

Предложение «угадайте» подразумевает, что от тебя ждут ответа. Но Юрате ответила сама:

– Я ищу и собираю наши следы. Фрагменты нашей реальности, её семена. То, из чего она начиналась... могла бы начаться, была должна. Среди книг довольно много таких фрагментов. В музыке – ещё больше. В визуальных искусствах – страшное дело сколько. По Данкиному выражению, «хреналлион». Эта реальность их отторгает как может. Книжки не публикуют, картины не выставляют, музыкантов никуда не зовут выступать. Бывают исключения, когда у художника феноменально сильная воля и очень счастливая судьба, но так получается очень редко. Буквально по пальцам можно пересчитать. Выглядит совершенно чудовищно. Как, прости господи, какой-нибудь мировой заговор с целью уничтожать все живые ростки настоящего творчества; собственно, живые ростки всего. Но это не человеческий заговор. Люди, принимающие решения – просто послушные инструменты в руках полумёртвой реальности, которая сопротивляется изменениям. Успешно, по крайней мере, пока.

– Я в последнее время часто думал, как много в ТХ-19 хороших художников, – сказал Самуил. – Удивлялся, зачем они с упорством, достойным лучшего применения, рождаются там, где никому не нужны? А оно вон как, оказывается. Их призывает на помощь прекрасный несбывшийся мир.

– Да, – кивнула Юрате. Погасила сигарету в карманной пепельнице, скомандовала: – Идём!

На другом берегу спустились на набережную, пошли в ту же сторону, что река.

– Ты сказала: «полумёртвой реальности», – напомнила Надя. – Это совпадает с моими ощущениями от книг из ТХ-19, которые нам приносят в последние годы. Но совершенно не укладывается в мои представления о порядке вещей. Как реальность может быть полумёртвой? Не понимаю. Но очень хочу понять.

– Да было бы что понимать, – вздохнула Юрате. – «Полумёртвая» – это я ещё мягко выразилась. Чтобы вас и себя лишний раз не пугать. Эта реальность заканчивается, срок её вышел, хочет она того или нет. Сопротивляясь живительным изменениям, можно надолго продлить агонию, но нельзя её отменить. Наотрез отказаться от исцеления не означает прекратить умирать. И это, к сожалению, не метафора. Не богатство и образность моего языка.

– Ни хрена себе! – присвистнула Надя. – Так вот что мне не давало покоя! Я же сюда, представляешь, пришла разбираться, почему мне разонравились новые книги из ТХ-19. Проверить, это со мной, или всё-таки с книгами что-то не так.

– Чутьё у тебя – будь здоров, – подтвердил Самуил. – Всегда так было. Помню, как в СэньДэ внезапно случился страшный завал, и ты выбирала книги для перевода, просто подержав их в руках. Несколько лет спустя, когда всё перевели и издали, стало ясно, как точно ты угадала. Десять из десяти!

– Это как раз очень просто, – улыбнулась Надя. – Навык из детства. Меня записали в библиотеку, когда мне не было ещё и пяти. Представляешь мою растерянность? Стоишь в огромном, в каких до сих пор не бывала, помещении, и всюду полки, полные книг. Их так много, что все за сто лет прочитать не успеешь. И у всех такие обложки красивые, что не знаешь, какую хватать. Хочешь, не хочешь, пришлось научиться делать правильный выбор. Берёшь книгу в руки, и если сердце начинает бешено колотиться, как когда на качелях взлетаешь, значит точно надо читать.

– В-третьих, – сказала Юрате. – Вы сюда не просто так, а за книгами ходите. А у меня, как вы уже поняли, много хороших книг. Отдать их вам – лучшее, что можно сделать. Ваши люди ух как умеют читать! Я имею в виду, дополнительно утверждать прочитанное своим вниманием. Наша несбывшаяся реальность становится в большей степени правдой, отражаясь в ваших глазах.

– А ведь да! – воскликнул Тим. – Если есть книги и авторы, значит породившая их реальность тоже по умолчанию есть. Мне даже в голову не приходило, что можно так поставить вопрос! Ну, я до сих пор и не знал, чего тебе от нас надо. Отлично, что мы можем помочь!

– Красиво закручено. Вымысел утверждает реальность реальности, в которой он является вымыслом! Парадокс не хуже, чем у

древних философов, – вздохнул Самуил.

– Рада, что тебе нравится. Потому что мне тоже. Не ожидала такого эффекта, честно говоря. Просто на всякий случай проверила: утопающий хватается даже за призрак соломинки. Вот и я! Подсунула Тимке несколько книжек, по очереди, одну за другой, чтобы пронаблюдать, каков будет эффект. И каждый раз заново удивлялась тому, насколько легче становится здесь дышать. Мне и не только. Всем нашим – тем, кого я уже нашла. Стало ясно, что надо отдать вам большую партию книг. Прикидывала, как бы объяснить с Тимкой, когда он снова объявится в городе, мне в делах нужна не таинственность, а нормальная обратная связь. И тут он привёл в «Крепость» вас. Давай зачётку, отличник! По предмету «чувство правильного момента» – пять.

– Между прочим, у нас «пятёрка» довольно плохая оценка, – фыркнул Тим. – Система десятибалльная. Да и ту после третьего курса почти не используют. Тебе или ставят зачёт, или отправляют на пересдачу. И кстати, я уже давным-давно не студент!

– Прости, дорогой, – улыбнулась Юрате. – Я знаю, что ты не студент, а известный успешный Ловец. Просто войди в моё положение. Мы наконец подружились. И стало можно тебя дразнить!

– Мы подружились? – обрадовался Тим. – Ой, на таких условиях я согласен! Хоть с утра до ночи дразни.

– Спасибо, – серьёзно сказала Юрате. – Постараюсь не особо злоупотреблять.

– Книги, – напомнил ей Самуил. – Книги! Ты сказала, что решила сразу много отдать. У меня уже руки трясутся от жадности. И сердце замирает в предчувствии. Не тяни!

– Так я не тяну. Тимке уже кое-что прислала. Те три файла, про которые он сегодня орал. Приду домой, скину ещё десяток. Вы их как-нибудь между собой поделите. Отнесите разным издателям, переведите в разной манере, чтобы не создалось впечатления, что все находки из одного сундука. Ай, разберётесь, не мне вас учить. Устройте их судьбу – возвращайтесь. Я к тому времени ещё соберу.

– Рекламная кампания этим книгам точно не помешает, – деловито заметила Надя. – Чтобы побольше народу прочитало их как можно скорей. Ну, это как раз по моей части. Придумаю что-нибудь. Хорошо, что я не уволилась из издательства! Хатан молодец, что меня

отговорил. У руководителя отдела переводов гораздо больше возможностей, чем у самого авторитетного консультанта-Ловца.

– Безымянные философы Улётной школы писали, что безупречно сформулированное и своевременно высказанное желание открывает врата невообразимых возможностей. Так и есть! – сказал Самуил. – Ещё месяца не прошло с тех пор как я попросил Тима найти в интернете такую книжку, чтобы я прочитал и ахнул. Как в юности, когда мне практически в каждом тексте чудилось дыхание высокого смысла, который делает жизнь священной. Я имею в виду, здешнюю жизнь.

– Думаю, тебе не так уж и чудилось, – улыбнулась Юрате. – Ты же примерно полвека назад начал карьеру? Тогда в популярных, издаваемых книгах ещё можно было найти этот смысл. Не во всех, но довольно во многих. И книги, полные высокого смысла, порой разлетались, как горячие пирожки. Тогда реальность не настолько яростно отторгала живое. У живого был шанс. Впрочем, шанс есть и сейчас, а то кто бы с вами тут разговаривал. Просто стало трудней. Но книги выкладывают в интернете, музыканты играют в почти никому не известных клубах и квартирах друзей, у художников есть инстаграммы с парой сотен подписчиков, а иногда случаются выставки, как у нашего Трупа в «Крепости», благо в мире, несмотря ни на что, немало таких крепостей. Ну, это отдельная тема. Понятно, что у книг есть читатели, у художников зрители, а у подлинной жизни – люди, способные по-настоящему жить. Каждый – сам себе крепость. В кавычках и без кавычек. В каждом, кто полон света и радости, сбывается мой несбывшийся мир. А когда они встречаются друг друга, собираются вместе, возникают пространства, территории, с которых всё начинается... могло бы начаться. Но всё равно начинается. Заново. Здесь и сейчас. Короче, – бодро заключила она, – ино ещё побредём!

Тим прыснул в кулак, опознав цитату; Надя и Самуил, озадаченно поглядев на его веселье, синхронно подумали, что надо будет потом расспросить его про источник^[27]. Вдруг в контексте содержится некий важный дополнительный смысл.

– В-четвёртых, – сказала Юрате, – или чёрт его уже знает, в каких. Вы вообще-то из бара домой идти собирались. Представляю как вы устали! А я вас не пойми куда завела.

– Устали, – призналась Надя. – Лично я вообще не понимаю, как ещё держусь на ногах. Но оно того стоит. Не каждый день ты зовёшь погулять!

– И, – подхватил Тим, – такие вещи рассказываешь, которые больше неоткуда узнать.

– Это да, – согласилась Юрате. – А всё-таки вполне можно было аж в Жверинас среди ночи вас не тащить. Ничего, отсюда до вашего дома максимум полчаса. Отведу вас короткой дорогой. Хватит с вас моих кренделей.

– Вообще-то не хватит, – вздохнул Самуил.

– Ещё погуляем, – улыбнулась ему Юрате. – Считаю, даже толком не начали. Наше от нас не уйдёт.

По дороге Юрате, как днём, в начале прогулки, развлекала их болтовнёй о городских чудесах. Говорила: «В том доме одно время жил ангел смерти, но потом переехал, слишком шумные соседи достались, а ему после трудной работы надо хорошо отдыхать». Говорила: «На этой площади иногда по ночам бывает можно увидеть сны горожан. Отлично, когда кому-то приснится ярмарка, или как феи в салки играют, или выставка породистых саламандр. Но если, скажем, приём в пионеры, или публичная казнь, или вторжение невоспитанных зомби с Буйвидишского кладбища^[28], так себе получится приключение. В общем, поосторожнее с этой площадью, когда гуляете по ночам». Говорила: «Вон в той кофейне в меню есть кофе с фокусом, стоит вдвое дороже обычного, и кофе у них так себе, зато фокус покажут шикарный, бариста – бывший циркач». Говорила: «В этом подвале когда-то была мастерская, где делали сувенирных керамических ангелов. Так эти ангелы хуже чем почтовые голуби! Помнят, где их гнездо, и при всяком удобном случае улетают от новых владельцев и возвращаются. Мастерская давно закрылась, а они, бестолковые, прилетают. Вот и сейчас, смотрите, на карнизе двое сидят»^[29].

От этих её историй голова у Ловцов шла кругом. Где тут правда, где выдумки, не разобрать. Впрочем, кто её знает, эту Юрате. Может она вообще ничего не придумывает, а просто честно рассказывает, как тут у них обстоят дела. Тем более, что два керамических ангела действительно сидят в обнимку на карнизе невысокого двухэтажного

дома, нахохлившись, как продрогшие птицы. И кажется, вот-вот взлетят.

– В сто восьмых, – сказала Юрате, остановившись возле подъезда. – Вы отличные. Мне понравилось с вами гулять. И хочется, чтобы вы задержались подольше. А ещё лучше, поселились тут навсегда. Но книги! Их надо издать, чем скорее, тем лучше. Поэтому проваливайте, счастливики! У вас же дома сейчас весна? И возвращайтесь. Тоже чем скорее, тем лучше. Но только закончив дела.

– Принести тебе авторские экземпляры? – спросила Надя.

– А так можно? – обрадовалась Юрате.

– Конечно нельзя. Но если не спрашивать разрешения, никому даже в голову не придёт проверять, кому из друзей я чего подарила. И что это за друзья.

– Вообще не проблема, – подтвердил Самуил.

– Я никогда так не делал. Но всему надо учиться. В том числе, нарушать правила, – улыбнулся Тим.

– Тогда несите, – кивнула Юрате. – Вашего языка я не знаю. Но это же какой невшибенной силы получатся талисманы! Даже вообразить не могу. Это вы молодцы конечно. Такого наобещали, что мы ещё не расстались, а я уже начала вас ждать.

Рассмеялась, развернулась и пошла, не оглядываясь. Почти сразу свернула за угол, но Ловцы ещё долго смотрели ей вслед.

• *Что мы знаем об этой книге?*

Что в двадцать втором году, когда писать книги стало бессмысленно, потому что нет смысла писать по-русски, и вообще ни в каких человеческих делах смысла явственно больше нет, мне захотелось написать идеальную (с моей точки зрения) книгу – просто

так, в подарок себе. О том, что мне интересно и нравится. Вот, к примеру, о Вильнюсе и о Лейне, о Грас-Кане и бескрайних степях Улимхайя, о Тёнси, в конце концов. О себе и своих друзьях, как мы с ними отлично проводим время, когда встречаемся, или снимся, или заново придумываем друг друга, потому что забыли, но не можем перестать вспоминать. И о том, насколько мы вместе даже в разлуке, когда между нами не просто тысячи километров, а реки текущего в разные стороны времени, неслучившиеся события и недостижимые миры. И о том, какие мы у нашего неизъяснимого Автора получились отличные. Как круто в любых обстоятельствах нами быть.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что вместо чёткого плана повествования, или хотя бы подобия фабулы у меня был список того, что я люблю. Как в детской книжке, которую Ловцы на пляже в Фано цитировали: собаку, слоненка, древних воинов, прохладные звезды, лошадиные лица (а ещё котят и бабушку, баранки и варёную колбасу)^[30]. Потому что писать о том, что любишь (о тех, кого любишь), – счастье. А эта книга мне только ради него и нужна.

(Впрочем, список того, что я очень люблю, рос гораздо быстрее, чем писалась книга, потому что росло моё сердце, и в него помещалось всё больше, в конце концов, туда поместился весь мир. Так что для дела мой список теперь бесполезен: бесконечность не может быть планом. Но хорошо, что он был.)

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что у меня не было намерения открывать здесь какие-то тайны, пересказывать человеческими словами то, что за пределами любых языков. Дело даже не в том, что секреты не стоит выбалтывать, просто дурная это работа, как ни старайся, никто ни черта не поймёт. И вдруг мои тайны сами себя начали рассказывать. Сбивчиво, с пятого на десятое – ну, как смогли. Это конечно полное безобразие. Мы так не договаривались! Но эта книга, как уже было неоднократно сказано выше, сама себя пишет. Поди ей запрети.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что я только сейчас начинаю (примерно) догадываться, что за история тут будет рассказана. Не факт, что мне хватит сил довести её до нужного (ей, заразе!) финала, но ничего не поделаешь, она уже началась. Мы попались! И я, и читатели (те, кто умеет, как жители Лейна, с полной самоотдачей, словно бы настоящую жизнь проживая, читать). Теперь нам придётся прямо в процессе дорасти до этой истории, стать теми, в кого она помещается, чьим вниманием дополнительно утверждается, чьими силами овеществляется. Иначе нельзя.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что вот прямо сейчас, когда мы приближаемся к завершению первой трети, она кажется мне самой трудной и удивительной в моей – нашей с вами – жизни игрой.

Лейн, Вторая весна —го года Этера

— Так и знала! — сказала Дилани Ана (Надя, она уже в Лейне сейчас). — Так и знала, что вернусь и своими глазами увижу, как Туче с тобой отлично. Поэтому заранее подыскала себе утешение. Какое смогла.

— Это рыба? — неуверенно спросил Тэко Машши, разглядывая плюшевую акулу. — Из ТХ-19?

— Да. Специальная рыба для сладкого сна. Не зря сходила в командировку! Такое сокровище принесла. Она прекрасная. Но, к сожалению, не мяукает. И не сопит мне в ухо. И не попискивает во сне.

Кот Туча спрыгнул с колен Тэко Машши и залез на диван, где сидела Дилани Ана с акулой. Боднул в плечо, ввинтился в щель между её спиной и спинкой дивана, подвинул хозяйку на край, устроился, заурчал. Дескать, не переживай, дорогая, ты тоже вполне ничего.

— У Тучи огромное сердце, — улыбнулся ей Тэко Машши. — Кучу народу может вместить. И тебя, и меня, и, к примеру, Кано Лой Орни. Он почти каждый день заходит, формально ко мне, но ясно, что к Туче, они теперь большие друзья. Кот его натурально спас, когда Там Кин погиб в Шигестори, а Кано Лой Орни стал первым, кто это понял... Ты чего? Ты не знала? Ох, конечно не знала. Ты же только вернулась. Прости.

— Да не за что извиняться. Это же не ты его порешил. А я всё равно узнала бы. Не сейчас, так чуть позже, не от тебя, так от других... Ладно. Это большое горе, но как есть, так есть. Жалко, что я не успела с ним помириться.

— А вы были в ссоре? — удивился Тэко Машши. — Не представляю, как ты с кем-то ссоришься! Думал, это не твоё амплуа.

— Не моё, — согласилась Дилани Ана. — Я тогда заступилась за Ланари Киру, переводчика «Города Грязи». Там Кин на него так орал, что лучше бы дрался. Как будто он не дома, а в Шигестори. Вообще выражений не выбирал. Справедливости ради, перевод действительно

так себе, я бы такой завернула на переделку, будь это мой отдел. Но нельзя называть такими словами живых людей! Короче, я влезла, и Там Кин заткнулся, скажем так, почти вовремя. Взял себя в руки и даже свои слова отменил. Но со мной перестал здороваться. Только зыркал при встрече, как на врага. А я не лезла, не первый год его знаю, нет смысла пытаться мириться, пока он не остыл.

– Ничего, – утешил её Тэко Машши. – Помиритесь. Когда он – она! – научится говорить.

– Что? – переспросила Дилани Ана. – Я чего-то не понимаю? С кем мы помиримся? Кто научится говорить?

– Там Кин после смерти решил снова родиться в Лейне. Причём в тот же день, не откладывая. Дочкой Сарелики Та Митори. В каком-то смысле, своей собственной дочкой. Очень нас всех удивил.

– А так можно было? – изумилась Дилани Ана.

– Получается, да. Говорят, он даже не первый, бывало такое в старые времена. Но я прежде ни о чём подобном не слышал. Когда Сарелика Та Митори начала объяснять, что случилось, я сперва подумал, она свихнулась от горя. Но нет, СаТаМи в полном порядке, а её дочка – совершенно точно Там Кин. Достаточно послушать, как Сарелика Та Митори читает ей вслух книги из ТХ-4, а девчонка угрожающе воет на всех неудачно переведённых местах.

– Да, типичный Там Кин, – вздохнула Дилани Ана. – Гроза переводчиков. Вот пусть теперь сам... сама всё заново переводит, когда подрастёт! Даьджа охотно переиздаст, они любят такое – новые переводы старых хитов.

– Почему сразу Даьджа? – вскинулся Тэко Машши. – Лет через тридцать я сам с удовольствием переиздам. А раньше и не получится. Пока она вырастет, пока заново выучит языки... Ладно, двадцать, если очень способная и помнит всё, что умел Там Кин.

– Хорошие у нас с тобой планы на будущее, – улыбнулась Дилани Ана. – А ведь о покойнике говорим! Так даже в книжках, по-моему, не бывает. Настоящее чудо. У трагической смерти – и вдруг такой счастливый финал!

– У смерти часто счастливый финал, – заметил Тэко Машши. – Просто живые о нём обычно не узнают.

– В том-то и дело! – горячо подтвердила Дилани Ана. – А мы узнали! И не когда-нибудь, сразу. По горячим следам.

Кот Туча тем временем спрыгнул с дивана, вернулся к Тэко Машши и свернулся у него на коленях уютным клубком.

– Всё-таки тебя он любит больше, – заключила Дилани Ана. – И как его домой забирать?

– У меня есть идея, – сказал Тэко Машши. И, смущённо закрыв рукой половину лица, признался: – Точнее, заранее придуманный план. Я хочу... мне надо... Всё вместе! Мне действительно надо, и я этого очень хочу.

– Чего именно? – нетерпеливо спросила Дилани Ана, одновременно с ужасом думая: «Только не предлагай пожениться, бездна нас сохрани! Ради кота я готова на многое. Но женятся всё-таки только по взаимной любви».

– Отправиться в Улимхайские степи, – огорошил её Тэко Машши. – Хотя бы на четыре декады, а не как обычно всего на полдня. Там такое творится! Новый письменный эпос вот прямо сейчас рождается. Натурально у меня на глазах.

– Какое счастье! – воскликнула Дилани Ана.

Чего в её восклицании было больше – искренней радости, или всё-таки разочарования, не понимала даже она сама.

– Спасибо, – улыбнулся ей Тэко Машши. – Я думал, тебе такое не особенно интересно.

– Ну, во-первых, интересы и вкусы иногда изменяются. А во-вторых, я радуюсь за тебя. Рождение нового эпоса! Прямо у тебя на глазах! Не каждому выпадает такая удача. Счастливчик ты, каких поискать!

– Это так, – согласился с ней Тэко Машши. – Я уже взял отпуск в издательстве, предупредил Совет, раскидал все остальные дела. Ждал тебя. Из-за Тучи. Не мог его бросить на кого-то другого. Только тебе отдать. Если ты согласишься остаться с ним в моём доме, будет совсем отлично. Кот уже привык к обстановке, не стоит слишком часто менять его жизнь. А в моё отсутствие Туча как раз успеет вспомнить, что на самом деле больше любит тебя.

– Не факт, – вздохнула Дилани Ана. – Я же вижу, как вы с ним спелись! Он у меня на коленях редко подолгу лежал. Но для Тучи так даже лучше. У меня, знаешь, планы. Грандиозные! И совершенно не учитывающие интересы кота. Во-первых, взять отпуск в конце лета,

или в начале осени и съездить в Грас-Кан. Давно собиралась, а теперь друзьям обещала, и Тучу можно с тобой оставить; короче, точно пора. А во-вторых, в ТХ-19 оказалось так интересно, что я уже прямо сейчас хочу назад. Так что и правда разумно пожить с котом в твоём доме, пока тебя нет. Чего ему лишний раз мотаться туда-сюда.

– Настолько удачно сходила? – обрадовался Тэко Машши.

– Не то слово, мой дорогой. Видишь, с какой добычей вернулась! – Дилани Ана победительно взмахнула акулой. – И несколько книг заодно принесла. Очень крутых. Необычных. Не похожих на другие из ТХ-19. Заранее ясно, что это будут наши хиты. Молодец я, что сама пошла разбираться! И спасибо тебе до самых далёких созвездий, что отговорил закрывать контракт. С удовольствием ещё на СэньДэ поработаю. Только чур с командировками! Будешь меня иногда отпускать?

– Ну я не особо строгий начальник, – улыбнулся ей Тэко Машши. – Даже себя отпускаю. А это труднее всего.

– Отлично. Пока тебя нет, займусь переводами.

– Сама переводить собираешься?

– Одну – точно сама. Остальные отдам своим переводчикам. Главное – не начать на них орать, как Там Кин. Там реально сокровища. Увидишь... Ай, ты же книги из ТХ-19 наотрез отказываешься читать!

– Вкусы иногда изменяются, сама говорила, – напомнил ей Тэко Машши. – Мне теперь интересно, что там за книги такие, если ты из-за их переводов заранее готова орать.

– Ну ничего себе. Это будет чудо покруче, чем с Там Кином.

– Всю свою жизнь, – серьёзно сказал Тэко Машши, – с раннего детства, с первой прочитанной сказки я мечтал научиться совершать настоящие чудеса.

* * *

Ший Корай Аранах шёл по проспекту Суперпозиции (там ещё Дискретный бульвар совсем рядом, ну а чего вы хотели, университетский район). Шёл просто так, без конкретной цели. Гулял и одновременно работал – собой, Ший Корай Аранахом, кем же ещё.

Он вообще отлично устроился. Когда твоя работа – дарование высокого смысла всему, что шевелится, можно вообще ни черта не делать, просто быть, да и всё. А кому позарез припечёт срочно добавить смысла, пусть сами приходят и поют серенады у тебя под окном.

Но по удачному совпадению Ший Корай Аранаху очень нравится подолгу бродить по городу, иногда садиться в трамвай, проезжать несколько остановок, выходить в какой-нибудь переулок, на площадь, променады, или в парк, валяться в траве, залезать на деревья, заглядывать в кофейни и бары, слоняться по длинному пирсу, где сидят рыбаки, прятаться от дождя под навесом букинистической лавки и (если дождь зарядил надолго) что-нибудь там прочитать, подниматься по лестнице на последний этаж шестиэтажного дома (по меркам Лейна это практически небоскрёб), а оттуда на крышу, любоваться сверху видом на город, спускаться, снова идти, встречать на улице старых знакомых, болтать обо всём на свете, принимать приглашения в гости – вот это вот всё.

Ший Корай Аранах человек вдохновенный, любит действовать по наитию, как левая пятка велит. Но в своих прогулках он старается быть справедливым, то есть гулять по разным районам Лейна, ни один вниманием не обделять. За несколько сотен лет работы городским ходячим благословением, Ший Корай Аранах убедился, что лучше всего, гораздо эффективней, чем мысли, жесты и даже произнесённые вслух слова, на реальность воздействует его любящий взгляд.

С любовью у Ший Корай Аранаха отродясь проблем не бывало, он всегда влюблён по уши во всё, что с ним вот прямо сейчас происходит, и во всех, кто попадётся ему на глаза. Следовательно, видеть надо как можно больше. И гулять в самых разных местах. Сегодня пришла очередь окрестностей Гуманитарного Университета, Ший Корай Аранах как раз спохватился, что аж с прошлого года здесь не бывал. И это ни в какие ворота, потому что, во-первых, очень важное для города место, в каком-то смысле, самое его сердце, а во-вторых, ещё со времён учёбы горячо любимый район. И ещё тут кофейня «Ногами», старейшая в Лейне, когда Ший Корай Аранах был студентом, «Ногами» уже считалась без пяти минут культурным наследием и памятником старины, а про её название среди завсегдатаев ходили легенды – то ли потому, что рядом нет остановок

транспорта и автомобильных парковок, хочешь, не хочешь, придётся добираться ногами, пешком, то ли первым хозяином был цирковой акробат, который на радость публике ловко собирал чашки со стойки босой ногой, то ли недовольный клиент ругался, что такой скверный кофе можно сварить только тем, что растёт из задницы; по идее, все версии – хоть немного, да правда, а то бы откуда они взялись.

Положа руку (и ногу того акробата) на сердце, кофе в «Ногами» и сейчас так себе. Но популярности это не мешает, там в любое время аншлаг. Отчасти из-за невесомых хрустящих ореховых булок, такие больше нигде не пекут, секретный старинный рецепт. Отчасти потому, что для студентов-отличников кофе в «Ногами» бесплатный, за них по договорённости платит университет; списки обновляются каждый семестр и мотивируют на зубрёжку успешней, чем все стипендии вместе взятые. Тот же Та Ола (Тим) до сих пор при всяком удобном случае хвастает, что за всё время учёбы ни разу за кофе не заплатил. Но в первую очередь популярность «Ногами» объясняется тем, что сюда часто заходят ведомые ностальгией Ловцы. Когда возвращаешься из потусторонней реальности, хочется наглядно убедиться в незыблемости домашнего мира. Кофейня «Ногами» на углу проспекта Суперпозиции и переулка Прачечной в этом смысле незаменима. Всё те же две каменные ступеньки, истёртые сотнями тысяч ног, царапины на столешнице, складывающиеся в слово «люблю» на хой-броххском (и ты помнишь, кто их тут начертил), тёмно-зелёные стены, толстые стёкла на окнах, причудливо преломляющие свет, среди разномастных чашек на полке стоит та красная из Парижа, которую после первой практики в ТХ-19 принёс в подарок ты сам, и вкус кофе совершенно не изменился, он точно такой же убийственно горький, как в студенческие времена. Словом, Ловцов сюда натурально притягивает магнитом. И заодно всех желающих на них поглазеть.

Даже Ший Корай Аранах, которому нет нужды гоняться за знаменитостями, любой к нему сам примчится, достаточно позвонить, ходил сюда не столько за кофе, булками и атмосферой студенческих лет, сколько из любопытства – что за встречу мне подкинет судьба? Что какую-нибудь да подкинет, он совершенно не сомневался. Такое уж место кофейня «Ногами», хочешь кого-то случайно встретить, ступай туда.

Сперва Ший Корай Аранаху показалось, в «Ногами» нет никого из знакомых, одна молодёжь.

Ладно, тем интересней, зачем я сюда пришёл? – думал он, пока новенькая бариста готовила кофе и украдкой разглядывала живую городскую легенду; то есть, ей казалось, будто украдкой, а на самом деле тарасилась во все глаза.

– Эй, ты меня не узнал, или просто хочешь побыть в одиночестве? – спросил Шала Хан (мы уже привыкли называть его Самуилом, но ничего не поделаешь, он вернулся домой).

Оказалось, Шала Хан сидел совсем рядом, напротив. И не в тёмном углу, а возле окна. Просто выглядел как мальчишка-студент, только что вернувшийся с первой практики. Донельзя гордый собой, слегка растерянный и беспрдельно восторженный. И глаза сияют как фонари. И дурацкое полосатое пальто, можно спорить, из потусторонней реальности. Совершенно не по погоде, жарко даже смотреть. Такие неудобства ради возможности покрасоваться можно терпеть только в юности; впрочем, в этом смысле Шала Хан исключение, упёртый героический модник, все помнят, как он обшил пальто зеркалами и весь сезон таскал на себе эту страшную тяжесть, а ведь был уже взрослый Ловец с лицензией, не студент.

– За одиночеством в эту кофейню не ходят, – улыбнулся Ший Корай Аранах. – Не узнал, представляешь? Думал, какой-то новичок-практикант.

– Значит буду богатым.

– А как это связано?

– Да никак. Просто в ТХ-19 есть такая смешная примета – что станешь богатым, если кто-нибудь из знакомых тебя не узнал. Не вижу логики; ну, на то и приметы, чтобы в них логики не было. Впрочем я с хорошим уловом, так что действительно разбогатею буквально на днях.

– А прямо сейчас ты из Тёнси? – догадался Ший Корай Аранах. – То-то сияешь, хоть тёмные очки надевай.

– Будешь смеяться, но из ТХ-19. Вернулся сегодня в обед. Даже дома ещё не был. Успел только зайти в Ги-ЛанДи, показал им добычу, чтобы поставили в план. Собственно из-за неё и сияю. Из-за добычи. Очень уж хороша.

– Настолько крутая книга?

– Да. Причём не одна. Когда их читал, три раза заплакал. Как детстве, от избытка противоречивых чувств. Когда так счастлив, что от этого больно. Но ты не хочешь, чтобы боль прошла.

– Понимаю, – кивнул Ший Корай Аранах. – Прекрасная встряска. То-то я тебя не узнал. Дашь почитать?

– Книги? Тебе? Почитать? И ты ещё спрашиваешь! Этим книгам как раз очень нужна высокая, наилучшая из возможных судьба. Если хочешь, можно не ждать печати. Принесу, как только будет готов перевод.

– Конечно хочу. Кто же в здравом уме откажется раньше всех прочитать новинки. Это как первую спелую грушу тайком стащить из соседского сада, хотя заранее знаешь, что не пройдёт и декады, как сосед сам тебя позовёт собирать урожай.

– У вас там в Козни совсем деревенские нравы, – умилился Шала Хан. – Хоть переезжай.

– Так давай. У нас хорошо живётся.

– Слишком хорошо для Ловца. Из дома в Козни никуда уходить не захочется.

– Анн Хари то же самое говорит.

– Вот он понимает! Хотя знаешь, я так отлично сходил в ТХ-19, что вернулся бы туда не только из Козни – из Тёнси! И если бы не переводы, которые никому не доверю, прямо сейчас.

– Ого! – удивился Ший Корай Аранах. – Что ж там такое было?

Шала Хан задумался. Наконец покачал головой:

– Очень сложно! Пока не переводится опыт в слова. Но если хочешь, я могу это вспомнить, как вспомнил бы в Тёнси для близкого друга. С тобой же можно, как там?

«Со мной, по уму, только так и нужно», – хотел сказать Ший Корай Аранах, но промолчал, потому что Шала Хан уже отвернулся к окну, сидел, вспоминал – вперемешку, самое яркое, от чего сердце начинало громче и веселее стучать. Как их встретили хохотом в «Крепости» – вы с Марса, или с Юпитера? Почти угадали, да. Белый костюм, резкий профиль Юрате, Данин пьяный нормандский компот. Качели над речкой, Артура с куницей и Дилани Ану с котом. И фотографии их отражений в витринах, и как Юрате почти стащила его пальто. И как Та Ола сидел на стремянке, а Юрате пекла пироги. Как курил на балконе, чтобы не взорваться от счастья – в ТХ-19! От

счастья! Кто бы мне раньше сказал. Как спускался в подвал, чтобы якобы срезать путь, насчитал двадцать семь ступенек, и вдруг оказался на вершине холма, Та Ола сказал, что это была «дверь в лето», а Дилани Ана, что только в октябрь. Как сидели во дворе за пустой пиццерией на улице Двух Воробьёв, как улыбалась Юрате, разливая розовое вино. Как всё время хотелось плакать, смеяться и быть рядом с ней всегда, но так просто не получается. Просто почему-то не получается никогда.

– Ну ничего себе вы там погуляли! – присвистнул Ший Корай Аранах. – Вы на входе случайно не перепутали? Это точно ТХ-19 была?

– Дилани Ана тоже всё время спрашивала: «А это точно-точно ТХ-19»? – улыбнулся Шала Хан. – У неё потрясающее чутьё. ТХ-19, конечно. Но не на всех участках. И не всегда. Прости, я нормально потом сформулирую. Мне пока не даются слова. Мне бы вообще промолчать, раз не готов рассказывать, но я бы взорвался. Так рад, что пошёл не домой, а в кофейню и тут же встретил тебя! Это такой добрый знак, добрей не бывает... Ой, прости, ты конечно больше, чем просто какой-то знак.

– Да нормально. Я согласен быть добрым знаком, – сказал Ший Корай Аранах.

* * *

Тим (Та Ола, он в Лейне) шёл по трамвайным рельсам, представляя, как будто он сам немножко трамвай; взрослые люди так конечно не делают, но если очень хочется, можно, пока поблизости нет настоящего. Приедет – придётся ему уступить.

Та Ола уже успел зайти в два издательства; всего их в его предварительных планах значилось шесть. Потому что, во-первых, при делёжке Юратиных книг ему досталась большая половина. Дилани Ана забрала четыре потенциальных супер-хита для СэньДэ. Шала Хан взял всего две, которые поразили его в самое сердце, сказал, с другими делайте, что хотите, а эти я посторонним переводчикам не отдам. В итоге восемь книг остались у Та Олы; ну, так даже честно, это же он всех к Юрате привёл.

Но главное – и это уже во-вторых – Юрате просила их рассовать книги по разным издательствам, а из всей компании только Та Ола был готов бегать, договариваться, убеждать, подыскивать идеальных переводчиков и художников для обложек, придумывать аннотации и всё остальное. Дилани Ана в силу занимаемой должности может сотрудничать только с СэньДэ, а Шала Хан терпеть не может организационные хлопоты, ему проще постоянно работать с Ги-ЛанДи, где на него практически молятся и всё делают, как он сказал. Зато Та Ола как раз очень любит участвовать во всех этапах книгоиздания и при случае охотно помогает в этих вопросах коллегам, особенно новичкам. С такими задатками ему самое место в каком-нибудь крупном издательстве. Тэко Машши, который много лет безуспешно ищет идеального заместителя, уже как-то раз на эту тему с ним говорил, но Та Ола пока не готов отказаться от карьеры Ловца, он слишком любит ТХ-19, то есть собственно Вильнюс, свой дом и Данину «Крепость». И его можно понять.

Короче, Та Ола был в восторге от предстоящей ему возни. И в очередной раз прикидывал, что из добычи отдаст в Даршони, что в Ак-а-шньява, и имеет ли смысл связываться с консервативным, небогатым и крайне неторопливым, зато знаменитым, раньше всех в Сообществе Девяноста Иллюзий начавшим работать с художественной литературой издательством АхДрас.

В итоге он решил, что ещё как имеет, если на АхДрас по-прежнему работает Шоки Нава, она сейчас лучшая по славянским, это даже Шала Хан признаёт. А если нет, надо идти прямо к ней, потому что две книги точно надо отдавать Шоки Наве, с ними не справится больше никто.

В этот момент, словно бы подтверждая его решение, рельсы ожили и загудели, вдалеке еле слышно звякнул трамвай, и Та Ола прыгнул на тротуар. Да так неудачно (удачно, удачно!), что чуть не сбил с ног прохожего с большим рюкзаком за плечами и не свалился сам. Но ничего, устояли. И рассмеялись, узнав друг друга – вот это да!

– Это Ший Корай Аранах вот настолько хочет книжку про путешествия! – наконец сказал Анн Хари.

– Какую книжку? – опешил Та Ола. – Ты о чём?

– Книжка про путешествия, – повторил Анн Хари. – Название он забыл. Но точно помнит, что её принёс из ТХ-19 ты. Вроде, книжка в

оригинале на русском. А Ший Корай Аранах как раз его выучил...

– Да ты что! Ший Корай Аранах тоже решил стать Ловцом?

– Было бы смешно. Но нет. Язык ТХ-19 ему понадобился для дела. Причём всё равно, какой. И Ший Корай Аранах выбрал русский ради той книжки. Ещё и меня грозился за неё засадить. Сказал, герои там ездят по миру, как он путешествовал в юности. И думают, чувствуют, ведут себя совершенно как мы.

– Всё, я понял, – кивнул Та Ола. – Сам так думал, когда впервые эту книгу читал. Название сейчас не скажу, давно дело было. Лет десять с чем-то назад. Доберусь до дома, найду. Если забуду, позвони мне завтра.

– А можешь забыть?

– Да запросто. Я только вернулся из ТХ-19. Сегодня в обед. Дел куча! Я сейчас даже о самом важном на свете могу забыть.

– Только сегодня в обед вернулся? – переспросил Анн Хари. – И сразу свалился мне на голову... ладно, на локоть и на рюкзак. Ну надо же, как ему припекло!

– Ты имеешь в виду Ший Корай Аранаха? Когда ему очень надо, всё само получается?

– Ну да, – развёл руками Анн Хари. – Как видишь. Почти само. Ладно, если забудешь, сам позвоню, а то, чего доброго, ещё что-нибудь на голову свалится. Давай твой номер.

– А у тебя разве нет? – удивился Та Ола.

– С тех пор, как мы с тобой виделись, – безмятежно улыбнулся Анн Хари, – я, как минимум, раза три разбивал телефон.

Лейн, Вторая весна —го года Этера

— Просил же тебя, как человека, гони меня в шею. А ты всё не гонишь, — сказал Анн Хари.

Он лежал в гамаке, который хозяин дома специально для него отыскал в кладовке и повесил в саду. Такой счастливый и безмятежный, что гнать рука не поднимется. Ещё чего доброго побежишь варить ему кофе. И принесёшь, чтобы так в гамаке и валялся, с вот этой довольной рожей. Лишь бы не уходил.

— Да что ж я, совсем дурак от такого счастья отказываться? — усмехнулся Ший Корай Аранах.

— Это я, что ли, счастье?

— Ты. Рядом с тобой — как в Грас-Кане. Всегда так было, просто теперь я знаю, с чем можно сравнить. Не представляю, как тебе удаётся быть источником счастья, с таким-то тяжёлым характером. Но удаётся, факт.

— Ладно. Тогда ты, наверное, не особенно ужаснёшься.

— Чему я не ужаснусь?

— Пока ты невесть где шлялся, я сам себя выгнал в шею. Натурально отсюда сбежал. Потому что якобы слишком расслабился, а у меня работа, я должен, мне надо, и прочее бла-бла-бла.

— А это кто? — хладнокровно спросил ШиКоНах, указав на гамак, в котором качался Анн Хари.

— Моя юнгианская тень, — басом сказал тот по-русски и сам же заржал. — Прости, — попросил он сквозь смех, — чтобы эта шутка показалась хорошей, надо кучу потусторонней философской пурги прочитать. Неважно! В гамаке у тебя тот, от кого я всю жизнь открещивался, потому что боялся им оказаться, счастливый бездельник и сибарит. Который зашёл в свой отель, огляделся, подумал: «да ну его на хрен!» — сложил в рюкзак необходимые вещи и поехал назад. Правда сперва выпил кофе в «Мы сами». И понял, что уже от него

отвык. Ну или они не старались. Не знаю! Короче, у наших соседей с красным стулом, прибитым над входом – как они называются?

– Так «Красный стул» же.

– А, да. Так вот, в нашем «стуле» кофе гораздо круче... ужас, я это сказал? Добровольно? Я так действительно думаю? Что со мной? Доктор, я буду жить?

– Будешь, – твёрдо сказал ШиКоНах. – Причём чем дальше, тем лучше. – И добавил, благо потусторонние языки позволяют любые дурацкие шутки: – Наш санаторий для буйнопомешанных гордится тобой!

– У меня отличный главврач, – в тон ему ответил Анн Хари. – Но справедливости ради, всё остальное в центре мне очень понравилось. Надо бывать там почаще. Я сегодня ходил и глазел, как настоящий турист. Там, прикинь, зеркальное небо. В нём отражается море, тротуары, улицы и дома. Удивительно, как к такой красотище можно привыкнуть. А ведь все привыкают и почти не обращают внимания! Включая меня. Но теперь я, спасибо тебе и судьбе, отвык заново. Обратно почти полдороги прошёл пешком, сел в трамвай аж на Сонной, да и то только потому, что был с рюкзаком. И кстати! Знаешь, кого я в городе встретил? Та Олу. Он на меня натурально свалился. Тоже задумавшись шёл.

– А ты случайно не?..

– Естественно я сразу спросил его про ту книжку, которую ты хотел. Всё в порядке, Та Ола сразу понял, о чём речь, найдёт, принесёт. Он, представляешь, только сегодня в обед из ТХ-19 вернулся. И сразу выскочил мне навстречу. Я ещё удивился – надо же, как тебе почитать припекло!

– Или книжке припекло, чтобы я её перечитал. Я не шучу, у книг тоже бывает воля. У некоторых такая, что людям до них далеко.

– Так это я знаю. Как, наверное, все мало-мальски опытные Ловцы. «Кэрри» Стивена Кинга^[31] за мной в своё время натурально гонялась. Я же сперва не хотел её брать, она мне не особо понравилась. И никому из наших, судя по тому, что никто меня не опередил. Так эта «Кэрри» на меня отовсюду выскакивала. Что в книжных магазинах на самых видных местах стояла, как раз ничего удивительного, обычная реклама новинки ради хороших продаж. Но я постоянно встречал эту книгу в кафе и барах, замечал её на чужих подоконниках, у пляжников,

у стариков на бульваре, в руках пассажиров междугородних автобусов и поездов. В конце концов «Кэрри» попалась мне на скамейке у дома, где я снимал квартиру, кто-то её там забыл. Вот тогда я и сдался. И, как ты знаешь, сделал на этом репутацию и состояние. Хотя Кинга так и не полюбил. Мне вообще мало что из новой литературы ТХ-19 по-настоящему нравится. Всё-таки я слишком поздно Ловцом родился! Все моё самое любимое нашли и издали задолго до меня.

– Да-да, похищение быка^[32], я помню, – улыбнулся ШиКоНах. – Такое поди забудь!

– Иногда я думаю, что отлично прижился бы в Эмайн-Махе^[33].

– Не вопрос. И жил бы там долго и счастливо примерно двадцать минут. Ладно, аж целых сорок. Я в тебя верю. Из тебя получился бы отличный потусторонний драчун. Но в гамаке ты мне нравишься больше. Очень красивое зрелище. Так всегда и лежи!

– Спасибо за комплимент, – сказал Анн Хари. – И за гамак в твоём санатории. Я сам не понимал, насколько со мной всё... не очень прекрасно, пока у тебя не пожил. А теперь снова очень. Ну, по моим ощущениям. Но других критериев у меня и нет.

– Судя по тому, что ты в отеле собрал рюкзак и вернулся, всё и правда с тобой хорошо. Когда из возможных для тебя вариантов выбираешь самый приятный, а не способ наказать себя за сам факт своего бытия, ты точно в порядке.

– Я настолько в порядке, что даже с работой решил завязать. До тех пор, пока самому не захочется. Пока опять не проснётся если не любовь, то хотя бы азарт. А если нет, без меня обойдутся. В ТХ-19 наших Ловцов до чёрта. Есть кому книги оттуда таскать.

– Это вот настолько полезно пожить в моём доме! – восхитился Ший Корай Аранах.

– А то сам не знаешь.

– Знаю. Что так, по идее, должно быть. Но раньше ты от меня обычно уже через пару часов убегал.

– Справедливости ради, иногда оставался аж до утра. Когда трамваи уже не ходили. Но вообще ты, конечно, прав. Мне внезапно стало с тобой легко. Я даже наверное понимаю, почему так. Ты тоже?

– Так смотря что. Твою версию я не знаю. Давай излагай.

– Хитрый, зараза, – сказал Анн Хари по-русски и рассмеялся. – Нет чтобы просто так, наобум неизвестно с чем согласиться. Версию

ему подавай! Ладно. Просто рядом с тобой хочешь, не хочешь, а исполняешься высокого смысла. Тебе даже ничего специально делать не надо, оно происходит само. А я, получается, не особо хотел, хотя когда-то сам об этом просил. Вообще только ради этого с тобой познакомился! Но на практике оказалось, трудная штука высокий смысл. Проще считать тебя невыносимым, сердиться на твои вымышленные грехи, убегать подобра-поздорову, не появляться неделями и при этом страшно скучать.

– Да, – безмятежно кивнул ШиКоНах. – Есть такая проблема. Рядом со мной многим трудно. Я в молодости по этому поводу страшно переживал. Потом, конечно, привык. А куда деваться. Ты, кстати, ещё очень стойкий. Герой, каких поискать.

– У меня сила воли, – улыбнулся Анн Хари. – Плюс, ужасно тебя люблю. Но важно сейчас не это. А то, что после того, как я вспомнил о прошлой жизни, мне вдруг стало с тобой легко. Видимо вместе с обрывками воспоминаний я наконец-то обрёл свой высокий смысл. Станный, но уж какой получился! И тебе ничего больше делать со мной не надо. Можно просто дружить.

– Смешная идея, – сказал ШиКоНах с таким мрачным видом, с каким обычно говорят: «вообще не смешно». – Ты, получается, совершенно не представляешь, что такое высокий смысл для человека. Мы же не книги, не улицы, не города. Наш высокий смысл – не знание, не идея, не задание, которое следует выполнить, не какая-то новая правда о нас. А просто состояние, в котором ты, как живой механизм, лучше всего работаешь. Наиболее полно и красиво себя проявляешь. Так понятно?

– Вполне, – буркнул Анн Хари, которому жуть как хотелось обидеться на снисходительную интонацию, но гораздо больше – дослушать до конца.

– Быть в таком состоянии – счастье. Но приходить к нему трудно. Для человеческой психики это обычно то ещё испытание – ускоренное развитие, стремительный внутренний бег. Поэтому находиться рядом со мной подолгу почти всем тяжело. Но с тобой-то совершенно другая история. Сам процесс перехода тебе даётся очень легко. Твой высокий смысл – состояние радости и любви, в которое ты и без меня регулярно приходишь. Оно с детства – не то чтобы твоя постоянная норма, но скажем так, одна из норм. Ну а рядом со мной это состояние

для тебя неизбежно – раз, и всё. Поэтому я так смеялся, когда мы с тобой познакомились. Стоит такой и просит о том, что уже и так произошло!

– Между прочим, было довольно обидно, – заметил Анн Хари. – Но меня многие заранее предупреждали, что ты странный. Поэтому я тогда не ушёл. И ещё потому, что рядом с тобой было круто. Как будто ты куришь сигару из Тёнси, хотя ты ничего не курил.

– Вот именно. Со мной тебе было легко с первой встречи. А трудно – только с собой. Ты пытался не позволить себе быть счастливым. То ли хотел наказать за прошлое, то ли боялся, что слишком сильная радость окажется сном, ты вот-вот проснёшься в ТХ-19 и обнаружишь, что до сих пор там живёшь. То ли ещё что-нибудь, тебе виднее; неважно. Факт, что ты сопротивлялся своему высокому смыслу изо всех сил. Бессознательно, что осложняло дело. Не давало разобраться, что происходит, от чего именно тебе тяжело. А теперь ты вспомнил свою предыдущую биографию, рассказал мне, мы всё обсудили, пришли к тому, что оказаться одним из создателей Грас-Кана на любых условиях хорошо, и тебя наконец отпустило. Ты разрешил себе быть счастливым. А остальное случилось само.

– Да, похоже на то, – вздохнул Анн Хари. И, рассмеявшись, добавил: – Так вообще-то нечестно! Почему всегда оказывается, что ты умнее меня?

– Так просто живу дольше, – пожал плечами Ший Корай Аранах. – Было бы странно за столько столетий не поумнеть.

• *Что мы знаем о жителях Сообщества Девяности Иллюзий?*

Что вот прямо сейчас Ташья Курати, рыжая женщина средних лет (двести в прошлом году исполнилось, закатила грандиозную вечеринку, у неё очень много друзей) курит в кабине машиниста

паровоза; это вообще не положено, но Ташье Курати всё можно, потому что она и есть машинист.

Поезд стоит на станции Адессина, это примерно середина пути из Ойши в Черрану, ехать ещё десять с половиной часов. Ташьа Курати в своё время закончила философский факультет Гуманитарного университета Черраны, получила диплом с отличием и специальный студенческий орден Зелёной Кометы, которым преподавательский состав иногда награждает самых любимых, выдающихся выпускников. Но быстро пресытилась философией – что толку рассуждать об устройстве жизни и мира, жизнь надо жить, а мир – любить, познавать, чинить, переделывать, поддерживать, создавать. Она сменила много профессий, кем только не была – и строителем, и корректором в научном издательстве Трањс, и осветителем в Оперном зале, и продавщицей подводных цветов, и открыла в порту кафе «Только суп», где действительно кормят только супами (оно, кстати, работает до сих пор). Ташье Курати всё быстро надоедало, пока не попробовала ездить в поездах проводницей. И так ей это дело понравилось, что проработала почти двадцать лет, а потом пошла учиться сама водить пассажирские поезда.

Стоянка в Адессине десять минут, Ташьа Курати курит и думает, что по большому счёту, жизнь машиниста – метафора жизни в целом. Путь для тебя проложен, но ты управляешь движением. Ты управляешь движением, но не выбираешь путь! Парадокс, – улыбается Ташьа Курати. – Но это только, если не знать, что на самом деле есть возможность выбрать маршрут заранее. Пойти и договориться. Как я попросила себе направление Ойша-Черрана, потому что в Черране друзья и родители, а в Ойше живёт Ша Юри. И с выбором новой судьбы после смерти, – думает Ташьа Курати, сама удивляясь тому, куда её завела метафора, – наверное тоже можно как-нибудь так.

- Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?

Что вот прямо сейчас Йорти Сён, один из пилотов, которые недавно доставили Ший Корай Аранаха из Лейна в Грас-Кан и обратно, валяется с книжкой на веранде отцовского дома в Шутаре, это маленький город в горах в трёхстах километрах от Лейна.

Далековато, но Йорти Сён часто ездит сюда в выходные, они с отцом большие друзья.

Книжка зашибись интересная, старый детектив из ТХ-19, один из тех, где убийцу невозможно угадать до самых последних страниц. Но Йорти Сён читает не особо внимательно, потому что ужасно волнуется. Он обещал отцу поездку в Грас-Кан и теперь гадает, сохранилась ли там на окраине взлётно-посадочная полоса. По идее, должна, они с коллегами уже шесть раз проверяли. Сперва одни, а потом с пассажирами. И все шесть раз попали в Грас-Кан. Но кто знает, – терзается Йорти Сён, – а вдруг она тает со временем? Как лёд.

Да ну нет, быть такого не может, – сердито думает Йорти Сён. Шепчет вслух, хотя ужасно боится, что это может оказаться неправдой: «Я распрекрасно доставлю папу в Грас-Кан, мы с ним вместе там погуляем», – и смеётся от облегчения. Вот! Сказал же! И всё нормально, не помер, даже в обморок не упал.

• Что мы знаем о жителях Сообщества Девяности Иллюзий?

Что вот прямо сейчас Аларита Таорти, торговый представитель издательского дома СэньДэ в Мэй-Ароване (и заодно что-то вроде консула Лейна в этих краях; официально такой должности не существует, просто в Мэй-Ароване все знают, что любые связанные с Лейном вопросы проще всего улаживать через Алариту Таорти, она поможет, свяжет с кем надо, даст консультацию по любому вопросу, ей нравится помогать) – так вот, Аларита Таорти сидит на веранде «Шубы». «Шуба» это прибрежный бар, продуваемый всеми ветрами, поэтому зимой там вместо пледов выдают посетителям шубы – смешные, пёстрые, легкие, как банные халаты, но действительно очень тёплые, в такой на открытой веранде можно часами сидеть.

Аларита Таорти ходит в «Шубу», как на работу. Через день, примерно с девяти до полуночи она тут сидит. Это очень удобно, потому что каждый, кому нужен совет или помощь, может её в этом баре как бы случайно застать и обо всём расспросить. В Мэй-Ароване принято запросто заговаривать с незнакомцами в барах; в других местах, теоретически, тоже можно, но на практике так не поступает почти никто.

Аларите Таорти нравится «Шуба». Здесь варят кофе почти как в Лейне, вместо пирожных яблочные оладьи, в бокал с коктейлем непременно кладут ракушку для красоты. И пожилой синеглазый бармен в неё немножко влюблён, ровно настолько, чтобы им обоим хотелось – не сегодня, однажды, когда-нибудь – повесить над входом табличку «Простите, закрыто» и вместе отсюда уйти.

Синеглазый бармен очень внимательно смотрит на Алариту Таорти. Значит всё-таки заметно, что я ревела, – понимает она. Он, конечно, не спросит, что стряслось, здесь не Лейн, так не принято, в чужие дела не лезут. Но всегда надеются, что расскажешь сама. Это жест доброй воли, знак доверия, начало сближения – о своей беде рассказать. (Другой вариант – назвать своё имя, в Мэй-Ароване это тоже о-го-го какой знак доверия, то есть, если захочешь срочно с кем-нибудь сблизиться, не обязательно ждать, пока у тебя случится беда.)

«Просто узнала о смерти старого друга, – говорит Аларита Таорти. – Ну как – друга. Мы с ним с детства знакомы, но так долго не виделись, что это уже наверное не считается. А теперь он погиб в Шигестори. В потусторонней реальности. Он был Ловцом».

Синеглазый сдержанно кивает – понятно. Но его глаза натурально полыхают огнём. Простительное любопытство. Каждому интересно побольше узнать про Ловцов.

«Я потом расскажу, – обещает Аларита Таорти. – Про него и не только. Я же в издательстве работаю. Среди моих друзей очень много Ловцов. Но сейчас у меня есть вопрос. Я давно живу в Мэй-Ароване, но до сих пор не знаю, есть ли у вас обычай прощаться с мёртвыми? И если да, то какой? Мы в Лейне обычно просто собираемся большой компанией, обнимаемся, пьём и плачем. Или плачем на трезвую голову. Или не плачем, а просто пьём. Как пойдёт! Важно быть вместе. Показать друг другу и самим убедиться, как у нас много живых любимых друзей. Но так сейчас не получится. В Мэй-Ароване у меня много знакомых и несколько добрых приятелей. Но все близкие в Лейне. Самолёты отсюда туда не летают, я уже узнавала. А парходом аж десять дней».

– Мы в беде всегда идём к морю. На берег, или на пирс, кому как больше нравится, – говорит синеглазый. – Примерно из тех же соображений, из каких вы собираетесь дружной компанией:

убедиться что один верный, вечный друг у нас точно есть. Если захочешь, я дам тебе два бокала вина, для тебя и для моря. Голубое не по сезону, но море больше любит его. Попробуй, пойди прогуляйся. Сама увидишь, море умеет утешать.

– Спасибо, – кивает Аларита Таорти. – Попробую. Мне сейчас как раз очень нужен верный и вечный друг.

– Потом возвращайся, – говорит синеглазый, наливая в бокалы белое с синеватым оттенком местное так называемое «голубое» вино. И помолчав, добавляет: – Меня зовут Шех Ратана. Я не вечный. Но верный. Может быть пригожусь.

- Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?

Что вот прямо сейчас мальчика по имени Идани Нера (ему скоро будет шестнадцать, но выглядит он пока лет на десять, потому что очень любит читать) швыряет в стену книжку в яркой обложке, орёт на неё: «Так нельзя! Так не надо!» – и чуть не плачет от беспомощного желания переписать её заново. Всё по-своему переписать!

На крик прибегает мать, которая, по счастливому совпадению, дома. Не задавая вопросов, обнимает мальчика и гладит по голове. Косится на обложку брошенной книги – ага, Достоевский, «Бесы». Ладно, раз так, не беда. Просто ребёнок опять начитался трэшовой фантастики из ТХ-19. Почему-то подростков на неё так и тянет. Сама в его годы рыдала над Достоевским, да и кто над ним не рыдал.

«Это просто книга. Фантастика. На самом деле так не бывает», – наконец говорит она сыну. «Даже в ТХ-19?» – с надеждой спрашивает мальчика. Мать кивает: «Даже в ТХ-19 люди живут совершенно не так. Автор всё выдумал. Их язык позволяет обманывать, сочинять, говорить о том, чего не было. И на бумаге писать. Ты же это в школе учил. Давным-давно, ещё в младших классах!» «Да, – кивает мальчика, успокоенный напоминанием. – Они просто так сочиняют истории о том, чего не было. Чтобы удивить читателей, заставить о чём-то задуматься, огорчить, обрадовать, или напугать».

- Что мы знаем о жителях Сообщества Девяноста Иллюзий?

Что вот прямо сейчас Луши Та Йости, фермер и хозяин Шумного леса (не владелец, а близкий друг всех тамошних старых деревьев, так что название его должности правильней перевести как «лесник»), неторопливо идёт по тропинке, ведущей к лесу через его огороды и грушевые сады. Он не просто так тут гуляет, а внимательно смотрит по сторонам и ласково приговаривает: «Вы только растите, мои дорогие! Я вас очень люблю».

Здесь, в окрестностях Шаль-Унавана, самый конец весны, горячее время для фермеров. Все они, как Луши Та Йости, сейчас каждый день обходят свои владения – поля, огороды, сады, виноградники – и тоже говорят им ласковые, ободряющие слова. А вечерами собираются на верандах уличных баров, или просто друг у друга в гостях, где выпив вина для храбрости (всё-таки трудно говорить о том, чего пока не случилось), напропалую хвастают, какой зашибенский у них будет в этом году урожай. И друг друга тоже вовсю нахваляют, особенно тех, кто молод, неопытен, а потому молчалив. У фермеров конкуренции не бывает, им даже в голову не пришло бы соревноваться с соседями. В мире, – считают фермеры, – должно быть много, чем больше, тем лучше, отличной еды.

У фермеров – не только в окрестностях Шаль-Унавана, во всём Содружестве Девяноста Иллюзий – хорошая, безмятежная жизнь. Ну и, чего уж, почётное положение, всем понятно, что они – важнее всех в мире, его основа, кормильцы, податели благ. Работать им конечно приходится, но уж точно не до седьмого пота, как мы привыкли думать о крестьянском труде. Главное – язык должен быть подвешен как надо. Не умеешь убеждать корнеплоды и злаки расти даже там, где их не сажали, так они и не вырастут. Не очаруешь свои деревья лаской и уговорами, не получишь плодов. Не похвастаешься заранее невиданным урожаем, так и не будет его.

Что касается Луши Та Йости, ему, как можно понять по тройному имени, уже очень много лет. Он не потомственный фермер, а бывший учёный-физик, преподаватель Шаль-Унаванского технического университета и бывший же Шаль-Унаванский учёный мэр (в Шаль-Унаване всегда одновременно три мэра – учёный из профессуры, лесной из фермеров и рабочий из мастеров – потому что один человек, даже очень умный и опытный, не может разбираться сразу во всём).

На самом деле он ещё в юности мечтал стать фермером, но думал, у горожанина никаких шансов, для этого надо с детства дружить с деревьями и землёй. Уже в старости, выйдя в отставку, Луши Та Йости купил себе домик с маленьким садом на опушке Шумного леса, просто для удовольствия, совершенно не рассчитывая на успех. И вдруг оказалось, он – прирождённый фермер. И лесным деревьям сразу понравился, и виноградникам, и овощам. И соседи каждый день заывают его на ужин, чтобы он их сады лишний раз похвалил.

• Что мы знаем о жителях Сообщества Девяности Иллюзий?

Что они очень разные, друг на друга совсем не похожи. Надеюсь, это заметно, если вот так описать несколько коротких моментов из жизни случайно, методом тыка выбранных жителей разных континентов и городов. Тем не менее, у них есть одно общее качество. Все они любят жизнь, себя и друг друга. Этой любовью и держится их придуманный, зыбкий, как море, пёстрый, как лоскутное одеяло, бесконечно добрый к своим обитателям мир.

МЕСТО:

*ящик, в котором вместо кошки
сизжу я и пою понятно какую песню,
барабана по колбе с какой
положено кислотой.*

ВРЕМЯ:

*пока Юджин Вигнер
обзванивает своих друзей.*

Так понятно? Так совсем непонятно. И это, наверное, хорошо.

Вильнюс, Декабрь 2020

Я говорю:

– Богооставленность – главная проблема современного человека. Корень всех бед. Человек знает о своей смертности и не имеет достоверной, ощутимой опоры по ту сторону бытия. Традиционные религии уже давно не справляются. Любая религия берёт начало в подлинном мифе, но в руках хищных тварей, которые неизменно прорываются к власти в любом человеческом сообществе, во все времена, путь к спасению превращается в инструмент принуждения. С этой функцией религии до сих пор во многих культурах справляются. А как опора и утешение они работают так себе. Наука – в том виде, в каком она доходит до массовой аудитории, – не только не дарит надежду, а напротив, отнимает последние крохи, подменяя рациональностью и прагматизмом сокровенный высокий смысл. Психзащиты помогают спрятать проблему, не думать о ней с утра до ночи. Но не решить.

Мы сидим на причале, где летом собирает и высаживает пассажиров смешная пародия на гондолу, которая катает туристов по речке Нерис. Ну то есть раньше собирала, катала, высаживала – когда в город ещё приезжали туристы, и жизнь здесь была вполне похожа на настоящую жизнь. Сейчас-то, понятно, нет ни гондолы, ни белых столов и кресел, ни киосков с лимонадом и пивом. Только висит побитая дождями и снегопадами, но пока не побеждённая ими табличка «Luxury». Короче, причал «Лухари», лучшее место для пикников в этом городе. Особенно зимой, в декабре.

Может показаться, я слишком ношусь со своей новой группой. Ну так я со всеми ношусь как с писаной торбой, пока они новички. Потому что им очень надо. Им сейчас трудно, страшно и радостно, иногда они просыпаются, плача от счастья, иногда им кажется, что они сходят с ума.

Но, положив руку на сердце, мне тоже надо. Просто потому что начало пути – это очень красиво. Моя доля в деле, зарплата и премия – красота. Нет (сейчас, для меня) ничего круче, чем видеть, как

пространство обыденности становится непрактичным бликующим мифом, а из слабого, по идее, технически не пригодного к подобным кунштюкам человека вылупляется офонаревшее от столь оригинального места рождения божество.

Поэтому (а ещё потому, что это абсурдно) мы сейчас сидим на причале, прямо на мокрых досках, с термосами и бутербродами. То есть, у нас не условный, не символический, а самый настоящий пикник.

Я говорю:

– Кризис богооставленности преодолевается только многократным персональным духовным опытом, точка. Других способов преодолеть этот кризис не существует. Описания чужого опыта не катят. Полёты фантазии на крыльях воображения не катят. Утешительные теории не катят. Вообще ничего не катит, кроме персонального духовного опыта, дающего подлинную, ощутимую опору в вечности, личный контакт с божественным, взаимную с ним любовь. И кстати о личном контакте с божественным. Тепло ли тебе, девица? В смысле, никто не замёрз?

Они улыбаются, отрицательно мотают головами.

– Тепло почему-то, – недовольным тоном (ну как же! беда! непорядок! зимой не должно быть тепло!) говорит длинный Жёгас, Кузнечик (я его так про себя называю, потому что настоящее имя Кястас совершенно ему не идёт).

– А я вообще расстегнулась, – хвастается Анеличка. – Такая жара!

Я флегматично киваю, как будто бы так и надо (потому что так и надо, действительно, да):

– Это нормально. Рядом со мной внутренний огонь хорошо разгорается. А надо, чтобы он разгорался и без меня. Но это дело такое. Если будете продолжать в том же духе, огонь как миленький разгорится. Никуда не денется он от нас.

– Я вообще с ноября ни разу толком и не замёрзла, даже зимнюю кофту перестала под пальто надевать, – подтверждает Милда.

Люблю её очень, она в группе самая старшая, а по ощущению, совершенно девчонка, вдвое младше любого из нас.

Я говорю:

– С богооставленностью такая беда. Она не то чтобы просто иллюзия. С точки зрения бога – духа, силы, источника жизни, нашей единственной вечной опоры по обе стороны бытия – большинства людей просто нет. Их не видно, не слышно. Живыми они не считаются. Видят нас, или нет, зависит от яркости нашего сияния. То есть, от личной силы, от уровня нашей энергии. Равенства в этом вопросе нет. Поэтому наше существование с точки зрения духа – не константа, а переменная. Люди – как полицейская мигалка из старого анекдота: «Работает! Ой, не работает! Ой, работает! Ой, опять нет!» К сожалению, в отличие от мигалки, среднестатистический человек обычно «работает» крайне редко. В минуты наивысшего душевного подъёма, влюблённости, вдохновения, некоторые – в моменты предельного отчаяния. Ну и всё.

Обвожу глазами явно скисшую аудиторию. И говорю:

– Эй, я рассказываю всё это не для того, чтобы испортить вам настроение и угробить наш прекрасный пикник. А потому, что у меня хорошая новость. Есть чувство, испытывая которое, мы безусловно существуем для духа даже в моменты нашей предельной слабости. Это благодарность. За жизнь. Да, жизнь человека среди людей такой непростой подарок, что за него иногда хочется не в благодарностях рассыпаться, а засветить дарителю в глаз. Но тут ничего не поделаешь. Мы уже взяли этот подарок. Мы живы, мы есть здесь и сейчас. Это, как минимум, честно: взял подарок – поблагодари. Начать вот так сразу испытывать благодарность непросто, это я понимаю. Мы не привыкли, не приучены благодарить. Но ничего, намерение – великое дело. Научимся. Формально говорить, или просто думать «спасибо» для начала вполне сойдёт. И вспоминать о благодарности надо почаще. По всякому поводу. Вот даже прямо сейчас – хорошо же сидим! С чаем, кофе и бутербродами. Дождь не льёт, снег не сыпется, всем тепло – в декабре, на минуточку! За два дня до Рождества! И полиции рядом нет. Есть за что быть благодарными. И на обратной дороге – за то, что у нас был отличный пикник. И дома – за то, что есть дом, где тепло, светло, и плита работает, и вода из кранов течёт. И так далее. Любому из нас найдётся за что говорить «спасибо» по тысяче раз на дню. А искренность приложится, куда она денется. Однажды сама придёт.

– А я уже, – почти беззвучно признаётся Анеличка. – Проснулась позавчера, вдохнула, как ты учила, макушкой, и вдруг стала такая счастливая! Хотя я бедный котик всегда по утрам. И сказала: «Спасибо!» – само как-то вырвалось. И повторила потом ещё много раз. И от этого появилось ощущение, что меня обнимают всем миром. Не мысль, не идея, а именно физическое ощущение. Как будто весь мир – огромная ласковая рука. Мне от неё даже немножко щекотно. И так хорошо!

Остальные молчат. Я вижу, как они сейчас на себя примеряют – не просто слово «спасибо», а новый образ – существа, благодарного за факт бытия. На самом деле это гораздо труднее, чем кажется. Но возможно. Нет ничего невозможного (особенно если рядом я).

Вильнюс, Декабрь 2020

Самуил (Шала Хан, тут он сразу как миленький снова стал Самуилом, даже на именном значке почётного гостя книжной кофейни, который он забыл отцепить от лацкана, теперь написано «Samuel») – так вот, он специально заявился в ТХ-19 в Сочельник, предположив, что в «Крепости» как-нибудь интересно и весело празднуют Рождество.

Это просто (когда ты адрэле и сила твоих слов велика): вышел из дома в Лейне, почти беззвучно, с мощным, но привычным внутренним усилием буркнув под нос: «Я в Вильнюсе», – и ты уже там. Ну правда не в центре, а в спальном районе, в Северном Городке; ничего не попишешь, так бывает почти всегда. Среди Ловцов и просто мастеров Перехода встречаются умельцы, способные точно рассчитать свой маршрут и оказаться не просто в нужном городе, а на конкретной улице, или хотя бы где-то поблизости; это практически не зависит от силы и опыта, просто такой врождённый талант. Самуил, к сожалению, не из них (когда-то собственное несовершенство его ужасно бесило, потом, куда деваться, привык). Короче, Северный Городок ещё вполне неплохой вариант, – понял он, включив местный телефон и определив своё положение. – До центра отсюда километра четыре, можно дойти быстрым шагом примерно за сорок минут.

По дороге Самуил как-то стремительно скис. Без Тима и Нади он чувствовал себя здесь неприкаянным, лишним, ненужным, чужим; последнее, собственно, правда. Естественно Ловец из Лейна чужой в ТХ-19! И слава богу, ещё не хватало стать тут своим. Однако «неприкаянный», «лишний», «ненужный» это как-то уж слишком. С чего бы вдруг? Но предпраздничный город в локдауне производил очень тягостное впечатление. Холодный, безлюдный, бесснежный, безвкусно и скудно украшенный к Рождеству, он выглядел так, словно все жители умерли; ну, правда, не остались валяться на улицах, а, молодцы такие, аккуратно сами себя где положено погребли.

Мысль об умерших жителях была нелепая и дурацкая, но прилипчивая. Крутилась в голове и портила настроение, как самое

настоящее знание об истинном положении дел. За почти час пути печаль с раздражением превратились в настоящую чёрную меланхолию, излишки которой волочились за ним как невидимый, но явственно осязаемый шлейф. В таком состоянии Самуил в «Крепость» идти не хотел. Ну уж нет, – думал он. – Я так, чего доброго, людям праздник испорчу. А себе – репутацию. Мне нельзя быть унылым нытиком! Я же марсианин с Юпитера! Человек-праздник в полосатом пальто!

Решил гулять, пока не исправится настроение, благо вокруг наконец-то красивые улицы, и фонари здесь поярче, и украшений побольше, всё-таки центр. Часа полтора слонялся по городу под мелким холодным дождём, но настроение лучше не становилось. Вильнюс был какой-то не тот. Обычный умеренно старый, не особо богатый город, в европейской части ТХ-19 таких полно.

Ну или я какой-то не тот, – мрачно думал Самуил, сворачивая в очередной знакомый по прошлым прогулкам проходной двор. – Диалоги с городами налаживать не умею. То есть дома умею, а в ТХ-19 – нет. Плохая была идея идти сюда в одиночку. Это же Тимкин город. У них давние отношения, можно сказать, любовь. Рядом с ним и нам здесь было здорово, а без него всё не так и не то.

Дело спасла кофейня; ну, кофейни всегда спасают, затем они и нужны. Особенно те, что работают в неурочное время, когда всё закрыто, а население сидит по домам. За полвека работы в ТХ-19 Самуил хорошо изучил порядки в её европейской части, знал, что в Сочельник даже без всяких локдаунов всё – магазины, кафе, рестораны – закрывается в страшную рань. А тут вдруг кофейня, дверь нараспашку, внутри горит свет. В половине девятого вечера. Так вообще не бывает. Нет!

– Так не бывает, – сказал он с порога.

– Не бывает, – согласился бариста, с виду чуть ли не школьник, то есть совсем молодой. Ну или очень много читает, – привычно подумал о нём Самуил. Но тут же опомнился: это же ТХ-19, здесь чтение не продлевает юность и в целом жизнь.

– Это я на спор, – объяснил Самуилу бариста.

– На спор работаете в Сочельник? А в чём именно заключается спор?

– Я был уверен, что сегодня вечером никто не придёт. А моя подружка сказала: придут, вот увидишь, не меньше десятка клиентов.

– И как?

– Она уже довольно давно победила. Вы – четырнадцатый. И все так одинаково удивляются! Говорят, открытая в Сочельник кофейня – лучший подарок в этом долбанутом году. Так что мне не обидно. Я рад, что проиграл. Собирался в восемь идти домой, но... – он замялся, – я вроде не суеверный. А всё-таки тринадцать клиентов в Сочельник это как-то нехорошо.

– А я четырнадцатый, – сообразил Самуил. – И теперь вы свободны! Я собственно тоже. Отлично!

– А вы от чего свободны? – оживился бариста. И неохотно добавил: – Если не секрет.

– От своего ужасного настроения. Не хотел таким идти в гости к друзьям. А оно, собака, не исправлялось. Я уже потерял надежду. Для поднятия настроения мне надо было срочно убедиться, что в этом городе ещё случаются чудеса.

– Ой, да они тут постоянно случаются, – подтвердил бариста таким тоном, словно речь шла о чём-то обыденном, даже само собой разумеющемся, например, о людях, которые пьют капучино: есть такие, их много, приходят сюда каждый день.

Из кофейни Самуил не вышел, а натурально выпорхнул, явственно ощущая, как за спиной растут крылья, и им немного мешает пальто. Не бежал, не спешил, но расстояние в полтора километра преодолел буквально за пять минут. В самый последний момент почти испугался – а вдруг без Тима и «Крепости» нет? – но паническая мысль опоздала, он уже видел тёплый свет в знакомых окнах, слегка приоткрытую дверь, вывеску с литовским словом «Tvirtovė» и разноцветные – зелёные, синие, жёлтые – огоньки над ней.

– Марсианин! – воскликнула Дана. – Ну надо же! В своём шикарном марсианском пальто!

– Так вот почему я приготовил семь кружек! – обрадовался Артур. – Я его заранее посчитал!

А Раусфомштранд адресовал гостю укоризненный взгляд с буфета. Ты, дескать, чего без Нади припёрся? Где мою Надю забыл?

– Прости, дорогой, – сказал Самуил. – У Нади очень много работы. Как только закончит, обязательно к тебе в гости придёт.

– А у тебя, значит, мало, – усмехнулась Юрате.

Она склонилась над здоровенной кастрюлей, в которой что-то алхимически булькало, и даже толком не обернулась к гостю. И совсем не факт, что ему обрадовалась. Но главное, она была здесь.

– У меня так много работы, что я даже на пляже ни разу не был, – сказал Самуил. – И сюда пришёл не просто так, а по делу. У меня накопились вопросы по переводу. Сорок шесть штук. Плюс сигары, которые я тебе обещал. Я не мог допустить, чтобы ты в светлый праздник Рождества что попало курила. Всё-таки у вас католическая страна.

На этом месте все присутствующие дружно заржали. Ну, Самуил и рассчитывал на подобный эффект. Он вообще как следует подготовился к визиту. Продумал и первые реплики, и вопросы по переводу, которые были прекрасным поводом заявиться в гости без изданных книг. Четыре вопроса у него в ходе работы действительно появились. Но четыре – число несерьёзное. Поэтому для солидности он притянул за уши ещё сорок два.

А ещё, – это Самуил не сказал, а очень внятно подумал в надежде, что Юрате его услышит, – я же никогда не праздновал Рождество в ТХ-19. Только в книжках о нём читал. Хороший праздник. Прорадость, утешение и надежду; неважно, что она не сбылась. И вдруг такая возможность! Есть к кому ввалиться на ночь глядя с подарками. Что ж я, совсем дурак – её упускать?

– Мы с Данкой затеяли рождественский пунш, – сказала Юрате, не отрывая глаз от кастрюли. – С сидром, клюквой и белым ромом. По рецепту из интернета, прикинь. Доварю и сразу обрадуюсь. И тебе, и сигарам с вопросами. А сейчас не могу. За ним глаз да глаз. Не дай бог закипит.

Потом Самуил раздавал подарки. Он долго и тщательно их выбирал. Непростая задача – и удивить, и порадовать, и не выдать себя. Только с Юрате легко, ей сигары из Тёнси, она сама их просила, и вообще всё знает о наших делах. Но остальные, при всём уважении, вряд ли готовы вот так сразу в честь праздника ужиться с идеей о множественности миров. А даже если готовы, всё равно сообщать информацию о Содружестве Деяноста Иллюзий жителям цивилизаций типа ТХ, ЫШ, ММ, РЬ (и ещё восемнадцать, если не

ошибаюсь, групп, согласно классификации Большого Издательского совета) строго запрещено. Среди Ловцов, конечно, вряд ли отыщется такой, кто ни разу в жизни не нарушил ни единого правила техники безопасности. Но на то и правила, чтобы нарушать их только в случае крайней необходимости, а не по пустякам.

Самуила выручил фермерский рынок. Там домашнее вино на разлив в бутылках без этикеток, сыр завернут в бумагу, инициалы мастера, буквы нездешнего алфавита на самодельной посуде вполне сойдут за красивый фирменный знак, а конфеты можно аккуратно переложить в коробки без надписей. И шарф, который он выбрал для Даны, выглядит как вполне обычный, просто очень красивый и тёплый шарф, а что полосы – зелёная, жёлтая, синяя – в честь радуг над Козни, совершенно не обязательно объяснять.

Подарков он нарочно набрал с запасом – чёрт их знает, как они празднуют, вдруг в «Крепости» сегодня толпа. Но Рождество в Литве – домашний праздник, когда за столом собирается вся семья. Поэтому кроме Юрате, Артура и Даны здесь были только старик Три Шакала, Труп, который не смог уехать в Германию, и Наира, не попавшая к родителям в Ереван. Им и достались подарки. Каждому – много. Счастья, по выражению Даны, полные штаны. А самым счастливым был сам Самуил, которому в силу особенностей судьбы и профессии редко удаётся играть любимые роли феи-крёстной и всеобщего старшего брата. Будь его воля, он бы сюда (и не только) ежедневно подарки мешками носил.

– Ну ты Санта, конечно, – резюмировала Юрате, наконец доварившая пунш. – И волхв что надо. И будем считать, добрый знак.

– По-моему, – сказала Дана, кутаясь в новенький шарф, – за твоё внезапное появление надо нарисовать благодарственное ретабло. Святому Николаю, собственно. Явно же по его ведомству происшествие. Он тебя, сто пудов, и прислал!

– Я могу! – обрадовался Артур. – Меня, было дело, водили на арт-терапию. Когда родители так испугались, что со мной всё внезапно стало в порядке, что решили срочно лечить. Было здорово. То есть, мне нравилось, а терапевтам – не очень. Я такую жуть рисовал, что мне чуть не влили новый диагноз. Но для ретабло, по-моему, самое то. В Мексике мог бы сделать карьеру! У нас есть бумага или картон?

Разрезали пустую коробку, порывшись в сумках, ящиках и карманах, нашли три чёрных ручки, две синих, зелёный карандаш, красный фломастер и жёлтый прозрачный маркер. Артур рисовал, все, столпившись вокруг, давали советы, Наира требовала изобразить её в бальном платье, а не в домашних спортивных штанах, конъюнктурщик куница Артемий сидел на плече Самуила, сообразив, кто тут сегодня самый любимый и главный гость. Вразнобой диктовали художнику: «Дана, Артур, Юрате, Три Шакала, Наира, Труп, куница Артемий и котик Раусфомштранд благодарят святого Николая Чудотворца за визит марсианина с Юпитера Самуила, который пришёл к нам с подарками в канун Рождества». Три Шакала, добрый католик, говорил: «Это вы хорошо придумали! Вот теперь у меня праздничное настроение, как будто в костёл сходил». Труп требовал вставить перед именем Наире эпитет «прекрасная», Наира кричала: «Не надо, пусть это будет секрет!» В итоге решили назвать «прекрасными» всех. «Прекрасная Дана», «прекрасный Артур», и так далее. «Прекрасного Чудотворца прекрасно благодарят». Так хохотали, что Самуил почувствовал себя пьяным прежде, чем попробовал пунш.

Поскольку в «Крепости» не нашлось ни липучек, ни кнопок, готовое ретабло прибили к стене здоровенным гвоздём. И наконец подняли бокалы. В смысле, разномастные кружки с пуншем. За тебя! – говорили все Самуилу. – За Рождество! За жизнь! И за нас.

– Пунш зашибись получился, – сказал Самуил, поставив пустую кружку на стол. – И всё остальное. Такое счастье! По уму, это я должен был ретабло нарисовать. Спасибо, что когда я пришёл в «Крепость», мне тут все обрадовались и угостили рождественским пуншем. И согласились подарки взять.

– Я всегда считала, – улыбнулась Юрате, – что на самом деле ретабло должны выглядеть как-нибудь так: «Святая Дева Гваделупская благодарит дону Хуана за то, что не пропил посланный ему мешок песо, а построил дом и завёл поросят». «Святой Иуда Фаддей благодарит синьору Лолиту за то, что выполняла все предписания врачей и полностью восстановилась после той операции, во время которой он её спас». «Я был святым Себастьяном, однажды мне стала молиться Кончита из Мехико, просила послать ей взаимную любовь, я послал, и вот уже сорок лет Кончита живёт со своим возлюбленным в полном согласии, спасибо, что мой труд не пропал зря»... Вот вы

смеётесь! Ну да, я сама смеюсь. Но по сути, это же очень серьёзно. Нет большего счастья, чем убедиться, что твоя работа была не напрасна. Что твои подарки попали в хорошие руки. Что твои усилия – не тщета.

* * *

Разошлись сильно за полночь; впрочем, на часы не смотрели, просто в какой-то момент все стали дружно зевать. Но расставаться всё равно не хотелось, поэтому всей компанией пошли провожать домой Трёх Шакалов, в смысле, Арунаса, благо он живёт совсем рядом, в доме у подножья холма. Потом Дану с Артуром, который нёс за пазухой обоих зверей. Потом вызывали такси для Наиры, потом утешали Трупа, который хотел с ней поехать и проводить до подъезда, а там как пойдёт, но в последний момент не решился, и вот так всегда! – говорил он, чуть не плача. – Почему у меня не получается? Я же с другими девчонками храбрый, иногда даже слишком наглый чувак!

Наконец Самуил с Юрате остались вдвоём, и она сказала:

– Хотела бы я проводить тебя до самого дома! Но не выйдет. По иным реальностям мне гулять больше нечем. Поэтому ладно, пошли провожать меня.

– А ты на самом деле где-то живёшь? Просто в нормальном доме, как люди? В обычной квартире? – спросил Самуил: – Глупый вопрос, понимаю. Но я не мог не спросить.

– Глупый, – согласилась Юрате. – Но в точку. В городских реестрах мой дом не значится. И доставку туда не закажешь: адрес, вроде, нормальный, но курьеры его не находят. Я попробовала пару раз. А с виду вполне обычный кирпичный дом. Не какой-нибудь призрачный. Не исчезает, когда пропоёт петух. И не мечется с места на место. Даже на фотографиях получается. Пока я есть, дом тоже есть, это факт.

– Как-то так я примерно и думал, – вздохнул Самуил. – Хотя представить, как это работает, всё равно не могу.

– Так воля же, – пожала плечами Юрате. – Созидательная. То есть, в наивысшей октаве. Та сила, благодаря которой когда-то возникла ваша реальность. И не только она... Знаешь, что плохо?

– А у нас что-то плохо? – удивился Самуил.

– Мой дом слишком близко отсюда, – рассмеялась она. – Поговорить не успеем. Но эта беда легко поправима. Пойдём самой дальней дорогой. Добро, если доберёмся к утру!

Шли по городу; Самуилу с каждым шагом становилось теплей. Он на ходу расстегнулся, размотал шарф и сунул его в рюкзак. Спросил:

– Мы снова туда попали?

– Куда?

– Где пиццерия «Голод и тётка». Ты говорила, там почему-то всегда теплей.

– Нет, к сожалению, не попали, – улыбнулась Юрате. – Тебе стало тепло, потому что разгорелся твой внутренний огонь. Рядом со мной он обычно хорошо разгорается. К сожалению, не у всех. Но это дело такое, просто дать никогда не достаточно. Должно быть стремление взять. Встречное усилие. Благодарность. И готовность этот дар удержать.

– Да, это я понял, ещё когда ты про ретабло шутила, – подхватил Самуил. – В смысле, что для тебя это важно. Что в целом здесь это важно. Что у людей в ТХ-19 часто нет сил взять подарок. И не только сил.

Юрате молча кивнула. Свернула в какую-то подворотню. Сказала:

– Здесь шикарный двор. Проходной. Люблю их очень. Проходные дворы нужны городам, как людям правильное дыхание. Чтобы сил было больше и жилось веселей. Плюс проходные дворы добавляют пространству сложности. И увеличивают число неочевидных, скрытых путей.

– Я их в детстве коллекционировал, – признался Самуил. – Специально искал, адреса в тетрадку записывал. С пометками: «Проход не видно, он за кустами», или «Там часто репетирует какой-то трубач». Недавно как раз нашёл ту тетрадку, когда гостил у своих. Девяносто шесть проходных дворов! Я забыл, что их было так много. Шикарная получилась коллекция. Хочу теперь как-нибудь снова по всем адресам пройтись.

– У меня тоже коллекция, – сказала Юрате. – Правда поменьше, чем у тебя. Здесь люди любят огораживаться и запираются. В принципе, их даже можно понять. Потому что многие склонны

портить и гадить. Или просто подглядывать и мешать. Но всё равно, конечно, не дело. Нам нужны проходные дворы. Так, стой! Да, вот здесь. Ты чувствуешь ветер?

– Очень тёплый, почти как летом, – подтвердил Самуил.

– Южный ветер. Юный совсем ветерок. Не знаю, откуда он взялся, но прибился к нам, как бездомный котёнок. Живёт в этой подворотне, питается удивлением тех, кто обратит на него внимание. И понемногу растёт. Вырастет, всем покажет! Ну, я надеюсь. Сирень, например, зацветёт в январе. Или каштаны. Или пальмовая роща в Юстинишках появится. Или попугаи потеснят голубей. Неважно, что именно, лишь бы было. Нам тут позарез нужны чудеса. Любого масштаба. Чем их больше, тем лучше. Я ещё и поэтому страшно рада, что Тимка вас сюда притащил! Он один – это тоже было отлично. Пришёл и живёт как ни в чём не бывало, невозможный такой. Но когда вы тут шлелись все вместе, компанией, разговаривали на своём немыслимом языке, город только что не орал от радости. Хотя вообще-то немножко орал.

– Я это чувствовал, – подтвердил Самуил. – Что город от нас в восторге, примерно как Надя от котиков. И мы, как котики, прыг к нему на колени, и ну мурчать! Думал, в ТХ-19 так не бывает. А оказалось, чего только не бывает у вас.

– У них, – невесело усмехнулась Юрате. – Я тут сама не местная, живу на вокзале, помогите, чем можете, а то и дальше буду глупо шутить... Так вот, у них – не бывает. Здесь не положено так. Но Вильнюс – другое дело. Он здесь почти такой же чужак, как я. В нашей реальности Вильнюс был... мог бы быть – не столицей, но сердцем нового мира. Примерно как у вас Лейн. Перемены, которых, теперь получается, не было – но я-то помню, что были! – отсюда когда-то и начались. Удивительно, правда? Что именно Вильнюс. Не Берлин, не Лондон, не Москва, не Бомбей; с другой стороны, не Тибет, не развалины Чичен-Ицы, не одно из так называемых «священных мест». Но на самом деле это логично. Изменения начинаются там, где им проще начаться. Где им меньше мешают. Так почему бы, собственно, и не здесь. Пошли!

Какое-то время шли молча. Самуил не то чтобы обдумывал услышанное, скорее старался глубже его прочувствовать, присвоить,

встроить в себя навсегда, как когда-то поступал с идеями древних философов, а потом не мог вспомнить, что прочитал, что услышал на лекции, а до чего додумался сам. Для учёных дискуссий такая каша в голове не особо удобна, вмиг запутаешься в цитатах, зато для понимания – в самый раз.

Наконец Юрате резко свернула с дороги и пошла вниз по пологому склону холма. Предупредила:

– Осторожно, здесь скользко.

Это Самуил и сам уже понял. Но равновесие кое-как удержал.

– Хочу познакомить тебя со своим близким другом, – сказала Юрате.

Самуил огляделся по сторонам. Ожидал, конечно, увидеть незнакомого человека. Возможно, с волчьей головой, или призрака, к этому он вполне был готов. Но ни людей, ни оборотней, ни призраков не было. Совершенно пустынная роща. Или парк, или сквер. Чёрт его знает, как оно называется. Пруд, тропинка вдоль берега, белая от лунного света, небольшие группы деревьев, изгибы стволов и веток удивительной красоты. Вдалеке темнеют густые заросли, отсюда кажется – лес. Но это всё-таки вряд ли. Здесь ещё центр города. Минут двадцать, максимум, шли.

– Он ещё не пришёл? – наконец спросил Самуил.

– Кто, мой друг? – улыбнулась Юрате. – Так он отсюда и не уходил.

Подошла к огромной иве с раздвоенным стволом, растущей у самого пруда. Коснулась стволов руками, заговорила так тихо, что Самуил ни слова не разбирал. Но всё равно понял, о чём у них разговор – ну, примерно. Как в Тёнси улавливал суть и настроение некоторых диалогов, происходивших поблизости, но обращённых не к нему. Понял, что Юрате и дерево очень рады друг другу. И ещё, что она показывает его дереву. Хвастается им, как добычей – смотри, кого я к тебе привела!

– Ты ему очень нравишься, – наконец сказала Юрате. – Ну, я на это рассчитывала. Деревьям всегда нравятся гости из высших миров. Иди сюда и садись. Он разрешил.

В том месте, где ствол ивы раздваивался, было очень удобное место. Практически кресло. Можно развалиться по-царски, опираясь на ствол. Самуил так и сделал. И натурально обмер от – удовольствия?

счастья? восторга? как это вообще называется? Вот это ни с чем не сравнимое чувство, когда тебя любит огромное, сильное, превосходящее твоё понимание существо, и ты это ощущаешь натурально физически, как ветер, тепло, или дождь.

Как назвать, неизвестно, подходящего слова нет даже в родном языке. Но само ощущение Самуилу было знакомо. С тех пор, как однажды в Тёнси у него случился роман.

Он сказал, едва ворочая языком, потому что был сейчас пьянее всех пьяных в городе:

– Спасибо. Ты очень прекрасный. Нет слов.

– Он такой, – подтвердила Юрате. – Лучше всех. Даже в нашей несбывшейся реальности был самый крутой. Ну а здесь-то!..

– В несбывшейся? – Самуил почти протрезвел; ну, насколько это вообще сейчас было возможно. – Так мы всё-таки?..

– Нет, мы не там. Это он с нами здесь. Он очень старое дерево. Для таких нет ничего невозможного. В какую хочешь реальность могут отбросить тень. А этот и другие такие красавцы ухитрились здесь целиком прорасти. Спасибо им! Прихожу, обнимаю, и снова как дома. Может только поэтому я и есть до сих пор. Они держат меня. Нас всех. Помогают. Нет прочнее опор.

Юрате достала одну из подаренных им сигар. Закурила, выпустила облако зеленоватого дыма, и оно, вопреки законам всех мыслимых физик, окутало, как минимум, рощу. А может, чёрт его знает, весь мир.

Подмигнула Самуилу:

– Подарок! Специально сюда пошла, чтобы сигару из мира весёлых духов рядом с ним покурить. И тебя притащила тоже в подарок. Прости!

Самуил много чего хотел ей сказать. Что это на самом деле он получил лучший подарок в мире, и вообще, кому хочешь, тому меня и дари, хоть целиком, хоть кусочками, я не пикну, будь моя воля, остался бы здесь навсегда. Но не смог. Забыл почти все слова. Только выдохнул:

– Хренассе ТХ-19!

– Иногда нам даже здесь кое-что удаётся, – улыбнулась Юрате. – Нас мало, но мы о-го-го.

– «Мы», – повторил Самуил. – Это ты и деревья? И Дана с Артуром?

– Угадал, – согласилась Юрате. – Только не вздумай им говорить.

– Что говорить? А то они сами не...

– Не знают. Такое уж было условие: всё придётся забыть. Не то чтобы кто-то требовал. Просто это работает так. Человек может принадлежать только одной реальности, точка. И память у него должна быть одна. Деревьям в этом смысле проще. Ну и мне.

Зелёный сигарный дым клубился над их головами, поземным туманом тёк по древесным корням и пожухшей траве. Юрате курила сигару из Тёнси и говорила торопливо, то и дело сбиваясь, перебивая сама себя:

– Они потрясающие. Не представляешь, насколько. Семьдесят восемь очень старых деревьев, шестьсот сорок шесть человек. Когда ты – часть реальности, которая тает, становится всё менее вероятной, проще простого согласиться с происходящим, растаять за компанию с ней. Это даже приятно. Ход времени замедляется, причинно-следственные связи путаются, как во сне. Происходит всё больше странных, нелогичных событий, но ты не удивляешься, тебе всё равно. И жизнь тебе по-прежнему нравится, но отстранённо, как, к примеру, кино. Атмосферное, но почти бессюжетное, ничего не потеряешь, если не досмотришь его до конца. Тело становится лёгким, и всё реже хочется есть. И спишь всё дольше, а когда всё-таки просыпаешься, не можешь отличить явь от сна. На самом деле, потрясающий, ни на что не похожий, неопишуемый опыт – вместе с реальностью, которой, как вдруг оказалось, не было, исчезать. Я теперь это знаю. В том числе и на собственной шкуре. Я тогда нарочно себя умалила до обычного человека. Мне показалось, так честно. Сохранить не сумела, значит надо быть рядом с ними, стать такой, как они. И вместе исчезнуть, когда придёт срок.

Юрате взмахнула сигарой, словно бы перечёркивая всё, о чём говорила.

– Но не тут-то было! – сказала она. – Эти люди. И эти деревья. Семьдесят восемь деревьев, шестьсот сорок шесть человек. В них столько упрямства и силы, что они наотрез отказались таять. И не просто бла-бла-бла, на словах отказались, а смогли! Жили в

исчезающем мире осмысленно, страстно, горько и радостно, во всей полноте. Рядом с ними морок рассеивался, и это здорово замедляло процесс. Но он, зараза такая, всё равно продолжался. Это, знаешь, как снег. При температуре плюс два тает гораздо медленней, чем когда плюс пятнадцать. Но всё равно растает, даже если так и не станет теплей.

Юрате надолго умолкла. Наконец сказала:

— Мы стойко держались. Ух как мы тогда жили! На всю катушку. Мало что во Вселенной может быть красивей. И вдруг появился шанс всё исправить. Наверное. Может быть появился. Сижу же я тут с тобой. Я же есть? Значит шанс тоже есть. Значит работает метод, который я... Нет. Конечно я его не придумала. И не могла. Я, знаешь, так себе дух-хранитель. Совсем молодой дурак. Или дура? Выбрать непросто! Двойственность моей изначальной природы позволяет и так, и так. Зато и сердце у меня, как молодым дуракам положено. Сам видишь, я по уши в наш несбывшийся мир влюблена. Как русалочка в красивого глупого принца, ради которого к людям из моря ушла. Только вместо принца у меня была реальность. С которой можно играть, которую надо любить и хранить. Короче, спасительная идея пришла ко мне явно в награду за то, что наотрез отказалась бросить поломанную игрушку и вернуться домой, к источнику жизни и силы, к тому, кто больше, чем жизнь... Ладно, это сейчас неважно. Может быть снова станет важно однажды. Нескоро. Потом. Факт, что оказалось, мы можем покинуть свой исчезающий мир, стать частью реальности, которая нас отменила. И ещё раз попробовать передолбать всё по-своему. Заново. Изнутри.

Самуил сидел на дереве, переполненный его любовью, пьяный от дыма сигары из Тёнси, которые сильнее шибают в голову, когда их рядом курит кто-то другой, растерянный, как после самого первого Перехода, бесконечно счастливый и бесконечно же неприкаянный, даже сам себе сейчас немного чужой. Слушал голос Юрате, с трудом узнавал слова, словно язык ещё толком не выучил. И одновременно явственно, как кинофильм на экране, видел улицы города, его разноцветные крыши, небо в тучах, стволы деревьев, лица людей, которые о чём-то говорят, соглашаются, спорят, плачут, смеются и обнимаются, курят, пускают по кругу флягу, кто-то восклицает: «Котики хренова Шрёдингера это теперь мы!» Как дождь барабанит по

стеклянному куполу, как ветер швыряет им под ноги рыжие листья платанов, как от вокзальных перронов медленно один за другим отъезжают пассажирские поезда. В каждом только один пассажир. Без билета до станции назначения, без надежды, без багажа. Но как они друг другу улыбаются на прощание! Как сияют глаза! Словно это не люди, а весёлые духи из Тёнси. Которые, в сущности, никакие не духи. А люди. Самое лучшее, что может вырасти из людей.

– Поезда, – сказал он вслух, сам не зная зачем. И повторил: – Поезда.

– А, – улыбнулась Юрате. – Ты увидел? Он тебе показал? Скажи, красивые?

– Даже красивее, чем наши, – подтвердил Самуил.

– Спасибо. Я люблю комплименты. Но никто не умеет их делать.

А у тебя получилось. Галантный ты кавалер!

– Поезда – это для тебя очень важно?

– Поезда – это я.

– Поезда это ты, – повторил Самуил. – Не понимаю! Ты что, в поезда превратилась? И сама всех сюда увезла?

– Можно и так сказать. Но не то чтобы именно превратилась. Просто всю свою силу угрохала в эти красивые поезда. Которые, конечно, иллюзия. Но иногда без иллюзий нельзя. Невозможный процесс смены одной реальности на другую должен хоть как-то выглядеть. Должна быть опора для человеческого ума. Поезд идеально подходит. Каждый с детства любит путешествовать в поездах. А у нас как раз путешествие. В полную неизвестность. Никто же не знал заранее, что его ждёт. Какое он здесь займёт место. Кем будет. Каким. К чему устремится. В какую труху и алмазную пыль его перемелет судьба. И сможет ли под этими страшными жерновами хоть что-нибудь от настоящего уцелеть.

– Я бы не решился, наверное, – вздохнул Самуил. – Лучше уж просто исчезнуть. И родиться где-нибудь заново. В нормальном месте, где судьба – не обязательно жернова.

– Тебя можно понять. Просто нам такой вариант не светил. Мы же не умирали, а отменялись, вместе с прошлым и будущим, во все стороны сразу. Как будто нас никогда не было. Некому родиться заново, вот в чём наша беда.

Самуил поневоле содрогнулся:

– О господи. Можно я не буду тебя понимать?

– Даже нужно, – улыбнулась ему Юрате. – Извини. Я что-то расслабилась. И ну болтать! Я сейчас человек, мне так легче. Не хотела тебя пугать. На самом деле, у нас всё, сам видишь, нормально. Мои деревья и люди крутые. Пока они живут тут, как дома, наш дом каким-то образом есть. Данку ты видел. Скажи, какая! А Пятрас вообще!..

– Пятрас?

– Теперь он Артур. Наш Пятрас умер от какой-то местной болезни. Казалось бы, умер и умер, ничего не поделаешь, всё, привет. Но плевать он хотел. Подумаешь! Как умер, так и воскрес. Точнее, поменялся местами с каким-то мальчишкой, который здесь ни минуты жить не хотел. Поэтому он такой молодой. И самый счастливый на свете. Всё любит, ни черта не боится. Ещё бы! Смерть победил.

– О боже. И такое бывает? – изумился Самуил.

– Естественно не бывает! Но Пятрас на это забил. Он хотел быть здесь, рядом с Данкой, и точка. Любит её так же сильно, как дома любил. Вот что мне особенно в этой истории нравится! Любовь оказалась сильнее беспамятства. А воля даже смерти сильнее. Причём Пятрас и Данка – не такое уж исключение. Все наши, кого я успела найти, свою суть сохранили. Несгибаемые. Вертели они эти сраные жернова! Ну, правда я пока далеко не всех отыскала. Даже не половину. А жаль! Дану, Артура, Арунаса и ещё четырёх человек я встретила в Вильнюсе. Потом Наира сюда переехала, сама толком не зная, зачем. С деревьями проще, все наши здесь проросли. А людей разбросало по свету. Правда, в Вильнюс их тянет магнитом, сердце-то знает, где дом! Среди туристов за эти годы я насчитала почти полторы сотни. По картинам, книгам и музыке опознала ещё сорок семь человек. Ещё с доброй сотней писателей и художников пока не определилась – может наши, а может и местные. Те драгоценные семена, из которых мы проросли. Хорошо, что есть интернет! То есть здешним людям вреда от него даже больше, чем кажется, но как средство связи и поиска он мне очень помог. Я же не могу уехать из Вильнюса. Здесь я есть, а в других местах меня уже нет.

– Быть такого не может, – твёрдо сказал Самуил.

– Не может, – легко согласилась Юрате. – Опять зачем-то тебя напугала. Прости. И не бери близко к сердцу. Всё, о чём я болтаю,

вовсе не окончательный приговор. Жизнь – штука зыбкая. И мерцающая. Всё постоянно меняется. Чего вчера не было, сегодня уже снова есть. А что будет завтра, неведомо. И это скорее хорошо. Самое страшное, что со мной в этой новой жизни случилось – твёрдая уверенность в завтрашнем дне. То есть, конечно, иллюзия твёрдой уверенности. Уж что-что, а будущее изменяется по сто раз на дню.

– Пусть как хочет меняется, но ты в этом будущем есть, – твёрдо сказал Самуил. – Во всех его вариантах. В любой реальности, где тебе больше нравится. Вообще везде. – И повторил на своём родном языке, даже не вспомнив о возможных последствиях: – Во всех вариантах будущего ты безусловно есть.

Юрате сразу поняла, с чего он вдруг заговорил на неизвестном ей языке. Восхищённо вздохнула:

– Ну ты камикадзе вообще.

– Кто-кто? – удивился Самуил.

– Камикадзе. Ты этого слова не знаешь?

– Знаю. Просто я – настолько не он, что показалось, ослышался. Какой из меня, к лешему, героический самоубийца. Я – рядовой, обычный пророк.

– Ты как себя вообще чувствуешь? – спросила Юрате. – Есть силы вернуться домой?

– Да есть, конечно. Когда говоришь то, что и так является правдой, силы на это не тратятся. Только я совсем одурел от счастья. И от дыма сигары. И от наших с тобой разговоров. А больше всего от любви. Ничего, пройдуся, проветрюсь, всё будет нормально. Мимо Лейна не промахнусь.

– Тогда слезай, – кивнула Юрате, подавая ему руку. – Пошли. Провожу тебя до проспекта, брошу во тьме и пойду спать.

Сначала они шли молча. Самуил старательно думал специально для дерева, как думал бы в Тёнси после свидания: «Я вернусь обязательно. Правда, не знаю, когда». И не то чтобы слышал, скорее ощущал, как ему издалека отвечают что-то ласковое и тёплое, жалко, что не выходит точней разобрать. Хотя было бы что разбирать, и так же понятно: «Возвращайся всегда».

Юрате тоже помалкивала, думала о чём-то своём, вид у неё был мрачный и даже, можно сказать, угрожающий, но это понятно, просто

такое лицо. И вдруг рассмеялась.

– Ты чего? – спросил Самуил.

– Не поверишь, – сквозь смех сказала Юрате. – Но до меня только сейчас дошло. Твои подарки! Сыр, конфеты и всё остальное. Они же это съедят!

– Ну, я надеюсь, съедят, – подтвердил Самуил. – Вкусы-то у нас более-менее сходятся. Что само по себе удивительно. В совершенно разных реальностях примерно одно и то же подают на обед!

– Сходятся, – нетерпеливо отмахнулась Юрате. – Все с удовольствием слопают твои гостинцы из Лейна. Которые, на минуточку, из другой материи состоят. Вот это номер! Боже мой, как я рада!

– И что от этого будет? – осторожно спросил Самуил.

– Понятия не имею. Но это очень полезное чудо. Просто само по себе. Здесь так не бывает. А в нашем несбывшемся мире – вполне. У нас такое нормально – волшебные гости с подарками. Не со всеми, не каждый день, но случается. Особенно в Рождество.

Час спустя Самуил (уже Шала Хан) ехал в ночном трамвае через предрассветный сумрачный тёплый Лейн и думал таким специальным спокойным рассудительным внутренним голосом, каким говорят с перепуганными детьми: сначала я лягу спать и просплю до заката. Потом напьюсь, как в Шерни на свадьбе, – так, чтобы отливали водой. И вот потом я, возможно, буду готов всё это обдумать. И понять, что там у них на самом деле творится. К чему мне удалось прикоснуться. Но не факт, что пойму. Совершенно не факт!

• *Что мы знаем об этой книге?*

Что в ней, по замыслу, должно быть три части (три прожитых нами года). Это была первая часть.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что если вам пока ни черта не понятно, это нормально. Дальше будет ещё непонятней. Так и было задумано. Эту книгу надо не понять, а прожить.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что прожив эту книгу – слово за словом, абзац за абзацем, главу за главой – можно стать таким, как её герои. Человеком, рождённым для радости, волшебным, в нашем понимании, существом. А можно не стать. Это – вопрос желания и усилия. Помните, мы говорили о том, что дать – недостаточно. Надо ещё суметь взять.

- *Что мы знаем об этой книге?*

Что больше всего на свете я хочу её написать.

notes

Примечания

На всякий случай (вдруг это читают дети) имеет смысл пояснить, что здесь и далее фрагменты текста песни «The End» американской культовой рок-группы The Doors.

Пагегяй (*лит.* Page'giai) – крошечный, с населением около 2 тыс. жителей городок в Литве.

Bitch face (resting bitch face) – синдром стервозного лица – особенности мимики, когда в состоянии расслабленности лицо выражает злобу, презрение, раздражение.

Костёл Святых апостолов Филиппа и Иакова – католический доминиканский костёл в Вильнюсе на Лукишской площади, то есть неподалёку от места действия.

Город-курорт на Адриатическом побережье Италии.

Пляжи города Фано, расположенные южнее рыболовецкого порта. Сассония – городской пляж, Баньи Торретте считается пригородным.

«Котят и бабушку» – цитата из рассказа Виктора Драгунского «Что любит Мишка» («Денискины рассказы»).

Он цитирует здесь роман Торгни Линдгрена «Вирсавия» – «Непостижимое и неопределенное – вот единственно святое».

Что мы знаем про Амароне? Что это сухое красное вино из региона Veneto в северо-восточной части Италии. Его производят из подсушенного винограда (appassimento).

Kadaver (*нем.*) – труп.

Numire'lis (*лит.*) – труп.

То есть, получается, под Led Zeppelin они ехали. Роберт Плант – вокалист этой группы; вроде, больше нет в рок-музыке Плантов, от которых можно устать.

Аурелиус Верига – министр здравоохранения Литвы в 2020 году, надувной госпиталь для больных ковидом стоимостью в миллион евро – одна из афер тогдашнего правительства, об этом госпитале много тогда говорили и возмущались, а теперь уже и ссылок в интернете на эту историю не найти.

Речь о сборнике новелл «Мудрость вымысла» (в других переводах «О мудрости вымысла», или «О мудрости лжи»). Его автор – князь Сулхан-Саба Орбелиани (1658–1725), грузинский государственный деятель, писатель и просветитель, создатель грузинского литературного языка.

Она же «Библиотека всемирной литературы», 200-томная серия книг, выпущенная издательством «Художественная литература» в СССР в 1967–1977 годах.

Речь о книге творческого объединения Stupid Casual, появившейся в результате лингвистических игр в интернет-сообществе; издана в Москве в 2014 году.

Северный городок (*лит.* Siaure's miestelis) – микрорайон Вильнюса.

Новый Жверинский мост, он же Любарто (лит. Liubarto tiltas) – автодорожный мост через реку Нерис. Соединяет левобережный район Науяместис с правобережным районом Жверинас. Под ним (на Левом берегу, в Науяместис) действительно есть супермаркет сети IKI.

Отличная сеть (из четырёх на сегодняшний день) кофеен и лучшие обжарщики в Вильнюсе, как ни крути.

Именно так и называется. Обязательные компоненты традиционного пунша – ром, чёрный чай, сахар и лимон.

Вполне вероятно, что речь о книге Леи Любомирской «Лучшее лето в её жизни», которая была издана в «Амфоре» в 2009 году, а до этого какое-то время существовала в интернете, в виде разрозненных рассказов. Или о самом рассказе «Лучшее лето в её жизни», который дал название сборнику.

«Как жаль, что вас не было с нами» – рассказ Марии Станкевич, давший название первому из двух томов собрания её сочинений, которое мы издали (пока только в электронном формате) после её смерти в 2022-м году.

МО Museum – частный музей современного искусства в Вильнюсе, открыт для публики с октября 2018 года. Мы сердиты на них за слишком дорогие по меркам Литвы входные билеты, но очень любим их клумбы, где раньше всех в городе расцветают крокусы, шикарный навес над лестницей, где в любую погоду можно сидеть с кофе из соседних кофеен, и магнолии в саду скульптур. Но вообще в запасниках МО прекрасная коллекция литовских нонконформистов советского периода, многие работы только благодаря им уцелели и были отреставрированы. За это владельцам музея земной поклон.

Скорее всего Тим читал «Гнёзда химер» в удачном издании, с расширенными комментариями. Вряд ли всё-таки он видел каталог выставки «Мадайк» с полным текстом Атуба Аббае. С другой стороны, чёрт их знает, что они там в своём Гуманитарном Университете учат. Может и про Аймым!

Литы – валюта Литвы до введения евро. Соотношение по официальному курсу было, если не ошибаюсь, 0,33. Получается, туфли для сна стоили примерно от 7 до 13 евро. Но цены на товары и услуги тогда были несопоставимо ниже, так что в пересчёте особого смысла нет.

Телефонное приложение, помогающее в выборе вин.

Неудивительно, что не вспомнили! Не настолько они отличники, да и учились очень давно. Цитата из книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Уникальный памятник русской письменности, семнадцатый век. Хатан (Тэко Машши), теоретически, мог бы заинтересоваться, а нормальные читатели из Сообщества Девяноста Иллюзий – боюсь, всё-таки нет.

На всякий случай приношу извинения сотрудникам и обитателям Буйвидишского кладбища. Я не знаю, почему именно оно было выбрано в качестве дурного примера. Лично у меня нет никаких оснований называть тамошних зомби невоспитанными (я вообще не верю в них).

Каждый, кто хорошо знает Вильнюс (с этой непростой стороны), может заметить, что Юрате ведёт друзей из Жверинаса к музею МО (они, как известно из предыдущих глав, живут где-то рядом) дорогой, которой оттуда технически невозможно идти. Не все указанные адреса мне понятны, но, как минимум, ангел смерти страдал от шумной соседки на улице Врублевскё, напротив Кафедры, а это совершенно другой конец.

Речь о рассказе Виктора Драгунского «Что любит Мишка».

«Кэрри» (англ. Carrie) – первый опубликованный роман Стивена Кинга. Издан в 1974 году издательством Doubleday и стал началом успешной карьеры писателя.

«Похищение быка из Куальнге» – центральная сага уладского цикла, одного из четырёх циклов, составляющих ирландскую мифологию, точнее ту её часть, которая известна нам.

Эмайн-Маха — резиденция короля Конхобара, основное место действия саг уладского цикла.